

АКАДЕМИЯ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР
Отдел этнографии и искусствоведения

Е. Н. Абызова, П. П. Бырня,
А. А. Нудельман

ДРЕВНОСТИ СТАРОГО ОРХЕЯ

**Золотоордынский
период**

Ответственный редактор
профессор,
доктор исторических наук
Г. А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ

КИШИНЕВ
«ШТИИНЦА»
1981

63.4(2М)
А 17

Рецензировали
и рекомендовали
к изданию кандидаты
исторических наук
П. В. Советов,
Г. Ф. Чеботаренко

В монографии анализируются материалы многолетних раскопок одного из городов XIV в. на территории Днестровско-Прутского междуречья — Старого Орхья, которые отражают различные стороны социально-экономической жизни быта городского населения.

Впервые даются типология производственных, жилых и хозяйственных сооружений, классификация красноглиняной и кашпийской поливной керамики, освещается такой важный вопрос, как состав денежного обращения, позволяющий установить время зарождения города XIV в., его расцвета и упадка.

Книга рассчитана на историков, археологов, этнографов, краеведов и студентов-историков.

А $\frac{10602-205}{M755(12)-81}$ 17.81.0507000000

© Издательство «Штинца», 1981

ОТ РЕДАКТОРА

Монография «Древности Старого Орхея» содержит три раздела. В первом описываются жилища этого памятника, относящиеся к XIV в., то есть к золотоордынской поре его существования. Эти описания показывают, что на западных окраинах огромной Золотой Орды были свои приемы домостроительства, отличные от приемов, господствовавших в центральных районах — в Поволжье. Действительно, культура Улуса Джучи не была единой: западные и крымские районы ее сильно отличались от центральных и в керамике, и в сфере денежного обращения, и в домостроительстве, и в других компонентах культуры.

Второй раздел посвящен поливной керамике. Приведена подробная классификация красноглиняной и кашинной керамики. Читатель получит полное представление об этом важном элементе культуры и также сможет убедиться, что и в этой области Днестровско-Прутское междуречье было локальным вариантом золотоордынской культуры, отличным от других ее районов. Разделы ярко демонстрируют высокий уровень развития ремесла в эту эпоху, в первую очередь городского.

Третий раздел посвящен нумизматическим находкам. В нем даются некоторые выводы о денежном обращении в Старом Орхее в XIV в., уточняются начало и конец проникновения в этот район джучидской монеты, а также вопросы, связанные с местным чеканом так называемого «Нового города», который убедительно связывается с этим памятником.

В целом книга «Древности Старого Орхея» — интересная и ценная публикация археологических материалов городища, давно известного в науке и стяжавшего себе славу прекрасными находками.

Г. А. Федоров-Давыдов

СОДЕРЖАНИЕ

3	ОТ РЕДАКТОРА	3
5	ВВЕДЕНИЕ	8
9	1. ЖИЛЫЕ, РЕМЕСЛЕННЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННО-БЫТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ	50
51	2. ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА	80
81	3. ИЗ ИСТОРИИ МОНЕТНОГО ОБРАЩЕНИЯ В СТАРОМ ОРХЕЕ В XIV В.	88
89	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	90
91	ПРИМЕЧАНИЯ	98
99	СПИСОК СОКРАЩЕНИИ	99

ВВЕДЕНИЕ

Городище Старый Орхей находится в центральной лесостепной части Молдавии, в 18 км юго-восточнее современного города Оргеева. Оно расположено между селами Требужены и Бутучены Оргеевского района, в урочище Пештере на мысу, образованном излучиной Реута.

Река омывает мыс с трех сторон — с севера, востока и юга. Мыс тянется с запада на восток. Он труднодоступен из-за высоких обрывистых берегов Реута. С северной стороны правый берег, на котором находится городище, высок (100—120 м) и обрывист. Далее с востока, юго-востока и юга также высок и обрывист противоположный левый берег реки, на котором расположено Бутученское гетское городище IV—III вв. до н. э. Самая высокая часть мыса — западная и северная. Далее к востоку, юго-востоку и югу он понижается плавно до самой воды. Наиболее доступен мыс Пештере с запада, но здесь он был защищен линиями искусственных укреплений, перерезавших перешеек с севера на юг. Длина мыса около 2 км, ширина около 1 км.

Топографические условия мыса Пештере и противоположного южного Бутученского мыса, возвышающихся на десятки метров над зеркалом реки, представляли собой естественную крепость над участком среднего течения Реута.

Территория городища, занимавшего весь мыс, ровная, без явных перепадов, за исключением разрушенной несколькими оврагами юго-западной части. Культурный слой городища в основном нарушен многолетней плантажной вспашкой при посадке садов, виноградников, тутовых плантаций. В более или менее непо потревоженном виде сохранился небольшой участок в центре городища, но и здесь местами остались следы траншей времен Отечественной войны. В результате весь археологический материал перемешан и определить его принадлежность, за исключением керамического и нумизматического, почти невозможно. Поэтому особую ценность приобретают углубленные в материк комплексы и материал, найденный в их заполнении.

На поверхность земли в настоящее время выступают остатки некоторых каменных сооружений. В западной части городища видны остатки цитадели XV в., в восточной и южной — фундаменты каменных бань II и III золотоор-

дынского времени, а в центральной — выступают остатки фундаментов и стен двух монументальных сооружений — «караван-сараяв» XIV в. и одноабсидной церкви XVI—XVII вв.

Старый Орхей как исторический памятник давно привлекал внимание исследователей. Особый интерес представляет определение его местоположения. Политический и общественный деятель Молдавии конца XVII—начала XVIII в. Дм. Кантемир локализовал Старый Орхей на западном берегу несуществующего в настоящее время Оргеевского озера, находившегося в XVI—XVII вв. у современного Оргеева. Вместе с тем он считал, что остатки этого города соответствовали дакийской крепости Петродава¹. Такого же мнения придерживался и молдавский писатель XIX в. К. Стамати, который также ошибочно определил положение Старого Орхея, но не у Оргеева, а у села Бранешты, т. е. ближе к реальному памятнику².

Первым обследовал памятник В. Курдиновский, который в 1906 г. приехал в Бутучены с целью изучения надписей на фасаде одного из скальных монастырей. Сопоставив предания и материалы грамот, он определил точное местоположение Старого Орхея: «...Старый Орхей находился, несомненно, в долине (Реута.— П. Б.), хотя и был защищен самой природой от вражеских набегов. Дело в том, что существует предание, что именно в этом месте, где река Реут делает сильный изгиб от Требужен к Бутученам, был расположен Орхей. Подойти к нему можно было со стороны Бранешт или со стороны Бутучен; со всех других сторон эта местность ограничена страшными крутизнами. Вот в этих двух удобных к доступу в город пунктах и теперь видны следы больших валов, отсекающих город от всего остального мира»³. В. Курдиновский отметил, что на территории города, против Требужен сохранились остатки фундамента стен дворца Орхейской цитадели, остатки кладбища и место церкви.

В вводном очерке к сборнику с текстами грамот, касающихся города Оргеева, А. В. Сава дал краткую историю города, попытался объяснить значение его названия, причину его основания и установить время появления современного Оргеева, в результате чего город в урочище Пештере стал именоваться «Старым Орхеом»⁴. На основе анализа материалов, касающихся села Требужены, автор пришел к неопровержимому выводу, что Старый Орхей располагался у Требужен, «ниже Пештере и выше Машкауц»⁵.

Однако одного утверждения о местоположении здесь Старого Орхея, невзирая на свидетельства грамот, недостаточно. Нужны были материальные подтверждения этого положения, доказательства, которые характеризовали бы памятник как город, центр ремесла и торговли, позволили датировать его, выяснить, нет ли более ранних культурных напластований, подтвердили бы сведения грамот, что это именно Старый Орхей, а не какой-либо другой памятник. Такие неопровержимые доказательства могли дать только систематические археологические исследования. Они начались на мысу Пештере лишь после установления Советской власти в Молдавии.

В 1946 г. Г. Д. Смирнов его обследовал и дал первое описание. С 1947 г. начались последовательные раскопки на этом важном памятнике средневековья. С раскопок Старого Орхея началось вообще изучение археологических памятников на территории Молдавской ССР.

В результате разведочных работ 1947—1948 гг. Г. Д. Смирнов выявил на территории городища остатки семи заметных на поверхности капитальных сооружений (три в центральной части — церковь, два каменных сооружения;

четыре на берегу Реута — каменная цитадель, печи для обжига извести, а в районе цитадели — остатки различных сооружений). В 1947—1951 гг. проводились исследования одноабсидной церкви, расположенной в центральной части городища, установлен ее план, даны разрезы, определены два периода её строительства⁶. Одновременно в 1948—1950 гг. велись работы на различных участках правого берега Реута, где раскопкам были подвергнуты три бани⁷.

С 1952—1958 гг. Г. Д. Смирнов сосредоточил поиски главным образом в северо-западной части Старого Орхея — в районе каменной цитадели, внутри и за ее пределами. В результате работ, проведенных Г. Д. Смирновым (они продолжались до начала 60-х гг.), на городище Старый Орхей был получен значительный материал (вскрыто около 40 сооружений: церкви, бани, «караван-сарая», мастерские, жилища и др.), показавший, что памятник содержит напластования различных культур от триполья до позднего средневековья⁸.

Таким образом, результатами разведок и раскопок Г. Д. Смирнова было доказано материально, что Старый Орхей, местоположение которого вызывало столько противоречивых мнений, располагался именно здесь, на правом берегу Реута в 16 км ниже по течению реки от города Оргеева, на мысу Пештере, между селами Бутучены и Требужены.

Приступая к исследованию Старого Орхея, Г. Д. Смирнов главное внимание уделил изучению монументальных каменных сооружений: церквям, баням, «караван-сараям», цитадели и др. Этот материал позволял наметить основные этапы истории городища, дать характеристику сооружений, осветить уровень хозяйства и ремесленного производства, торговли. К сожалению, лишь некоторые из этих вопросов и то далеко не в полной мере получили свое освещение в литературе. В первой из статей Г. Д. Смирнов дал краткую характеристику упомянутых сооружений, однако все они, несмотря на их принадлежность к различным эпохам и культурам, были отнесены всецело к молдавскому времени XIV—XVI вв.⁹ Автором в это время еще не была обоснована периодизация памятника. Первая попытка периодизации приведена в его статье «Из истории Старого Орхея», где в истории города выделены три периода: предзолотоордынский, золотоордынский и молдавский¹⁰. Однако статья носила скорее популярный, нежели научный характер, ибо автор не подкрепил периодизацию ссылками на источники. Материалы раскопок подтвердили наличие только двух последних периодов в истории города. Таким образом, Г. Д. Смирнову удалось доказать наличие на мысу Пештере остатков двух средневековых городов: золотоордынского (середины XIV в.) и молдавского (XV—XVI вв.).

В связи с объявлением территории Старого Орхея в 1967 г. историческим заповедником прекращенные Г. Д. Смирновым в начале 60-х годов раскопки были возобновлены в 1968 г. археологической экспедицией «Старый Орхей». Раскопки велись на четырех основных участках городища: в районе караван-сарая (уч. Д); средневековой церкви и кладбища (уч. Д); на участке строительства новой дороги к требуженскому мосту (уч. Г, Е); на туговой плантации (уч. Г). Во время раскопок обнаружено много сооружений различного назначения. Получен также богатый керамический и нумизматический материал и большое количество изделий из меди, железа, кости. Весь найденный материал относится главным образом к упомянутым двум культурным эпохам: золотоордынской и молдавской. Материалы, относящиеся к молдавскому периоду истории Старого Орхея, будут в дальнейшем опубликованы.

В данной работе приводятся наиболее важные, интересные материалы золотоордынского времени Старого Орхее: характеристика жилых, производственных, хозяйственных и бытовых сооружений, выявленных раскопками 1968—1974 гг.; первая классификация красноглиняной и кашинной поливной керамики из раскопок 1968—1978 гг.

Делается также попытка ввести в научный оборот обобщенные данные о находках в Старом Орхее монет XIV в. и на этой основе проследить состав, динамику и хронологический диапазон монет, а также выявить основные закономерности и локальные особенности монетного обращения

Старого Орхее в указанное выше время.

Введение, первый раздел и заключение

написаны *П. П. Бырней,*

второй раздел — *Е. Н. Абызовой,*

третий раздел — *А. А. Нудельманом.*

I. ЖИЛЫЕ, РЕМЕСЛЕННЫЕ И
ХОЗЯЙСТВЕННО-БЫТОВЫЕ
СООРУЖЕНИЯ

Остатки сооружений открыты раскопками на различных участках территории города. Они встречались на различных глубинах. Ближе к поверхности там встречены остатки наземных построек в виде скоплений обмазки, камней, печины, керамики, гвоздей, горелого дерева и др. Сооружения земляночного характера, залегавшие на большой глубине, выявлялись в основном по пятнам заполнения котлована на фоне материкового грунта (главным образом суглинка или глины), содержащего вкрапления печины, угля, камней, керамики и т. д.

По своему назначению открытые сооружения делятся на несколько групп: жилые, ремесленные, хозяйственные и иные сооружения.

ЖИЛИЩА

Жилища золотоордынского времени в Старом Орхее различаются по форме, планировке, размерам, уровню залегания в грунте и другим признакам.

Жилище 3 А (сооружение 3) прослежено на глубине 60 см от уровня современной дневной поверхности в виде скопления камней, кирпичного боя, фрагментов обожженной глиняной обмазки. Западной стороной скопление вплотную примыкало к восточной стене «караван-сарая I»¹, на расстоянии 24,5 м к югу от северо-восточного угла последнего. Скопление имело прямоугольную форму и было ориентировано длинной осью в направлении север—юг (размеры: север—юг 700 см, восток—запад 410 см). При расчистке заполнения установлено, что оно представляло собой остатки наземного сооружения на

каменном фундаменте. Фундамент был выложен из необработанных камней, скрепленных, очевидно, глиняным раствором (ширина фундамента 40 см). Многочисленные находки обломков кирпичей позволяют предположить, что стены были выложены из кирпича. Пол в сооружении располагался на глубине 70 см от уровня современной дневной поверхности. Многочисленные обожженные участки свидетельствуют, что он обмазывался глиной. Внутреннюю планировку жилища 3 А проследить не удалось, так как оно сильно разрушено и повреждено вспашкой.

В юго-западной части сооружения

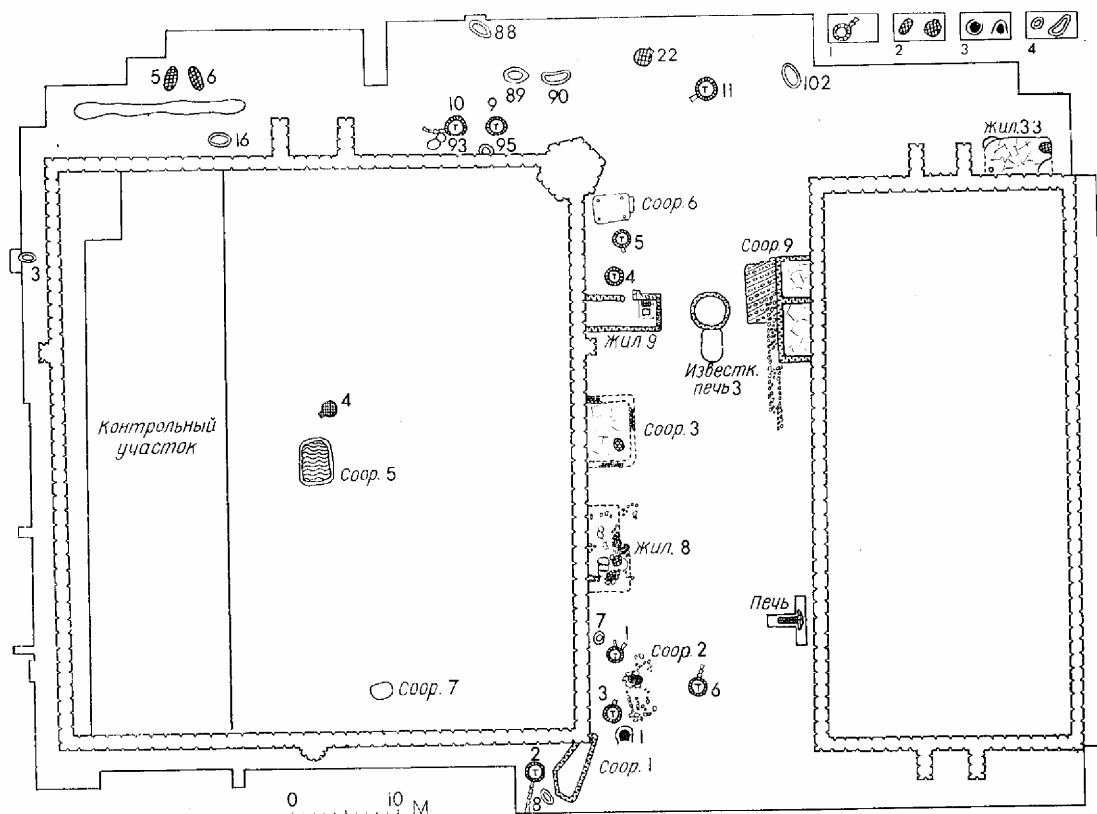

Рис. 1. Сооружения в районе «караван-сараяв»:
1 — тандыры; 2 — печи; 3 — горны; 4 — ямы

на расстоянии 40 см от южной и 80 см от западной стенок на глубине 75 см от уровня современной дневной поверхности обнаружены остатки небольшого очага, имевшего в плане овальную форму и ориентированного в направлении север—юг (длина 60, ширина 35, толщина прожога пода до 3 см) (рис. 1).

Жилище 7 А. В северо-восточной части городища на краю обрыва берега Реута после зачистки четвертого пласта стало возможно определить контуры пятна — остатков жилища 7 А. Землянка имела вытянутую с востока на запад прямоугольную форму с закругленной по углам южной стенкой (длина ее 360, сохранив-

шая наибольшую ширину 175, средняя ширина — 180, наибольшая глубина от современной дневной поверхности 210 см). Стенки отвесные, в месте перехода в дно они закругляются с небольшими углублениями. Заполнение землянки состояло из плотного темного грунта, в котором найдены кусочки угольков, обожженной глиняной обмазки, мелкие камни, гвозди, кости животных, мелкие обломки кирпичей, остатки сгоревшей доски, бревна толщиной 8—10 см (на глубине 180 см). На дне землянки в одной из ямок обнаружено пятно обожженной земли. Жилище 7 А представляло собой сохранившуюся южную половину землянки. Печь, кото-

рая обрушилась, находилась, видимо, в северной ее части. Открытые в заполнении остатки позволяют утверждать, что сооружение сгорело.

Жилище 8 обнаружено в 350 см к югу от жилища 3 А (сооружение 3), в результате расчистки щебня и кирпичного завала на глубине 80 см от современного уровня земли. Оно располагалось непосредственно у стены «караван-сарая I», в виде скопления глиняной обмазки и кирпичного боя, имевшего форму, близкую к прямоугольной (рис. 1). Длинной осью скопление (490×460 см) ориентировано в направлении север—юг. Жилище 8 представляло собой двухкамерное наземное сооружение. Об этом свидетельствуют остатки внутренней перегородки, расположенной в 260 см от южной границы жилища (длина 460, ширина 25 см). Стена была выложена из кирпичей, скрепленных глиняным раствором. Перегородка делила сооружение на южную и северную камеры. Южная (16 кв. м), по всей вероятности, имела хозяйственное назначение, так как в ее юго-восточном углу обнаружены остатки двух отопительных сооружений. Первая печь, круглой формы, выложена камнями, внутренняя сторона обмазана глиной, обожжена (диаметр 160 см). В обмазке стен и пода видимых примесей не обнаружено. Вплотную к первой печи примыкало второе отопительное сооружение, в плане круглое (диаметр 150 см), выложено камнями, которые обмазывались и были обожжены.

Помимо печей в южной камере сохранились остатки какого-то сооружения в виде вырытой в материковом грунте ямы, приближающейся в плане к прямоугольнику, длинной осью ориентированной в направлении север—юг (длина — 180, ширина — 80, глубина — 90 см от дневной поверхности). Дно ямы было обмазано глиняным раствором и хорошо прожже-

но. В центре располагалось небольшое углубление шириной 60 см, дно его не обмазано и слегка вытянуто по оси, глубина 100 см. По обе стороны от углубления на обмазанном дне ямы найдены обуглившиеся бревна, диаметром не свыше 15—20 см, длиной от 30 до 50 см. В камере 2 (северной), прямоугольной в плане, площадью 900 кв. см, на полу не прослежено остатков отопительных сооружений.

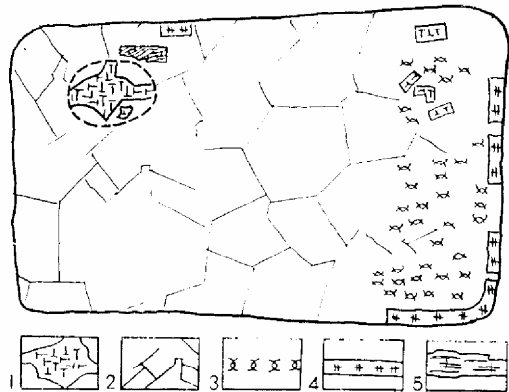
Жилище 9 обнаружено в 80 см от уровня современной дневной поверхности в виде прямоугольного в плане скопления фрагментов глиняной обмазки, которое длинной осью ориентировано на восток—запад (рис. 1). Жилище примыкало к восточной стене «караван-сарая I», в 15 м к югу от северо-восточного его угла (восток—запад — 660, север—юг — 330 см). Скопление состояло из обожженной глины (толщина прожога не более 2—3 см), вкраплений древесных угольков, фрагментов керамики и зольных пятен.

Жилище 9 представляло собой наземное сооружение деревянно-глиняной конструкции. Четко прослеживаются южная и северная стены, которые, по всей вероятности, были плетневыми. Для них в грунте вырезались небольшие желобки. Они частично сохранились и дали возможность проследить направление стен и их приблизительную толщину, достигающую 30 см. В пользу предположения о стенах на плетневом каркасе свидетельствуют находки фрагментов обожженной глиняной обмазки с отпечатками прутьев, а также остатки столбовых ям по краям котлована. Размеры фрагментов не превышают 10×7×5 см. В толще обмазки видимых примесей не обнаружено, лицевая сторона заглажена.

Западной стеной жилища 9 служила восточная стена «караван-сарая I». От восточной стены сохранились об-

Рис. 2. Жилище 11:

1—под печи; 2—остатки глиняного пола; 3—обмазка (остатки стен); 4—обуглившиеся зерна; 5—обугленное дерево

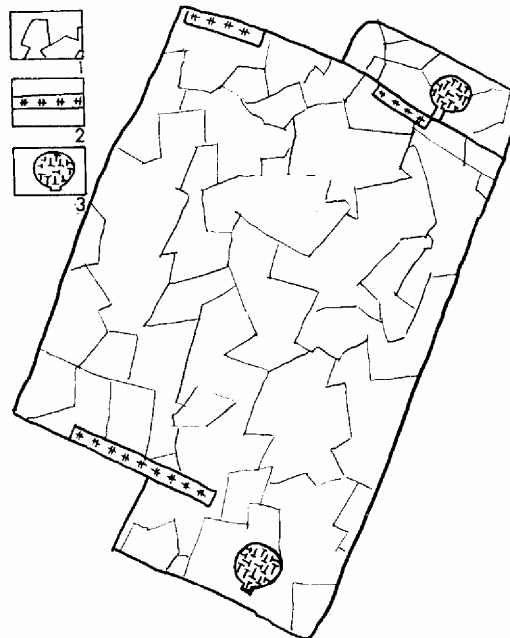

ломки кирпичей, из которых, по-видимому, был сложен фундамент. В юго-западном и северо-западном углах жилища прослежены столбовые ямы, диаметром не более 40—50 см. В северо-восточном углу жилища выявлены остатки отопительного сооружения — печи прямоугольной формы с кирпичным основанием (длина 130, ширина 65 см).

Жилище 11 обнаружено к югу от «караван-сарая I», недалеко от фундамента средневековой церкви XVI—XVII вв. Очертания жилища проступили на глубине 20—25 см от уровня современной дневной поверхности в виде скопления фрагментов обожженной глиняной обмазки, которое имело в плане прямоугольную форму и было ориентировано в направлении восток—запад (720×440 см) (рис. 2). Фрагменты обмазки обожжены неравномерно, преимущественно слабо. В толще прослежены отпечатки включений растительного характера — соломы, камыша, а также деревянных плах и досок. На внешней стороне обмазки выявлены следы глиняной подмазки без видимых примесей толщиной около 0,5 см, а также следы побелки — удалось проследить три слоя.

Рис. 3. Жилище 12:

1—остатки глиняного пола; 2—обмазка (остатки стен); 3—под печи

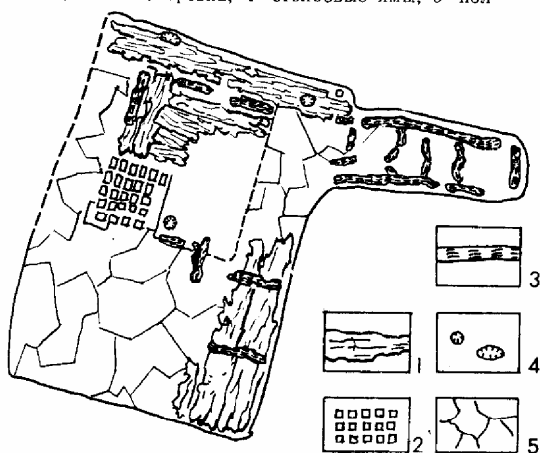

Жилище представляло собой наземное сооружение, прямоугольное в плане со слегка скругленными углами, на деревянном каркасе, обмазанном глиной². В некоторых местах сохранились остатки стен толщиной до 15—20 см. В восточной половине жилища удалось в некоторых местах проследить участки мазаного глиняного пола. В 80 см от северной и западной границ жилища обнаружены остатки отопительного сооружения — печи овальной формы (наибольший диаметр — 65, наименьший — 40, толщина прожога пода — 5 см). В восточной половине жилища, в юго-восточном углу, найдено большое скопление обуглившихся зерен, которые, по определению старшего научного сотрудника Ботанического сада АН МССР З. В. Янушевич, являются зернами чечевицы.

Остатки жилища 11 сильно повреждены вспашкой и могильником

Рис. 4. Жилище 15:

1—обугленные плахи; 2—сырцовый кирпич; 3—обугленные бревна; 4—столбовые ямы; 5—пол

(здесь вскрыто 7 более поздних погребений). Основным крепежным материалом служили гвозди, их найдено 107 штук. Интересен тот факт, что наряду с обычными коваными гвоздями в жилище обнаружено большое количество гвоздей с полусферическими шляпками, а также четырехгранных в сечении гвоздей без шляпок. Индивидуальные находки представлены вставкой цилиндрического замка, обломком подковы, железной скобой, круговой пилой.

Жилище 12³ (рис. 3) обнаружено в 670 см к югу от жилища 11, на глубине 20—25 см от современной дневной поверхности, также в виде большого скопления фрагментов глиняной обмазки. Скопление имело в плане очертания неправильного прямоугольника, осевой линией ориентированного в направлении север—юг с небольшим отклонением к востоку. Поверхность скопления сильно повреждена вспашкой, фрагменты обмазки преимущественно небольших размеров, обжиг слабый. В толще обмазки хорошо прослеживались следы включений растительного характера. На многих фрагментах сохранились следы отпечатков деревянных конструкций.

Жилище 12 представляло собой наземное сооружение на деревянной основе, обмазанное глиной. Прямоугольное в плане, оно было ориентировано по оси север—юг (площадь 40 кв. м, толщина сохранившихся участков стен 15—20 см). С севера и юга к жилищу примыкали небольшие прямоугольные пристройки, в которых размещались круглые в плане печи. Пристройка 1 примыкала к северо-восточному углу жилища (длина 280, ширина 110 см). В центре ее была размещена печь, круглая в плане, устьем обращенная на юг, т. е. во внутрь (диаметр 60, высота сохранившихся стен 20 см). Стены печи выполнены из глины, хорошо прожжены, в толще обмазки видимых примесей не обнаружено. Устье имело прямоугольную форму, длиной 25 и шириной 20 см. Под печи расположен на глубине 40 см от уровня современной дневной поверхности. Толщина прожога пода достигала 5 см.

Пристройка 2 примыкала к противоположному, юго-восточному углу и южной стене (длина 360, ширина 140 см). В 120 см от восточной стены сооружения и в 50 см от южной — находилась печь, круглая в плане (диаметр 60 см), устьем она обращена к югу (ширина устья 25, длина 15 см). Сохранившаяся высота стен достигала 20 см. Под печи был выложен из квадратных кирпичей 22×22×5 см и их половинок, лежащих в ряд, обмазан глиной и хорошо прожжен. Толщина прожога пода достигала 3 см. Внутреннюю планировку жилища ввиду сильных повреждений (на площади жилища вскрыто 6 погребений) установить не удалось. В некоторых местах сохранились небольшие участки мазаного пола со следами прожога. С внешней стороны жилища, вдоль стен, прослежены остатки глиняной подсыпки шириной 40 см.

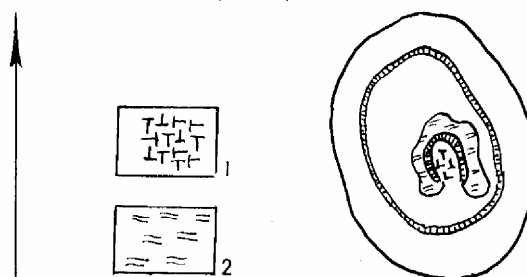
Жилище 15 (рис. 4). Контуры его обнаружены после разборки камен-

ного завала на участке «кладбище 1», на глубине приблизительно 70—135 см от уровня современной дневной поверхности в виде прямоугольного пятна со слегка округленными углами⁴. Пятно вытянуто в направлении восток—запад с небольшим отклонением к северу. С северной стороны в 30 см от северо-западного угла оно имело вытянутый трапециевидный выступ. Размеры пятна: длина 650, ширина — 450, длина выступа — 350, ширина нижнего основания — 200, ширина верхнего основания — 100 см. Пятно было заполнено черноземом, а выступ с севера на участке протяженностью 130 см — фрагментами обожженной глиняной обмазки довольно крупных размеров. Обжиг обмазки не везде равномерный, многие фрагменты в изломе давали темный цвет. Как на поверхности, так и в толще обмазки хорошо прослеживались различные включения растительного характера, а также отпечатки деревянных конструкций. Дальнейшая расчистка показала, что на глубине приблизительно 160 см от уровня современной дневной поверхности заполнение представляло собой скопление обожженной глины ярко-оранжевого и буроватого цвета.

Жилище 15 было углублено в материковый грунт на глубину 165 см от уровня современной дневной поверхности. Котлован его имел форму правильного параллелепипеда. В восточной части хорошо сохранился мазаный глиняный пол, местами обожженный до ярко-красного цвета. К северной стене жилища вдоль всей ее длины примыкали остатки дощатой конструкции (настила или пола) шириной от 75 до 90 см. Направление волокон в остатках досок — восток—запад. Вся конструкция крепилась к положенным на пол бревнам, расположенным на расстоянии 110 см одно от другого. Бревна лежали перпендикулярно доскам. Аналогичные дощатые настилы прослежены вдоль

Рис. 5. Жилище 15 А:

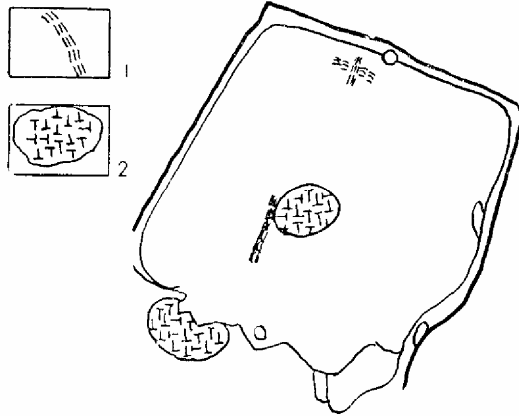
1—под печи; 2—глина

западной, а также, частично, южной стен. В западной половине жилища на расстоянии 80 см от западной и 90 см от южной стенок вскрыто углубление прямоугольной формы 250×230 см, опущенное на 55—40 см ниже уровня пола. Это углубление было облицовано деревом, о чем свидетельствуют остатки обуглившихся брусьев, сохранившихся по периметру стенок, а также остатки обуглившихся досок, которыми был выстлан пол.

В местах, где обшивка не сохранилась, ее существование в прошлом может быть подтверждено тем, что материковая глина ярко-оранжевого цвета, т. е. она была обожжена во время горения деревянной обшивки. Это углубление является одной из важных деталей интерьера жилища, так как юго-восточный угол его занимала печь. От нее сохранилось прямоугольное в плане, приближающееся к квадрату (105×95 см) основание из 6 рядов сырцовых кирпичей (22×22×5 см). Южная и восточная стенки печи примыкали вплотную к соответствующим стенам углубления и возвышались над мазаным полом на 10—15 см. Эти стороны сложены были не из квадратных, а из прямоугольных сырцовых кирпичей (22×11×5 см). Топочная камера не обнаружена, сохранившееся небольшое углубление (70×60 см) выложено положенными на ребро под небольшим углом кирпичами, и на нем нет

Рис. 6. Жилище 19:
1—обугленные бревна; 2—под печи

следов прожога. Кирпичи скреплялись песчаноглиняным раствором, таким же раствором обмазывалась печь, толщина обмазки не превышала 1 см. Стенки котлована жилища были обшиты деревом и обмазаны. Доски ставились вертикально и пригонялись вплотную: ребро одной доски налагалось на ребро следующей. Судя по прямоугольному сечению, они крепились к продольно идущим брусам, которые располагались параллельно друг другу, приблизительно на расстоянии 40 см. Брус, в свою очередь, крепили к вертикально поставленным столбам, установленным в углах, а также вдоль стен. Основным крепежным материалом служили гвозди различных размеров.

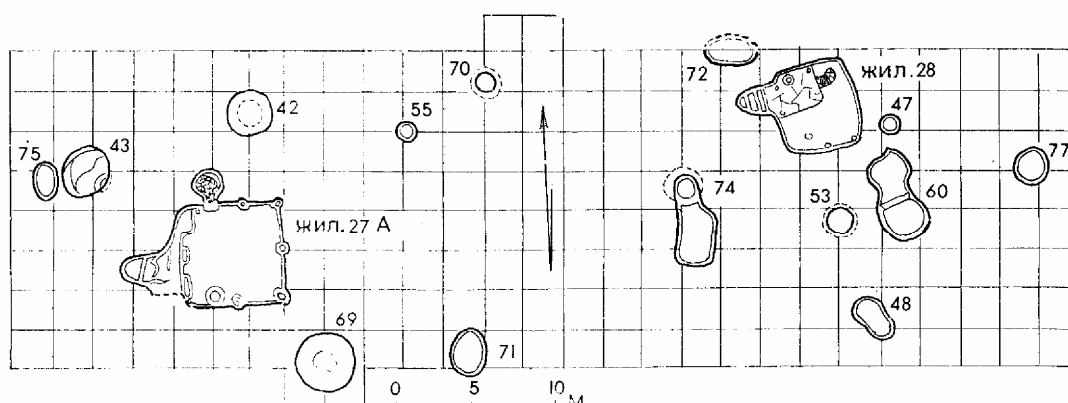
Вдоль южной стены также сохранилось несколько участков обмазанных стен. Толщина обмазки не превышала 4—5 см. Обмазка имела ярко-оранжевую окраску, в толще ее прослеживались отпечатки включений растительного характера. Обмазанные стены были облицованы тонким слоем глиняного раствора с примесью песка и побелки. Судя по обгорелости и закопченности, побелка пострадала во время пожара. Поверх побелки был нанесен еще один слой обмазки глиняным раствором с приме-

сю песка, однако следов вторичной побелки не обнаружено. По всей вероятности, жилище выдержало два периода использования, доказательством чему являются следующие факты: под толщей обгоревшей деревянной облицовки стен повсеместно прослежена первоначальная обмазка стен котлована глиняным раствором со следами обожженности; жилище пострадало от пожара лишь частично, поэтому вторичная реконструкция не затронула менее пострадавшие участки (южная стена).

Вход в жилище представлял собой примыкавший к северной его стенке тамбур вытянутой трапециевидной формы, снабженный тремя ступеньками, вырезанными в материке (длина его 320, ширина 140, ширина ступеней 60, высота ступеней 10 см). Верхняя грань ступеней с целью предохранения от осыпания была облицована полукруглыми брусками. Ступенчатая лестница постепенно расширялась и в месте соединения с жилищем переходила в пологий пандус. По обеим сторонам тамбура прослежены остатки двух обгоревших бревен, к которым, по всей вероятности, крепились вертикальные наземные конструкции. Длина бревен вдоль восточной стены тамбура 280 см, вдоль западной — 240 см. Котлован тамбура также был облицован досками. При расчистке заполнения жилища 15 обнаружены три монеты золотоордынского времени, относящиеся к 50-м гг. XIV в., т. е. ко времени правления хана Джанибека.

Жилище 15 А. Котлованом жилища служила верхняя половина ямы 32 (рис. 5). Она обнаружена в 40 см к северу от жилища 15 на глубине 70 см от современной дневной поверхности и представляла собой в плане овал 360×280 см. Заполнение ямы до 200-сантиметровой отметки составлял чернозем с завалами из фрагментов обожженной глиняной обмазки среднего и слабого обжига с отпечатками

Рис. 7. Жилища 27 А, 28 и хозяйственно-бытовые сооружения

примесей растительного характера. В заполнении обнаружено большое количество гвоздей.

На глубине 200 см от уровня современной дневной поверхности обнаружены остатки печи, покоившейся на глиняной подсыпке толщиной 30 см. Печь овальной в плане формы, устьем обращена к востоку. Стены печи толщиной 6—8 см, обмазаны и хорошо обожжены до ярко-красного цвета, подом служил утрамбованный чернозем с сильными следами прожога. Размеры печи 75×50 см. В непосредственной близости от жилища 15 А найдена яма 32. Характер, заполнение и глубина ее свидетельствуют, что первоначально она использовалась как цистерна-колодец в усадьбе владельца жилища. Позже, видимо, после пожара, когда появилась необходимость в ремонте жилища, владельцу понадобилось временное жилье и колодец засыпали слоем чернозема до глубины 210—220 см. На этом уровне была сооружена печь, и яма стала жилым помещением (жилище 15 А). Находки в заполнении его, первом и втором горизонте ямы представляют собой 32 медных джучидских монеты, чеканенных в 1351—1352 гг.⁵, что также подтверждает синхронность этих двух сооружений, а вместе с тем и возможность исполь-

зования котлована бывшего колодца под временное жилье.

Жилище 19 открыто в восточной части городища (рис. 6). Оно перерезало северную часть трипольской землянки (жилище 20). Квадратной в плане формы (площадь 21,2 кв. м), жилище ориентировано с северо-востока на юго-запад. Входили в него с юго-восточного угла, здесь прослежен небольшой выступ в виде тамбура и пологий спуск ко дну, длина спуска 95, ширина входа 85, ширина у начала спуска 45 см. Стенки жилища слегка сужаются к дну, поэтому размеры пола составляли 425×440 см, он ровный, горизонтальный. Вследствие общего наклона местности к северо-востоку глубина жилища в разных частях неодинаковая: в юго-западном углу от современной дневной поверхности 200, в северо-западном — 185, в северо-восточном — 135, в юго-восточном — 110 см.

Землянка перекрывалась двускатной крышей, что подтверждают одна столбовая яма в средней части южной стены и другая — в северной стене. Ямы расположены по линии, разделяющей землянку в направлении север—юг. То, что это столбовые ямы, доказывают находки горелых бревен и остатки конька, формирующего крышу. Остатки бревен немного смещены к западу от линии, по кото-

рой расположены столбовые ямы, однако они имеют то же направление. Остатки бревен обнаружены в заполнении землянки на глубине 130 см от современной поверхности, т. е. на 45 см выше пола. Можно заключить, что землянка была покинута, в течение некоторого времени засыпалась почвой и лишь потом пожар обрушил крышу. Остаток конька крыши найден в центре жилища (длина 100, ширина 12, толщина 12 см). Второй обгоревший обломок найден в северной части жилища. Несомненно, что это другой конец конька, так как на нем лежало поперечное бревно ската крыши. Длина остатка конька 35, толщина бревна 7 см.

Печь жилища была вырыта в южной стене землянки на высоте 40 см от уровня пола. Она овальной в плане формы (70×105 см), устьем обращена к северу, т. е. к интерьеру землянки. Под печи имеет небольшой уклон к устью, свод куполообразный, высота его над центром пода 40 см. Центральная часть свода рухнула еще в древности, и, судя по обломкам, упавшим на пол, печь не имела специального дымохода, топилась по черному. Толщина прожога стенок и пода достигает 5 см. В центре жилища обнаружены еще остатки очага, близкого по форме к овалу (75×65 см). Очаг располагался на уровне пола. Находки близ него обломков жженных кирпичей позволяют думать, что очаг был обложен ими.

Заполнение землянки состояло из очень плотного чернозема, в котором попадались обломки золотоордынской керамики и кости животных, обломки жженных красных кирпичей, найдены обломки серпа, обломок стеклянной конической крышечки, железное кольцо, бронзовые пластинки, железное кресало, светец, серебряная монета времени правления хана Хызра (1359—1361 гг.).

Жилище 27 А открыто в северо-восточной части городища (рис. 7). Оно представляло собой прямоугольную постройку столбовой конструкции углубленную в материковый грунт на 170 см, размерами 420 (север—юг) × 520 (запад—восток) см. С западной стороны в жилище вел тамбур входа, сливавшийся с юго-западным углом котлована.

Отопительным сооружением жилища служила глинобитная сводчатая подбойная печь, располагавшаяся в северной стенке котлована слева от входа. Печь в плане круглая, диаметром 140 см, к югу сужалась и переходила в устье длиной 15, шириной 70 см. Перед устьем ниже его на 40 см для удобства пользования печью имелся выступ-шесток длиной 45 и шириной около 100 см, на поверхности его обнаружены обломки красного жженого кирпича, которым, видимо, он был выложен.

Жилище 28 (рис. 7) находилось в 25 м к северо-востоку от жилища 27 А. Контуры его прослежены на глубине 40 см от уровня современной дневной поверхности в виде пятна прямоугольной формы, ориентированного в направлении запад—восток, размеры его 420×360 см. С запада в 200 см от юго-западного угла к пятну примыкал трапециевидный выступ тамбура. Размеры выступа тамбура: запад—восток — 110—120, север—юг — 90—130 см. Грунт заполнения пятна по всей глубине — чернозем.

Жилище 28 представляло постройку, углубленную в материковый грунт на 100 см. Стены ее ровные, отвесные, дно материковое, ровное. Жилище отапливалось небольшой печью, сложенной из известняка и размещенной в северо-западном углу напротив входа. Печь подковообразной формы, устьем обращена на юг к входу, размеры ее 70×50, высота 30 см. Изнутри печь обмазана слоем глины толщиной 2—3 см. Под расположен на

уровне пола жилища, обмазан глиной, хорошо прожжен, толщина достигает 4—5 см. К западу от печи напротив тамбура-входа, на расстоянии 140 см от восточной и 200 см от южной стенок жилища, выявлен углубленный на 20 см, обмазанный глиной участок пола прямоугольной формы. Расположен он на глубине 160 см от уровня современной дневной поверхности, размеры 210×200, толщина глиняного слоя 2 см. В северо-западном углу жилища на глубине 160 см проступают контуры ямы диаметром 60 см. Она углублена в материк на 210 см, стены ее ровные, отвесные, дно материковое, ровное.

В тамбуре, ведущем в жилище, с западной стороны обнаружены три ступени. Первая — была расположена на глубине 100 см от уровня современной дневной поверхности, длина ее 100, ширина 40, высота 20 см; вторая — на глубине 120 см, длина 120, ширина 40, высота — 20 см. Третья ступень располагалась на уровне 140 см, длина ее 130, ширина 40, высота — 20 см.

В юго-западном и юго-восточном углах, в средней части северной и южной стен, а также по обеим сторонам тамбура на уровне пола вскрыты столбовые ямки, подтверждающие, что жилище имело столбовую конструкцию, перекрытие кровли крепилось на столбах. В заполнении жилища найдены фрагмент серебряного зеркала, дверной запор, железный черенковый нож, керамическое пряслице, три медные золотоордынские монеты 50-х—60-х гг. XIV в.

Жилища рядового городского населения времени золотоордынского господства на территории Молдавии до настоящего времени совершенно не исследовались. Л. Л. Полевым изучены лишь остатки наземного, полностью не раскопанного двухкамерного жилища столбовой конструкции на поселении Костешты. Постройка со-

стояла из хозяйственного и жилого помещения, в юго-восточном углу последнего находился тандыр⁶. Это, по сути, первая и единственная публикация, касающаяся жилища данного времени. Более полное представление о нем, как мы могли убедиться, дали раскопки Старого Орхея, благодаря которым сделана первая, пока предварительная, классификация городских жилищ золотоордынского времени.

В зависимости от уровня залегания пола жилища этого времени делятся на две группы: углубленные в землю и наземные. К первой относятся жилища 7 А, 15, 15 А, 19, 21, 25', 27 А, 28. От них сохранились лишь котлованы, заполненные, как правило, черноземом, с примесью различных остатков строительного материала: обугленного дерева, обмазки. В основании котлованов прослеживаются остатки отопительных сооружений. Углубленные жилища, как правило, прямоугольной или близкой к квадрату формы. Ориентировка их различна (восток—запад, север—юг) в зависимости от местонахождения, площадь варьирует от 10 до 30 кв. м. Пол, как правило, горизонтальный — утрамбованная материковая глина. Глубина котлованов в материке достигает 70—140 см. Стены жилищ прямые, отвесные.

По конструктивным особенностям углубленные в землю жилища можно подразделить на два вида:

а) грунтовые жилища без столбовых ям и обшивки стен (7 А, 19). Прослеженные в жилище 19 две столбовые ямы, расположенные по продольной оси, и остатки сгоревшего конька позволяют заключить, что это было жилище земляночного характера, а два столба поддерживали конек двухскатной крыши, скаты которой опирались о землю;

б) жилища столбовой конструкции (15, 25, 27 А, 28), от которых на

дне котлованов по всему их периметру сохранились столбовые ямы, четко обрисовывающие каркас жилища. В жилище 15, погибшем в результате пожара, кроме каркаса сохранилась обугленная деревянная обшивка стен.

Все углубленные в землю жилища, как правило, однокамерные. Входы в них в большинстве случаев очерчены тамбурами с заметно выраженными ступеньками (жилище 15, 27 А, 28) или пологим пандусом (жилище 19, 25).

Отопительными сооружениями этой группы жилищ служили печи. Они, судя по тем случаям, когда удавалось проследить вход в жилище, располагались, как правило, устьем к входу (жилища 15, 19, 25, 28) и реже — слева от входа (жилище 27 А). Печи в плане имеют чаще всего овальную форму (малый диаметр 40—70, большой — 70—105 см), реже — круглую (диаметр 105—140 см).

По своему местонахождению в интерьере жилища печи тоже подразделяются на две группы: печи, сооруженные на полу жилища (15 А, 19, 28), и подбойного типа, вырытые в одной из стен напротив (19, 25) или слева от входа (27 А). В жилище 19 имелись очаг в центре пола и подбойная печь напротив входа в северной стене котлована. От печи жилища 15 сохранилась только высокая прямоугольная подставка из сырцового кирпича, уложенного в шесть рядов. Печи, расположенные на полу, как правило, глинобитные, сводчатой формы. Исключением является печь жилища 28, которая сооружена из известняка и имеет подковообразную форму. Лишь у двух печей из жилищ 25 и 27 А перед устьем был небольшой шесток.

От второй группы жилищ — наземной — осталось гораздо меньше следов и обнаружить их труднее. Следы этих жилищ определяются по обильному слою обмазки, остаткам печей, обожженной земле или поло-

жению камней, которые иногда от них остаются. Наземные жилища встречаются гораздо реже, чем жилища первой группы. Часть их пристраивалась к стенам таких капитальных каменных зданий, как «караван-сарай I». К его восточной стене были пристроены жилища 3 А, 8 и 9. Кроме них, на участке «средневекового кладбища I» вскрыты остатки жилищ 11 и 12.

Все наземные жилища, как правило, прямоугольной формы или близкой к ней. Жилища ориентированы на север—юг и запад—восток. Размеры их разные: длина 420—720, ширина 330—585, площадь 15—40 кв. м. Стены сооружались из камня, кирпича на глиняном растворе (жилища 3 А, 8, 9), а также деревянной конструкции и обмазанные (жилища 11 и 12), в некоторых жилищах, судя по материалам жилища 11, были побелены. Пол находится на глубине 20—80 см от современной дневной поверхности. Он обмазывался глиной.

По внутренней планировке наземные жилища делятся на две разновидности: однокамерные и двухкамерные. Двухкамерным, видимо, являлось жилище 8, судя по планировке и ряду камней, расположенному в направлении с востока на запад. Северная камера была меньших размеров и не отапливалась, а в южной его половине находились две печи. Отличается своеобразием жилище 12, имеющее две небольшие пристройки с двух противоположных сторон (северо-восток и юго-запад), в которых расположено по одной круглой печи. Отопительными сооружениями этой группы жилищ служили очаги (жилище 3 А) и печи: круглые в плане, выложенные из камня, диаметром 150—160 см (жилище 8), или глинобитные, с четко выраженным устьем, диаметром 40—60 см. В одном случае (жилище 9) печь была из кирпича, прямоугольной формы.

ЖИЛИЩА-МАСТЕРСКИЕ

Обособленную группу представляют собой жилища-мастерские, хотя по форме, уровню залегания и типу бытовых отопительных сооружений они мало отличаются от некоторых из описанных выше жилищ. Все они занимали определенную территорию в восточной части городища.

Несмотря на разное назначение, в силу определенных социально-экономических причин оба вида жилищ располагались в едином комплексе построек ремесленников (жилища 13, 21, 24, 25, 26; сооружения 12; ямы 29, 30, 36, 37, 40)⁸.

Жилище 26 располагалось в восточной части поселения (рис. 8). Контуры его в виде пятна прямоугольной формы выявлены на глубине 80 см от уровня современной дневной поверхности. Ориентировано пятно длинной осью в направлении север—юг с отклонением к западу на 25°, размеры его 850×620×720 см. Грунт заполнения пятна до глубины 120—140 см от современного уровня земли представлял собой крупнозернистый чернозем, обильно насыщенный костями животных, мелкими камнями и фрагментами известняка; далее, до 160 см — чернозем, сильно насыщенный золой, фрагментами обожженной штукатурки. В слое присутствовал многочисленный костный материал. На глубине 170—180 см грунт состоял из чернозема с примесью обожженной глины и песка. До глубины 260 см заполнение пятна представляло собой плотный чернозем с обильными примесями древесного угля и обуглившихся бревен. Первое, довольно крупное обугленное бревно обнаружено на глубине 180—200 см от современной дневной поверхности. Длина бревна достигала 100, диаметр — 18 см. На глубине 210 см найден обуглившийся торец круглого в сечении бревна диаметром 10 см. Присутствие в заполнении жилища обуглившихся бревен и досок объясняется, видимо, нали-

чем перекрытия, рухнувшего во время пожара.

Жилище 26 представляло собой сооружение, углубленное в материковый грунт на 180 см и на глубину 260 см от уровня современной дневной поверхности. Котлован имел в плане прямоугольную форму, длинной осью ориентирован по линии север—юг. Размеры котлована: северо-запад—юго-восток 820—860 см, юго-запад—северо-восток 620—720 см. Стенки его ровные, покатые. По периметру сохранились остатки десяти столбовых ям, врезанных в стены и углубленных в материковый грунт. На дно каждой был уложен камень, причем в некоторых ямах выявлены также камни, поставленные на ребро и ограничивавшие тем самым столбовую яму с северной, южной либо западной стороны. Кроме ям по периметру обнаружены еще две столбовые ямы. Одна из них находилась на расстоянии 210 см от северной стены, 230 — от западной и 320 см — от восточной. Диаметр ее 50 см, углублена ниже уровня пола на 20 см. Вторая яма располагалась к югу от предыдущей, на расстоянии 340 см от западной и восточной стен и в 150 см — от южной. Она углублена на 20 см ниже уровня пола, диаметр ее 55 см.

Пол жилища обмазывался глиняным раствором с примесью мелкого песка и незначительными включениями извести. На некоторых участках удалось проследить два слоя мазаного пола, между которыми залегала золистая прослойка. Толщина обмазки не превышала 3—4 см.

Вход находился с северной стороны, сохранились две ступеньки: первая на глубине 215 см от уровня современной дневной поверхности (длина 260, ширина 40—70, высота 25 см), вторая на глубине 240 см (ширина 50, высота 25 см).

В жилище обнаружены две печи. Первая — бытовая печь, сооруженная из камня, приходилась на уровне пола жилища в 240 см от северной, в 300 от западной и в 250 см от восточной стены жилища. Она сложена из кусков рваного известняка, фрагментов цемянки, а также половинок кирпичей, скрепленных глиняным раствором. Подковообразной формы печь устьем обращалась на юг. Под ее расположен был на глубине 250 см от уровня современной дневной поверхности и сложен из мелкого камня, мелких фрагментов цемянки, обмазан слоем глиняного раствора толщиной 4 см. Поверхность пода ровная, хорошо заглаженная. Стенки печи обмазаны глиняным раствором с примесью песка. Размеры печи 120×140 см, высота стен 60; длина пода 100, наибольшая ширина 55, толщина 18; ширина устья 60 см.

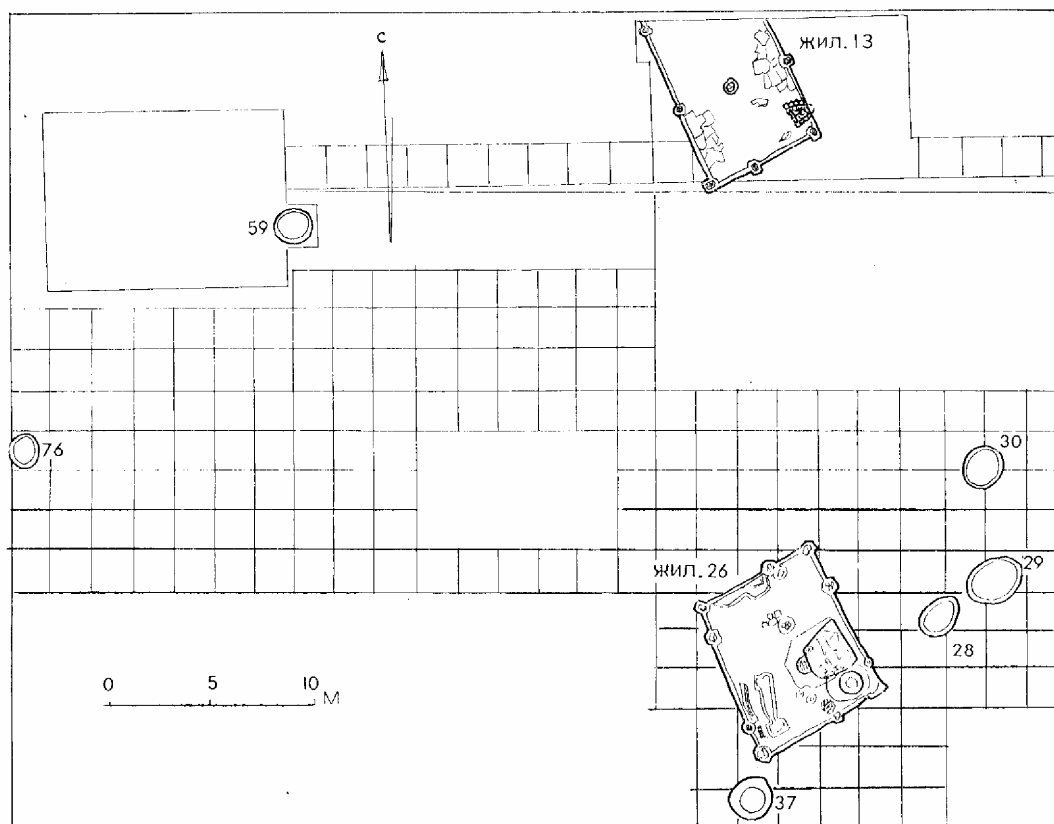
Вторая печь — производственная, находилась в юго-восточном углу жилища, на расстоянии 70 см от восточной и 80 см от южной стен котлована, сооружена была из сырцового кирпича (20×20×5 см). Кирпичи темно-серого цвета под действием высокой температуры спеклись и приобрели серовато-желтую окраску. Корпус печи был выложен из 14 рядов кирпичей, уложенных горизонтально с соблюдением перевязи. Крепились кирпичи глиняным раствором, толщина швов не превышала 1 см. Топочная камера, также выложенная из сырцового кирпича, имела полусферическую форму, переходящую в округлый под, размещавшийся на глубине 400 см от уровня современной дневной поверхности. Под обмазан глиняным раствором с примесью песка.

Поверхность его хорошо заглажена и прокалена до ярко-красного цвета. Устье печи сводчатой формы обращено на север и выходит к предтопочной яме. Размеры основания печи в направлении север—юг, запад—восток 210—220 см; размеры камеры: высота 140, диаметр 100; длина пода 90, ширина 80, толщина 10; высота устья 80, ширина 60, длина 40 см.

На глубине 230—240 см от уровня современной дневной поверхности в центре над корпусом печи находилось круглое в плане отверстие диаметром 70 см, края которого были обмазаны глиняным раствором. По всей вероятности, над отверстием соорудался свод, от которого в некоторых местах сохранились остатки цемянки. Место соединения свода с печью обмазывалось изнутри и снаружи слоем глиняного раствора зеленоватого цвета с примесью песка.

С восточной стороны к устью печи примыкала прямоугольная в плане площадка, выложенная из сырцовых кирпичей и их половинок. Кирпичи уложены в один ряд, длина площадки 60, ширина 40, высота 5—10 см. Аналогичная площадка примыкала к устью с западной стороны. Она также выполнена из сырцового кирпича, из 9 кирпичей, положенных на ребро, другая, примыкавшая непосредственно к устью, — из кирпича, уложенного на ложок, в один ряд. Возможно, площадки сооружены позднее, так как лежали на слое золы и древесного угля, они как бы удлиняли устье печи. На поверхности площадок лежал слой обожженной обмазки с включениями битого кирпича, измельченными фрагментами цемянки. Почти вплотную к устью подходила керамическая труба, лежавшая на слое золы и обожженной глиняной обмазки на глубине 360 см от уровня современной дневной поверхности. Один из концов трубы, более узкий, моделирован в виде муфты. Труба, види-

Рис. 8. Жилища 26, 13 и хозяйственные сооружения

мо, использовалась для образования тяги, длина ее 40, диаметр 15 см.

С севера к печи примыкала подпрямоугольная в плане яма, длинной осью ориентированная в направлении запад—восток (330 см), север—юг (160—240 см). Яма была заполнена слоем цемянки мощностью 15 см. С западной стороны в нее вели три ступеньки, вырезанные в материковом грунте: первая, дугообразной формы, располагалась на глубине 270 см от уровня современной дневной поверхности (длина 200, ширина 40—50, высота 45 см); вторая, полукруглая, на глубине 315 см (длина 90, ширина 20—30, высота 25 см); третья — на глубине 340 см (длина 80, ширина 35, высота 40 см). К северо-восточно-

му краю ступеньки примыкала прямоугольная в плане столбовая яма (25×30), углубленная на 30 см ниже уровня ступени. Котлован ямы имел форму перевернутого усеченного конуса, стенки ровные, покатые, дно находилось на уровне 380 см от современной дневной поверхности. У северо-восточного угла ямы прослежен слой извести мощностью 4—5 см.

В 20 см к юго-западу от основания печи и в 20 см от пятой столбовой ямы в полу жилища была обнаружена яма с остатками деревянной бочки в виде отпечатков темно-бурого древесного глена на плотном материковом грунте. Диаметр днища достигал 70 см. Сохранились остатки пяти досок шириной 10—12 см. Днище поме-

шалось на уровне 340 см от современной дневной поверхности, высота в материковом грунте 80 см.

В юго-западной части жилища на расстоянии 60—80 см от западной и в 110 см от южной его стен прослежен ряд углублений. Первое, овальной формы, располагалось на расстоянии 330 см от южной и 105 см от восточной стен жилища, размеры в направлении север—юг 90, запад—восток 50, глубина 40 см ниже уровня пола. Второе углубление, также овальной формы, соприкасалось с южным краем первого. Размеры второго углубления 50×70 см, глубина 30 см от уровня пола жилища. Третье углубление (30×40 см), подпрямоугольной формы, находилось в 10 см от предыдущего, на глубине 25 см ниже уровня пола. Четвертое и пятое углубления, прямоугольной в плане формы, со скругленными углами, были расположены вдоль южной стены жилища. Размеры первого — 60×70, глубина 40 см ниже уровня пола, второго — 50×70 см, углублено на 45 см.

Таким образом, жилище 26 представляло собой углубленное в землю строение столбовой конструкции. К вертикально поставленным столбам, диаметр которых достигал 60 см, и крепились, по всей вероятности, деревянные конструкции. Оно имело двухскатную кровлю. В пользу этого предположения говорит тот факт, что в полу жилища, на одинаковом расстоянии от стен обнаружены две столбовые ямы.

Индивидуальные находки представлены навесным замком, вставкой цилиндрического замка, монетой времени Джанибека чекана 1351—1352 гг.⁹

Первая печь жилища 26 служила в качестве отопительной. Вторая, судя по конструкции, термоизоляции из сырцовых кирпичей и по присутствию бочки для воды, имела производственное назначение. Таким образом,

это сооружение являлось одновременно жилищем и мастерской.

Яма 37 располагалась в 100 см к югу от жилища 26 (рис. 8). Контуры ее проявились на глубине 80 см от уровня современной дневной поверхности в виде пятна круглой формы диаметром 210 см. Грунт заполнения пятна составлял чернозем с включениями мелких фрагментов глиняной обмазки. Котлован ямы вытянутый, усеченно-конической формы, углублен в материковый грунт на 390 см и на 470 см от уровня современной дневной поверхности. Дно горизонтальное, стенки ровные, несколько скошенные вовнутрь, были облицованы деревянными плахами. Следы облицовки обнаружены с 310 см до самого дна, особенно хорошо они сохранились на юго-западной стороне ямы. Судя по остаткам, облицовка производилась вертикально поставленными плахами, плотно пригнанными друг к другу, шириной 10—20 см. Верхний диаметр ямы 210, нижний — 120 см.

По значительной глубине ямы и ее обшивке досками можно предположить, что это была цистерна-колодец, в котором хранили воду, видимо, для производственных нужд. Сооружена яма в непосредственной близости к жилищу 26.

Яма 29 располагалась в 750 см к востоку от жилища 26. Контуры были прослежены на глубине 60 см от уровня современной дневной поверхности. Яма овальная в плане, ориентирована длинной осью по линии запад—восток. Котлован усеченно-конической формы, углублен в материковый грунт на 120 см и на 180 см от уровня современной дневной поверхности. Стены ровные, скошены к горизонтальному дну. Размеры ямы — в направлении запад—восток 250, север—юг 200 см. В заполнении обнаружены золотоордынская керамика, кости животных, скопления глиняной обмазки, видимо, от облицовки, бронзовый наконечник стрелы, фрагмент

железной пуговицы, железный крючок.

Яма 30 была расположена в 900 см к северо-востоку от жилища 26 (рис. 8). Контуры ее выявлены в виде пятна круглой формы на глубине 60 см от современной дневной поверхности (диаметр пятна 210 см). Котлован ямы имеет форму перевернутого усеченного конуса, углублен в материковый грунт на 390 см и на 450 см от уровня современной дневной поверхности. Стенки покатые, дно ровное, диаметр верхнего основания ямы 210, нижнего 160 см. Котлован ямы был облицован, отпечатки облицовки сохранились на стенках в виде древесного тлена. Она производилась вертикально поставленными плахами, плотно пригнанными друг к другу. Судя по сохранившимся отпечаткам ширина досок достигала 10—15 см. Грунт заполнения до глубины 270 см представлял собой чернозем, обильно насыщенный фрагментами обожженной глиняной обмазки. Ниже включения фрагментов обмазки менее значительны. На глубине 320—340 см обмазка обнаружена лишь в немногочисленных фрагментах. Глубина и облицовка ямы 30 указывают на то, что она, как и яма 37, использовалась для хранения воды.

Жилище 13 (рис. 8) найдено под остатками молдавского жилища 17 в 175 см к северу от жилища 26. Оно представляло собой постройку столбовой конструкции, углубленную в материковый грунт на 170—190 см и на 310 см от современной дневной поверхности. Котлован жилища прямоугольной формы, ориентирован осью по линии север—юг с некоторым отклонением к западу. Северная часть его ушла под бровку дороги, поэтому не было возможности полностью выявить контуры жилища. Размеры котлована — север—юг 840 (западная стена), 600 (восточная стена), запад—восток 600 см. Стенки ровные, отвесные. Пол появился на глубине

310 см от уровня современной дневной поверхности. Он был обмазан глиняным раствором и притом неоднократно, что подтверждается несколькими наслоениями глины толщиной 2—3 мм. Глиняный раствор содержал в себе растительную примесь. По периметру стен выкопанной части котлована сохранились 6 столбовых ям с остатками дерева, врезанных в материк. На расстоянии 250 см от восточной и западной стенок и в 360 см от южной стенки находилась седьмая столбовая яма, круглой формы, диаметром 60 см, заглублена ниже пола на 15 см.

В юго-восточной части жилища обнаружена печь из известняка, врезанная в восточную стенку котлована. Она прямоугольной формы (100×35 см), устьем обращена на запад, сооружена на материковой подставке высотой 25 см, внутри обмазана глиняным раствором. Под, прямоугольной формы, располагался на глубине 285 см от современной дневной поверхности. Высота стен 20—25, толщина 10, длина пода 90, ширина 30, толщина 3 см.

Жилище 13 заполнял чернозем с обильной примесью древесного угля. Индивидуальные находки представлены черенковыми и пластинчатыми ножками, костяной иглой, глиняным пряслицем, костяным кочедыком. По конструкции, планировке и форме жилище 13 однотипно с жилищем 26.

Жилище 24 (рис. 9) было расположено на расстоянии 46,5 м к юго-востоку от жилища 26, под остатками молдавского жилища 23. Контуры его прослежены на глубине 80 см от уровня современной дневной поверхности в виде пятна прямоугольной формы со скругленными углами. К северо-восточному углу примыкал выступ прямоугольной формы. Жилище 24 также представляло собой постройку столбовой конструкции прямоугольной в плане формы. Длинной осью котлован ориентирован по ли-

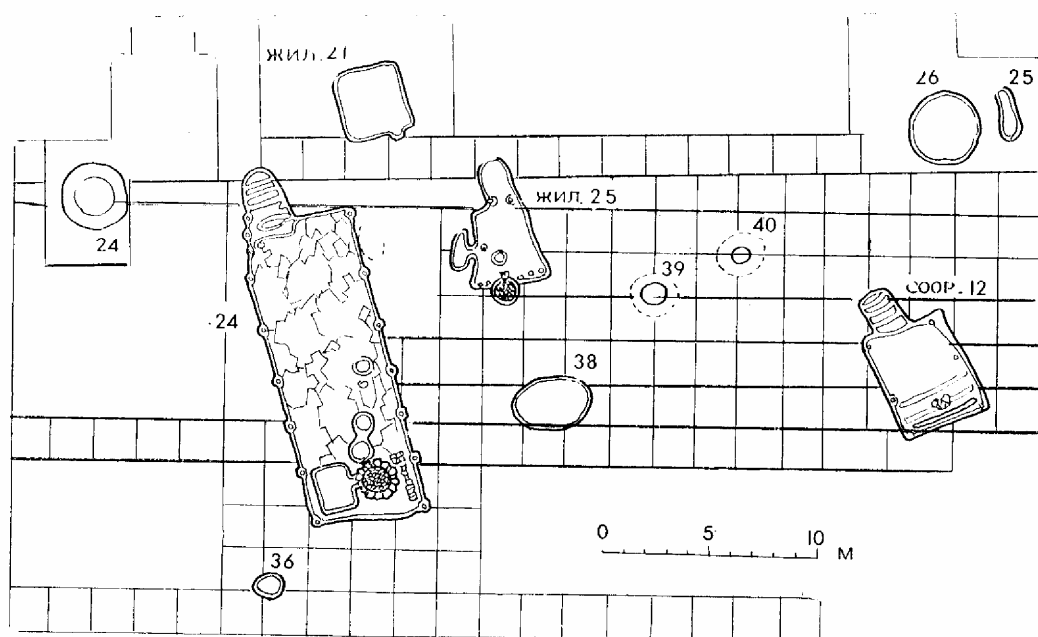

Рис. 9. Жилище-мастерская 24, жилые и хозяйственно-бытовые сооружения

нии север—юг с отклонением к западу, размеры его: север—юг 1500, запад—восток 500 см, общая площадь 75 кв. м. Стены котлована ровные, отвесные, по всему периметру сохранились остатки 16 столбовых ям, врезанных в материковый грунт: 7 — вдоль восточной стены, 9 — вдоль западной. На дно каждой был уложен камень. С северо-западного угла в жилище вел тамбур-вход с пятью ступенями. Длина тамбура — 320, ширина 180—210 см. Пол проступал на глубине 280 см от уровня современной дневной поверхности. Он был обмазан глиняным раствором с примесью песка, хорошо сохранился в прожженных местах. У восточной стены жилища прослежены участки пола, оштукатуренные раствором цемянки. Слева от входа в жилище обнаружена бытовая подбойная печь, выкопанная в восточной стене в 70 см от северо-восточного угла. На глубине 200—210 см сохранился хорошо промазанный под овальной формы.

Размеры пода: север—юг 150, запад—восток 110, толщина 6 см. Устьем печь была ориентирована на запад, ширина устья достигала 50 см.

Другая, производственная печь открыта в южной части жилища. Она сооружена из кирпича-сырца, основание подковообразной формы (210×210), корпус был выложен в 15 рядов темно-серого кирпича-сырца размером 20×20×5 см. В толще не прослежено никаких примесей. Основным связующим материалом служил глиняно-песчаный раствор с незначительной примесью извести. Толщина швов раствора не превышала 1—1,5 см. Топочная камера имела полусферическую форму (диаметр 90 см), свод сохранился частично. Под действием высокой температуры сыровые кирпичи обожглись до серовато-желтого цвета, местами спеклись и ошлаковались. Под печи округлой формы заглублен на 420 см от уровня современной дневной поверхности, обмазан глиняным раствором с примесью пе-

ска, поверхность хорошо заглажена и прокалена до ярко-красного цвета, размеры: 80×90, толщина 10 см. Толщина стенок из сырцовых кирпичей 50—60 см. Устье печи сводчатой формы выполнено также из сырцового кирпича, обращено на запад и выходит к предтопочной яме. Сохранившаяся часть свода выполнена из раствора цемянки, диаметр достигал 160, высота 50 см. На внешней стороне четко прослеживались отпечатки плетневого каркаса из прутьев круглого сечения. Возможно, что над печью после ее загрузки возводился каркас из прутьев и обмазывался раствором цемянки. Западная сторона печи снаружи обмазана глиняным раствором толщиной 3 см. Сохранились небольшие участки мазаной стены. С восточной стороны печь ограничена цепочкой камней протяженностью 250 см в направлении с севера на юг.

С запада к печи примыкала прямоугольная в плане предтопочная яма, длинной осью ориентированная по линии север—юг. Размеры ямы: в направлении север—юг 230, запад—восток 170 см; дно — на глубине 380 см от уровня современной дневной поверхности. Яма была заполнена суглинком с обильной примесью частичек древесного угля, фрагментов керамики. На глубине 340 см сплошным слоем толщиной не более 5—6 см залегали куски цемянки. В них присутствовали фрагменты битой керамики. Лицевая поверхность всех кусков была хорошо оштукатурена. Толщина слоя штукатурки достигала 1 см. На обратной стороне фрагментов прослежены отпечатки деревянных конструкций. Под слоем цемянки залегала глина зеленовато-серого цвета с примесью древесных углей, золы, извести и многочисленных включений битой керамики. Подобные куски цемянки залегали вокруг ямы вдоль западной стены жилища на расстоянии 440 см.

С севера к печи примыкала яма

(135×140 см), верхнее основание которой в плане имело квадратную форму с округленными углами. Котлован ямы усеченно-конической формы, дно круглое, заглублено на 380 см от современной дневной поверхности. В 620 см от северной и в 20 см от восточной стен жилища вскрыта небольшая яма, круглая в плане, диаметром 60, глубиной 10 см. В 20 см к западу располагалась сходная яма диаметром 55, глубиной также 10 см. В непосредственной близости от нее находилась третья яма, диаметр которой достигал 105 см, котлован имел форму усеченного конуса. Ровное, горизонтальное дно ямы находилось на глубине 310 см от уровня земли.

В 90 см от восточной стены жилища и в 10 см от южного края третьей ямы в материковом грунте на расстоянии 30 см друг от друга обнаружены две амфоры, вмонтированные в материк. Верхние части обеих амфор (устья) были сбиты. Амфоры круглодонные с коротким горлом и рифленной вверху внешней поверхностью. Изготовлены из хорошо отмученного теста с примесью мелкого песка. Наибольший диаметр первой амфоры 50 см, высота сохранившейся части 34 см. Диаметр второй амфоры 45, высота — 42 см. Поверхность пола вокруг сосудов была залита раствором цемянки. По планировке, размещению печей, а также существенным различиям в конструкции можно предположить, что жилище представляло собой единый производственно-жилой комплекс.

На глубине 180 см от уровня земли в 340 см от восточной и в 760 см от южной стен котлована обнаружено скопление лопаточных костей (326 экз.) крупных животных, сохранивших следы выпиленных пластин. Мощность скопления достигала 100 см. Заполнение дало и ряд индивидуальных находок. Из железных вещей найдены целый цилиндрический замок с полукруглой дужкой для лоша-

диных пут, крышка и обломки внутреннего замка, подсвечник, 22 пластины с одинаковыми дугообразными изгибами (12×12 см). Найдена также медная проволочная серьга в форме вопросительного знака: верхняя часть в виде несомкнутого кольца, от которого вниз отходит вертикальный проволочный стержень. По своему облику серьга наиболее близка к типу VI, варианту «б» по классификации Г. А. Федорова-Давыдова¹⁰. Датируется жилище медными монетами времени правления хана Хызра 1360—1361 гг.¹¹.

По ориентировке, конструктивным особенностям, наличию однотипных производственных печей и т. д. жилище 24 ничем, за исключением размеров, не отличается от жилища 26. Вокруг него также располагались вспомогательные сооружения.

Жилище 21 (рис. 9) находилось в 400 см к северо-востоку от жилища 24. Это землянка, ориентированная по линии север—юг с небольшим отклонением к западу, углубленная в материковый грунт на 100 см и на 200 см от уровня современной дневной поверхности. Она почти квадратная (350×330 см), углы округлены, стенки ровные, отвесные, полом служил уплотненный материковый грунт. Тамбур входа отсутствует. В южной стене жилища выше уровня пола на 30 см была расположена подбойная печь (80×40 см) овальной формы, ориентирована на запад—восток. Южная стенка ее углублена в стену жилища на 20 см. Толщина стенок печи достигала 10 см. Индивидуальные находки из жилища представлены черенковым ножом, железной петлей, фрагментом подковы.

Жилище 25 (рис. 9) расположено на расстоянии примерно 500 см к востоку от жилища 24. Оно представляло собой постройку столбовой конструкции, углубленную в материковый грунт на 40 см и на 90 см от уровня современной дневной поверхности.

Размеры котлована жилища в направлении север—юг 400, запад—восток 290 (северная стена) и 370 см (южная стена), общая площадь 11,5 кв. м. Стены ровные, отвесные, пол горизонтальный, утрамбованный материк. С севера в жилище вел пологий пандус, сливавшийся с северо-восточным углом котлована. Стенки тамбура слегка закруглены. В полу землянки жилища прослежены остатки 9 столбовых ям: две (диаметр 40, глубина от пола 45—55 см) находились в месте соединения тамбура с котлованом жилища, остальные (диаметр 40, глубина 15—60 см) располагались вдоль западной стены (2) и вдоль южной (5).

Печь находилась в середине южной стены, частично выйдя за ее пределы, напротив входа. Она круглая в плане, глинобитная, устьем обращена на север, диаметр 105 см. Местами хорошо сохранился полусферический свод высотой 40 см, толщина свода и стенок не превышает 6 см. Под печи заглублен на 135 см от современного уровня земли, толщина его 10—12 см. К устью печи подходила небольшая овальная площадка — шесток, обмазанный глиной и хорошо обожженный. Длина его 60 см, ширина 45 см. Он приподнят над уровнем пола на 10 см. В жилище найдены железный втульчатый подсвечник, фрагмент железной петли, железный черенковый нож и медная монета времени правления Джанибека (1339—1357 гг.).

Яма 24 (рис. 9) расположена на расстоянии 350 см к северо-западу от жилища 24 в материковом грунте на глубине 390 см и на 470 см от уровня современной дневной поверхности. Котлован цилиндрической формы, слегка сужается ко дну. Дно ровное, горизонтальное. Верхний диаметр ямы 300, нижний 170 см. Грунт заполнения ямы по всей глубине представлял собой чернозем с включениями ракушек, костей животных, гвоздей. Индивидуальные находки пред-

ставлены железным дверным пробоем, поливной миской на кольцевом поддоне (найдена на дне), керамической копилкой, тремя медными золотоордынскими монетами времени правления Джанибека. Яма 24 так же, как и ямы 30 и 37, являлась цистерной-хранилищем для воды, необходимой в ремесленном производстве.

Сооружение 12 (рис. 9) расположено в 15 м к юго-востоку от жилища 25. Это постройка столбовой конструкции, углубленная в материковый грунт на 160 см и от современной дневной поверхности на 200 см. Котлован прямоугольной формы, стены ровные, отвесные, полом служил углубленный материк. На поверхности пола прослежены остатки восьми столбовых ям, по три вдоль восточной и западной стен и две у дверного проема, в основании тамбура входа. Диаметры ям 20—30, глубина 10—240 см ниже уровня пола. Параллельно южной стене сооружения, на расстоянии 40—60 см друг от друга тянутся прямоугольные в плане углубления от деревянных плах шириной 20, глубиной 10 см (длина первого углубления 340, второго — 380, третьего — 360 см). С северной стороны к котловану примыкал тамбур входа (длина 180, ширина 100—120 см), с четырьмя ступеньками высотой 30 и 40 см.

В заполнении сооружения обнаружено большое количество костей домашних животных, гвоздей, фрагментов чугунных котлов.

На глубине 80 см от уровня современной дневной поверхности в 160 от северной и в 90 см от восточной стен сооружения был обнаружен скелет ребенка. Он сохранился очень плохо: череп деформирован, проследить положение рук не удалось, ориентирован головой на север, длина 60 см. На глубине 100 см от уровня современной дневной поверхности в 140 от южной и в 90 см от восточной стен сооружения выявлен второй ске-

лет ребенка: плохо сохранившийся череп деформирован, положение рук и ног проследить не удалось. Ориентирован он головой на северо-северо-запад. Детские скелеты попали в сооружение позже, так как найдены не на дне, а выше уровня пола на 40—100 см, в заполнении. Они были сброшены в это сооружение, видимо, во время разрушения города.

На глубине 120 см, на расстоянии 60 от южной, 140 от восточной и 160 см от западной стен выявлены остатки тандыра 8. Обломки (18 шт.) лежали беспорядочно. Тандыр был выполнен в технике ленточной лепки. Глиняные полосы шириной 4 и толщиной 8—10 см скреплялись между собой глиняным раствором с примесью песка. Внутренняя поверхность тандыра также была обмазана тонким слоем глиняного раствора, хорошо заглажена. Среди обломков стен тандыра обнаружены фрагменты керамической трубы.

Среди находок — железный дверной пробой, фрагмент селадонного блюда, два керамических пряслица, фрагмент полотняной ткани простого переплетения. Поскольку отопительное сооружение отсутствовало, можно полагать, что сооружение 12 носило хозяйственный характер.

Яма 36 (рис. 9) располагалась в 300 см к юго-западу от угла жилища 24. Котлован ее врыт в материковый грунт на глубину 130 и на 160 см от уровня современной дневной поверхности. Он цилиндрической формы, стенки ровные, отвесные, дно слегка закруглено. Диаметр ямы 130 см. В заполнении много фрагментов обожженной глиняной обмазки с отпечатками прутьев и различного рода деревянных конструкций. В изломе выявлены следы растительной примеси. Обжиг обмазки неравномерный, размеры ее фрагментов довольно крупные: 20×16×6 см; 15×14×6 см и т. д. На некоторых обломках сохранилась штукатурка.

В заполнении ямы были найдены лопаточные кости (32 экз.) крупных животных со следами выпиленных пластин, а также пластинки — заготовки. По присутствию костяных пластин можно считать, что яма синхронна с жилищем 24 и входит в этот общий комплекс. Среди находок заполнения — железный ключ, черенковый нож, железный дверной пробой, поливной сосуд, медная золотоордынская монета анонимного чекана 50-х гг. XIV в.¹²

Яма 38 (рис. 9) расположена на расстоянии 440 см к югу от юго-восточного угла жилища 25 и в 540 см от восточной стены жилища 24. Котлован ямы цилиндрической формы, углублен в материковый грунт на 130—140 см и на 180 см от уровня современной дневной поверхности. Стенки ровные, отвесные, несколько сужающиеся ко дну, дно горизонтальное. Диаметр верхнего основания ямы 350×295 см, нижнего — 310×260 см. В яме обнаружено очень много костей домашних животных, гвоздей, фрагментов чугунных котлов, найдены лопаточные кости крупных животных со следами выпиленных пластинок (18 шт.), дверная петля с пробоем, фрагмент скобеля, крюк, дужка стремени с арочным контуром, близкого по форме к стременам типа Е I по классификации Г. А. Федорова-Давыдова¹³. Материал ямы датируется находками двух медных монет 50-х гг. XIV в.¹⁴, то есть временем правления Джанибека (1339—1357 гг.).

Яма 39 (рис. 9) расположена на расстоянии 115 см к востоку от жилища 24 и 430 см к юго-востоку от жилища 25. Котлован ямы колоколовидной формы углублен в материковый грунт на 100 и от современного уровня земли на 200 см. Дно немного закруглено. Диаметр верхнего основания 120, нижнего — 200 см. В заполнении обнаружены фрагменты чугунных котлов, кости домашних жи-

вотных, а также фрагмент железной пластины с петлей и костяная накладка.

Яма 40 (рис. 9) находится в 800 см к востоку от жилища 25 и в 250 см к северо-востоку от ямы 39. Котлован усеченно-конической формы заглублен в материк на 140 и на 180 см от уровня земли. Дно ровное, слегка закругленное. Верхний диаметр ямы 80, нижний диаметр 200 см. В заполнении ее содержались кости домашних животных, гвозди, фрагменты чугунных котлов, а также железная пряжка, бронзовое кольцо с ушком, фрагмент селадонного блюда, навесной цилиндрический замок.

Среди описанных сооружений выделяются центральные жилища (24 и 26), вокруг или по соседству с которыми располагались более мелкие вспомогательные сооружения — цистерны, жилища, ямы и др., носящие, по всей вероятности, подсобный характер. Планировка и размеры жилищ 24 и 26 выделяют эти сооружения в качестве основных. Их объединяет ряд общих черт: они ориентированы строго в одном направлении без каких-либо отклонений, сходны по строительным приемам (все столбовой конструкции, причем все столбы довольно внушительных размеров и расположены вдоль основных стен строго друг против друга).

Следует отметить, что в отличие от других столбовых жилищ, где ямы, как правило, являются частью интерьера жилища, в данном случае они частично или целиком вынесены за пределы котлована. Кроме того, видимо, для придания большей прочности конструкции и предупреждения осадки все столбовые ямы выложены по дну крупными камнями, что также не было характерно для обычных рядовых жилищ. От последних эти сооружения отличаются также присутствием (помимо обычной подбойной нечи или сооруженной из камней) вторых печей, расположенных, как

правило, у задней стенки в юго-восточном углу. Эти печи одинаковой формы, для большей огнеупорности обкладывались в несколько рядов сырцовым кирпичом. Сама конструкция печей и огнеупорное устройство ее стен свидетельствуют о том, что они предназначались для получения высоких температур. Для этих целей, видимо, была необходима и вода, так как неподалеку от печей обнаружены вкопанные в пол жилища или деревянная бочка (жилище 26), или же амфоры (жилище 24). Для обеспечения постоянного резерва воды вблизи сооружений были выкопаны довольно глубокие цистерны-колодцы, обшитые досками.

Итак, сооружения 24 и 26 представляли собой жилища-мастерские (особенно большое жилище 24, в котором одна половина с подбойной печью могла служить жильем, а вторая — с производственной печью — мастерской). Размеры жилища 26 более скромные, нет четкого деления на две половины, оно могло быть одновременно жилищем и мастерской.

Аналогично жилищам 24 и 26 по ориентировке, размерам и конструкционным особенностям жилище 13, но его северная часть располагалась под дорогой, поэтому оно осталось недокопанным. Однако нет сомнения, что это была еще одна мастерская.

Кроме жилищ-мастерских, как видно из вышеописанного, есть и второй тип жилых сооружений. Речь идет о жилищах 21 и 25, которые значительно уступают жилищам первого типа по размерам, прочности конструкции, а также по ассортименту того небольшого инвентаря, который был в них обнаружен. Наличие двух столь различных типов жилищ указывает на проживание в них представителей различных слоев городского населения. Напомним, что в заполнении жилища 24 кроме фрагментов поливной посуды найдена также нарядная поливная и кашинная посуда —

поливные тарелки на кольцевом поддоне, поливной горшок, красивая кашинная чаша на кольцевом поддоне со сливом, покрытая бирюзовой поливой, с расписным черным орнаментом, а также фрагмент стеклянной вазы фиолетового цвета, которая могла принадлежать только богатому городскому ремесленнику. Вторая группа жилищ, более скромных размеров, в них обнаружены лишь обломки поливной посуды. Эти жилища могли принадлежать представителям низших в социальном отношении слоев населения.

Таким образом, в результате исследования участка выявлены остатки большого производственного и жилого комплекса середины XIV в., объединявшего большое количество как жилых, так и подсобных хозяйственных сооружений. Все основные жилища-мастерские (13, 24 и 26) являлись центрами ремесленных усадеб. Первая включала жилище-мастерскую 26, две цистерны-ямы 30 и 37 и хозяйственную яму 29. Вторая усадьба, видимо, располагалась севернее, вокруг жилища 13. Наиболее значительной являлась усадьба ремесленника, состоявшая из жилища-мастерской 24, цистерны-ямы 24, жилищ 21 и 26, сооружения 12 и хозяйственных ям 36, 38, 39, 40.

У западной стены «караван-сарая II»¹⁵ на глубине 25 см от современной дневной поверхности обнаружена ювелирная мастерская (сооружение 9) в виде скопления обожженной глины, камней, обломков кирпича, остатков древесного угля мощностью около 30—35 см. Мастерская представляла собой наземное сооружение, вплотную примыкавшее к западной стене «караван-сарая II», в 640 см от его северо-западного угла. Она была ориентирована, как и сам «караван-сарай II», длинной осью по линии север—юг. Мастерская представляла в плане прямоугольное сооружение с выступом в северо-запад-

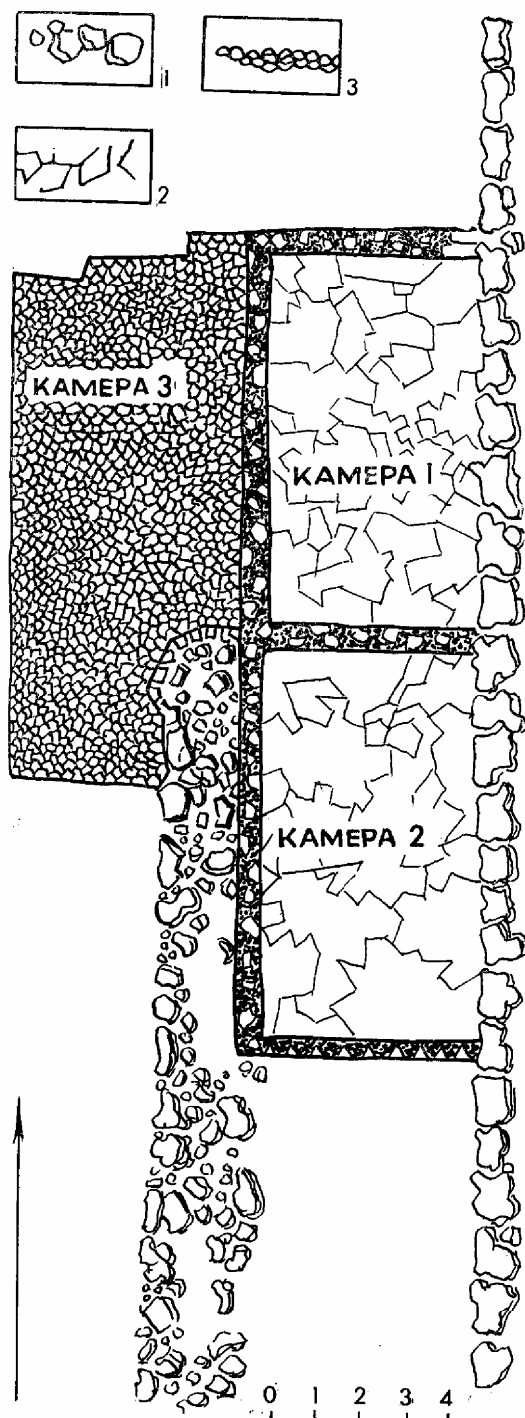

Рис. 10. План ювелирной мастерской:
1—камни, 2—глиняный пол, 3—каменная вымостка

ной части. Общая длина сооружения 1090, ширина — 280, наибольшая ширина (с выступом) — 600 см, длина выступа по линии север—юг 720 см (рис. 10).

При расчистке развала мастерской обнаружено большое количество гвоздей, места находок которых четко фиксировались на плане. Это позволило установить не только более точные контуры мастерской, но и конструктивные особенности сооружения. По фиксации гвоздей и находок обмазки удалось выяснить, что это сооружение состояло из трех камер. Первые две примыкали к стенам «караван-сарая II» и отделялись одна от другой стенкой. Первая камера, прямоугольная в плане (510×280 см). К югу от нее располагалась вторая, также прямоугольной формы (580×280 см), той же ширины, что и предыдущая. Третья камера (720×320) примыкала с запада к первой и частично ко второй камере. Она-то и составляла упомянутый выступ сооружения. Общая площадь всего сооружения, таким образом, была весьма значительная — 53 кв. м. Восточной стеной первых двух камер являлась каменная стена «караван-сарая II».

На протяжении всей длины первой камеры вдоль каменной стены «караван-сарая II» обнаружено, как уже отмечалось, большое количество находок гвоздей и фрагментов глиняной обгорелой обмазки ярко-красного цвета без видимых примесей. Видимо, восточная стена первой камеры (примыкающая к каменной стене «караван-сарая II») была еще обшита досками, скрепленными железными гвоздями и обмазана по внутренней стороне глиной. Далее к югу, вдоль второй камеры, находки обмазки и гвоздей отсутствуют, видимо, в этой камере каменная стена «караван-сарая II» не обшивалась. Находки камней, кирпичей и глиняной обмазки указывают, что остальные сте-

ны сооружения воздвигнуты из камня и кирпича на глиняном растворе, за исключением южной стены второй камеры и разделительной стенки между первой и третьей, которые, судя по находкам гвоздей, были деревянными. находка в третьей камере фрагмента стеклянной оконницы круглой формы свидетельствует, что помещение освещалось дневным светом.

Пол в первой и второй камерах представлял собой утрамбованный грунт, обмазанный глиной, в третьей — полом служила вымостка из мелких камней и щебня толщиной 20 см, залитая известковым раствором. Вымостку подстилал слой глиняной подсыпки толщиной 5 см. С юга к третьей камере вела вымощенная камнем дорожка длиной 600, шириной 100 см. Видимо, она вела к входу в мастерскую, который находился в месте соединения дорожки с камерой.

Для определения датировки и культурной принадлежности, выяснения характера и назначения этого сооружения необходимо рассмотреть весь найденный в его пределах и заполнении материал. При разборке сооружения и особенно на участке каменной вымостки выявлен нумизматический материал, включающий значительное количество медных монет местного чекана, что позволило уточнить датировку сооружения и отнести его к началу 60-х гг. XIV в.¹⁶

Находки из первой камеры, за исключением трех золотоордынских монет и 6 косточек кизила, составляют бытовые предметы: съемный цилиндрический пружинный замок и дужка, четыре ключа. Замок по своей конструкции относится к типу Г по типологии В. А. Колчина и имеет усиленное дно и ключевое отверстие, закрытое вертикальными щитками, остатки которых видны в изломе замка. Бытование этого типа съемных замков на Руси относится к концу XIV — второй половине XV в.¹⁷ Ключи,

найденные в камере, однотипны и относятся к типу коленчатых. Они имели обычную лопасть; стержень, начинающийся от лопасти, плоский и широкий, и по толщине должен был соответствовать ширине щели между щитками. Нижняя половина ключей была толще, а нижний конец или загнут петлей, или выковывался в виде кольца с отверстием для удобства ношения.

Находки из второй камеры составляют в основном предметы домашнего и хозяйственного инвентаря. Из железных предметов следует упомянуть прежде всего о двух железных втульчатых подсвечниках (длиной 11,5 и 15 см). Один из них с квадратным в сечении заостренным концом, видимо, вбивался в деревянную стену; второй — с утолщенным концом, в середине для прикрепления просверлено отверстие. Из железа изготовлен небольшой железный пробой пеллеобразной формы, протертый сквозь круглую выгнутую улиткообразную пластинку с точечным орнаментом и фигурными зубчиками по краю, а также железный ключ внутреннего замка с фигурной бородкой и кольцом, украшенным внутри тонкой пластинкой, изогнутой в форме трилистника, фрагменты дверного навеса и черенового ножа. Бронзовые предметы из второй камеры представлены фрагментами листовой оковки, видимо, от ларца, с пуансонным геометрическим орнаментом и небольшой шкатулкой, цилиндрической формы со слегка расширенным впаянным дном (высота 5, 7 см). Шкатулка сужается к венчику в виде уступа под крышку (диаметр дна 5, устья 4,5 см). Крышка полусферической формы с гофрированной поверхностью в виде розетки из радиально расходящихся лепестков, вытянутой каплеобразной формы. Тонкостью изготовления и изяществом формы выделяется фрагмент стеклянного сосуда — часть горлышка и тулова.

Горлышко ровное, цилиндрическое, резко, почти под прямым углом переходит в шарообразное тулово. Оно украшено двумя изогнутыми фигурными ручками. Диаметр горлышка 1 см, высота 1,3 см. И, наконец, особый интерес представляет находка фрагмента кашинной чаши на кольцевом поддоне.

Самый многочисленный и разнообразный материал получен из третьей камеры и в непосредственной близости от сооружения. Здесь обнаружены железные и бронзовые инструменты, различные украшения, бытовые предметы и отходы ювелирного производства — обрезки бронзовых пластин и проволоки. Железные инструменты представлены напильником, фрагментом полотна пилы и наковаленкой. Напильник плоский, прямоугольный в сечении имел двухстороннюю насечку и черенок для вдевания в деревянную рукоятку. Длина его без черенка 22,8, сечение 1,1×0,4 см.

Сохранившийся фрагмент полотна пилы составлял 3 см, с шагом зубьев 0,4 см. Наковаленка небольшая, вытянутой пирамидальной формы, длиной 3,1 см. Бронзовые инструменты, применявшиеся, видимо, в ювелирном ремесле, представлены прямоугольным в сечении, изготовленным из бронзового стержня орудием типа стамески. Грани оформлены мелкими насечками, рабочая часть сточена под углом (длина 6,5, сечение 0,4×0,4 см). Второй инструмент изготовлен тоже из прямоугольного в сечении стержня и оканчивается небольшой овальной лопаточкой (длина 5,4, сечение 0,6×0,2 см).

В третьей камере найдены предметы вооружения, относящиеся к метательному оружию: четыре наконечника черешковых стрел. Среди бытовых предметов — железное кресало калачевидной формы с язычком, железная «кошка» из четырех крючков для вылавливания ведер из цистерны, дверные пробои и петли, две круглые

пряжки, фрагменты лезвий ножей, подковы и др.

Назначение третьей камеры определяется именно по найденным в ней бронзовым изделиям, и особенно украшениям. К ним относятся серьги, бронзовая цепочка, вставки к перстням, бусы и др. Прежде всего следует отметить находку 6 бронзовых пуговиц шаровидной формы (диаметр 0,7 см) с горизонтальным швом и петлей. Серьги представлены одним целым экземпляром и отдельными фрагментами. Все они относятся к проволочным, распространенным у кочевников серьгам в виде знака вопроса, типа VIб по классификации Г. А. Федорова-Давыдова¹⁸. Верхняя часть серьги представляет собой несомкнутое проволочное кольцо с отходящим вниз вертикальным проволочным односоставным стержнем, который до середины перевит тонкой проволокой и заканчивается петлей. Помимо целой найден фрагмент бронзовой серьги, видимо, того же типа, а именно: вертикальный односоставный стержень перевит тонкой проволокой и завершается бусиной. Бусина прикреплена не на петле, а удерживается согнутым в кольцо нижним концом стержня. Она изготовлена из стеклянной пасты зеленого цвета и на поверхности нанесено винтообразное углубление, как бы делящее бусину на четыре части. Еще один фрагмент бронзовой серьги состоял из проволочного стержня с двумя петлями на концах, в одной из которых продета небольшая бронзовая пластинчатая привеска в виде лопасти.

Следует также упомянуть о находках бронзовых спиралевидных пронизей из тонкой проволоки. Это, по всей вероятности, заготовки для обматывания серег вышесписанного типа. В этом же помещении найдена жемчужная просверленная бусина, которая обычно прикреплялась петлей к нижней части проволочных серег в виде знака вопроса.

Разнообразны предметы из бронзы: фрагмент цепочки, состоящей из 7 овальных звеньев из круглой проволоки; пластина, по форме приближающаяся к кругу, выполненная из листовой бронзы с небольшим отверстием в центре в виде замочной скважины; оковка из листовой бронзы с тисненным растительным орнаментом в виде переплетенных цветов и листьев; большое количество различной величины бесформенных кусков листовой бронзы и круглой в сечении проволоки разных диаметров — отходов производства.

Предметы из стекла представлены двумя бесцветными вставками к перстням, овальной формы и сегментовидными в сечении, фрагментом стеклянной оконницы круглой формы, прозрачного, слегка зеленоватого оттенка с плавно изогнутым утолщенным бортиком на поверхности стекла. Наибольшее количество находок третьей камеры составляют бусы (39 шт.). Они подразделяются на три группы: пастовые, стеклянные и янтарные.

Особо следует отметить фрагмент толстого (0,4 см) стеклянного бесцветного сосуда, на лицевой стороне которого золотой росписью нанесен орнамент из причудливо пересекающихся кривых линий и кругов. По мнению А. Ю. Якубовского, подобное стекло в городские центры Золотой Орды привозилось из Египта и Сирии¹⁹.

Основываясь на характере находок, местоположении и конструктивных особенностях камер сооружения 9, можно предположительно определить назначение помещений. Сооружение представляло наземную постройку каменно-деревянной конструкции. Обшивка стены «караван-сарая» досками и обмазка ее глиной указывают на специальное утепление первой камеры. Можно предположить, что она была жилой, хотя следы отопительного сооружения отсутствуют. Возможно, помещение отапливалось переносной жаровней. Что

касается второй камеры, имеющей общую с первым помещением восточную стену — каменную стенку «караван-сарая II», то она, судя по отсутствию находок гвоздей, не была обшита деревом, т. е. не была утеплена. Это подтверждается и тем, что южная стена второго помещения была легкой деревянной конструкции. По найденным в ней предметам, в основном домашнего обихода, можно считать это помещение кладовкой.

Северная, западная и восточная стены третьей камеры были, видимо, каменными, на растворе, а южная продолжала деревянную стену второго помещения. В определении назначения этого сооружения важную роль играют материалы, найденные как в пределах камеры, так и вблизи нее. Находки инструментов, большого количества бронзовых предметов и многочисленных отходов производства позволяют считать это помещение мастерской ювелира, занимавшего невысокое социальное положение, так как он изготовлял незатейливые, не требующие высокой квалификации и сложных приемов украшения из листовой и проволочной бронзы, укреплял в оправу перстней стеклянные вставки, занимался тиснением узоров на листовой бронзе и т. д. Мастер, очевидно, сбывал готовую продукцию на месте; мастерская, таким образом, служила одновременно и лавкой, что подтверждается скоплением наибольшего количества монет на каменной вымостке — дорожке, ведущей в мастерскую-лавку. Наряду с собственными изделиями мастер продавал и стеклянные бусы из пасты, которые он приобретал, вероятно, у других ремесленников, ибо никаких материалов, подтверждающих, что он изготовлял их сам, не обнаружено.

Найденный в мастерской и возле нее нумизматический материал свидетельствует о том, что она была разрушена в результате пожара в начале 60-х гг. XIV в.

РЕМЕСЛЕННО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Гончарный горн обнаружен на глубине 55 см от современной дневной поверхности, в 40 см к востоку от юго-восточного угла «караван-сарая I» (рис. 1).

В плане он имеет форму круга, незамкнутого в южной части, диаметром 80 см.

Он выкопан в земле и сохранился всего лишь на высоту 15—20 см. По линии запад—восток горн разделяется на две камеры поперечной стенкой высотой 15, шириной 10 см; южная камера, огневая, топочная, в передней части ее сохранилось устье шириной 20 см. Северная камера предназначалась для обжига. Горячий воздух из топки подавался в нее через два отверстия, пробитых по краям поперечной стенки, между ней и стенкой горна в западном и восточном ее концах. Ширина этих продухов 5, высота 8 см. Под топочной камеры находился ниже пода обжигательной камеры на 10 см: первый на глубине 80, второй — 70 см.

Под топочной камеры представляет собой обожженный грунт без всякой обмазки, толщина прожога 3—4 см. Под обжигательной камеры — глиняный останец прямоугольной формы, обмазанный глиной, которая от постоянной высокой температуры приобрела почти черный цвет. Толщина пода 2—3, толщина прожога — 5 см. Перегородка высотой 15 см (от уровня пода топочной камеры) сложена из глины в четыре горизонтальных слоя. Толщина первого слоя — 5, второго — 3, третьего — 5, четвертого, нижнего — 2 см. Глина с незначительной примесью соломы от высокой температуры приобрела красновато-бурый цвет.

Гончарный горн был заполнен черноземом с золой и обмазкой. В заполнении найдены обломки посуды и поливного кирпича. Необходимо отметить, что подобная конструкция горна с горизонтальным расположением топочной и обжигательной камер и вер-

тикальной разделительной стенкой, видимо, очень редка и до сих пор не встречалась. Такая конструкция объясняется, вероятно, каким-либо специфическим его назначением (обжиг поливного кирпича в небольшом количестве).

Сооружение 1 примыкало к юго-восточному углу «караван-сарая I» и обнаружено на глубине 80 см (рис. 2). Оно выступило сначала в третьем пласте на глубине 40—50 см в виде пятна, вытянутого с севера на юг, длиной 760 и шириной от 260 до 560 см. Пятно состояло из обмазки, в значительной степени обгоревшей, из прожженных пятен чернозема, золы и фрагментов керамики золотоордынского времени. По западному краю пятна прослежены небольшие камни, скрепленные глиняным раствором. От них, видимо, проступили следы глины светло-желтого цвета. Близ камней проявилось глиняное пятно размерами 140×70 см.

Обмазка пятна сооружения 1 в большинстве случаев крупных размеров 9,5×9; 9,5×7×2; 10,5×7; 5×2,5; 7,5×5; 5×2,5 см. Встречаются и мелкие фрагменты обмазки. Для всех фрагментов характерно то, что на одной их стороне четко видны отпечатки деревянных плах. Обмазка обожжена до кирпичного цвета. В ней не прослежено никаких примесей. На некоторых обломках сохранились следы обугленности от сгоревшего дерева.

После окончательной расчистки пятна контуры сооружения прослеживались очень нечетко. Сооружение 1 было, возможно, четырехугольной формы, ориентированное с севера на

юг с небольшим отклонением к востоку. Длина его около 620, ширина около 320 см. Западная стенка в южной ее части прямая (на протяжении 220 см от юго-западного угла сооружения 1), дальше отклоняется во внутрь сооружения, т. е. к востоку, и упирается в юго-восточный угол «караван-сарая I», таким образом, на протяжении 140 см стеной сооружения 1 служила восточная стена «караван-сарая I». Общая площадь сооружения около 15—20 кв. м. Контуры прослежены по полосам скоплений обмазки шириной от 30 до 60 см. Толщина слоя обмазки из пятна сооружения 1 достигала 35 см.

В заполнении найдены железная крепежная скоба, а также три медные джучидские монеты, относящиеся к 50-м гг. XIV в.

Сооружение 1 было наземным, производственного назначения. Оно, видимо, было связано с гончарным горном 1 в единый производственный комплекс.

Сооружение 2 (рис. 1) сохранилось плохо. Оно обнаружено на глубине 40 см в 200 см к северу от горна 1. Оно выступало в виде полосы в направлении с юга на север, длиной 590, шириной 100—180 см, состоящей из обожженной обмазки, обломков кирпича, камня и кусков обугленного дерева. Грунт здесь тоже был обожжен и перемешан с золой. После расчистки установлены размеры сооружения: примерно 600×150 см, площадь около 7 кв. м. В северной части прослежены остатки горелого дерева, длиной 20, шириной 10 см, камни размерами 25×20×15 см.

В северной части сооружения располагалась печь, представлявшая округлую камеру в земле на глубине 40 см. Стенки ее обожжены, толщина глиняной обмазки 4 см. Под печи немного вогнут, обмазан и хорошо прожжен. К югу от печи найдены остатки двух каналов, видимо, горизонтальных дымоходов, ширина восточ-

ного около 80, западного около 40 см. Восточный канал был сложен из камня и, частично, из красного обожженного кирпича. Вдоль него прослежены остатки, возможно, стены сооружения в виде фрагментов обожженной глины; ширина стены 30 см. Она могла одновременно служить и стенкой канала, со стороны которого была обожжена сильнее. Параллельно этому каналу к западу от него прослежены остатки второго горизонтального дымохода, сложенного из обожженного кирпича. Западная его стенка была слегка нарушена и изогнута в виде дуги. Длина каналов около 240 см.

В заполнении сооружения 2, кроме керамики, найдены 16 обломков поливных плоских кирпичей толщиной 2,5 см. Кроме того, найдены также два целых и один обломок декоративных прямоугольных кирпичей длиной 18,5 см. В сечении они трапециевидной формы, ибо внешняя верхняя сторона имеет ширину 8,5, а нижняя, внутренняя, сторона — 6 см. Толщина кирпичей 6 см. Внешняя сторона кирпичей покрыта голубой и бирюзово-вой поливой.

В развале сооружения 2 найдены четыре медные золотоордынские монеты, относящиеся к середине XIV в., одна из них чекана 1352—1353 гг.

Система отопления в виде горизонтальных дымоходов до рассматриваемого времени на территории Днестровско-Прутского междуречья неизвестна, зато она с древнейших времен известна в Центральной Азии²⁰. В золотоордынскую эпоху широко использовалась в Новом Сарае и хорошо изучена В. Л. Егоровым²¹. В систему входила печь, от которой отходили два канала горизонтальных дымоходов. На противоположном от топке конце оба канала соединяются в одном вертикальном дымоходе-трубе. Эта система носит название кана²². В Новом Сарае он являлся составной частью суфы — возвышения П- или Г-образной формы на 40—50 см над

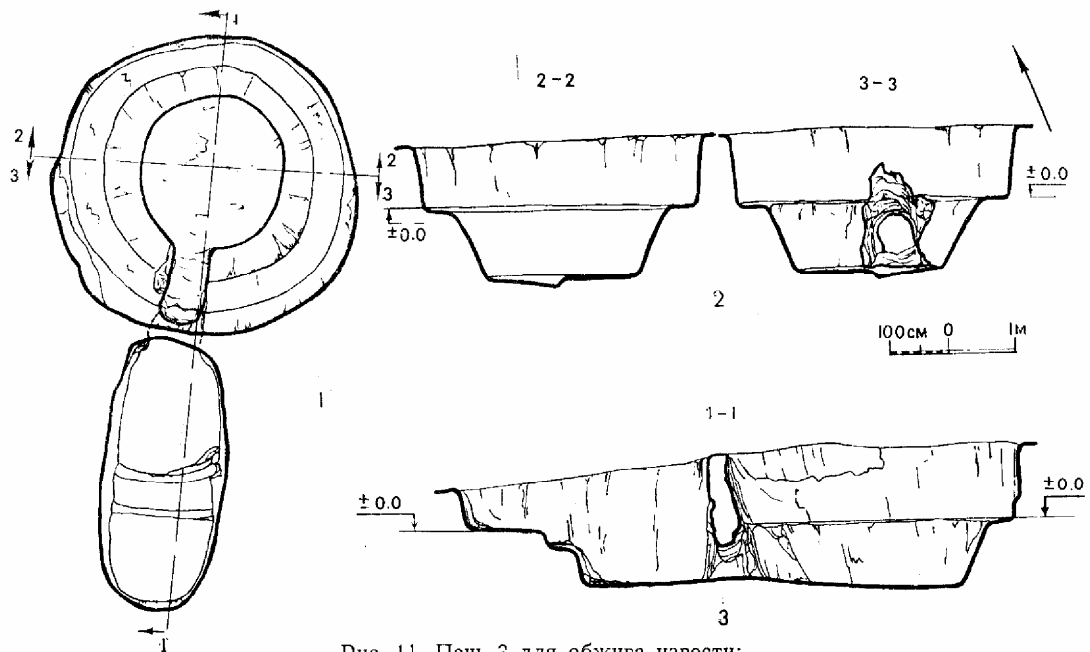

Рис. 11. Печь 3 для обжига извести:
1—план; 2, 3—разрезы

уровнем пола — и занимал значительную часть наземного жилого сооружения²³.

В сооружении 2 остатки суфы не прослежены, но мы не можем утверждать, что ее не было. Кан должен был быть перекрыт горизонтальной площадкой, как это бывало обычно у суфы. Поэтому можем заключить, что, находясь в непосредственной близости к горну 1, сооружение 2 представляло остатки наземной постройки со своеобразной системой отопления — каном, являлось, видимо, составной частью гончарного комплекса, куда входили горн 1 и сооружение 1, и могло использоваться для подсушки глиняных изделий (поливных кирпичей?) перед обжигом. Это тем более вероятно, что обломки поливных кирпичей были найдены как в горне 1, так и в сооружении 2.

Печь 3 для выжига извести обнаружена на пространстве между «караван-сараями I и II», на глубине 60 см от уровня современной дневной по-

верхности в виде кольцеобразного прожого, на расстоянии 100 см от ювелирной мастерской (сооружение 9) и в 700 см от западной стены «караван-сарая II». Котлован печи вырыт в материковом грунте на глубине 220 см. Он имел форму перевернутого усеченного конуса со ступенчатым выступом на глубине 115 см от верхнего края печи. Верхний диаметр котлована печи 500 см.

Стенки до выступа слегка сужаются до диаметра 420 см. Ширина выступа 45 50, диаметр у выступа 330 см. Выступ прерывается лишь в южной части печи, где находится топка. От выступа и далее ко дну котлован печи сужался и диаметр дна составлял 230 см. Дно ровное, в восточной части чуть опущенное. Толщина прожога стен 10, толщина пода 20 см. В южной части печи на высоте 35 см от пода сделано круглое отверстие устья топки диаметром 50 см. С юга к печи примыкает предтопочная яма овальной формы, обнаруженная

на глубине 70 см от уровня современной дневной поверхности, длина 410, ширина до 180 см. Дно ямы ступенчатое. От юга к северу ее глубина увеличивается — 70, 100, 190 см. Яма отделена от печи в ее верхней части перемычкой толщиной 30—40 см. В нижней части они соединены устьем.

Заполнение печи состояло из суглинка, обильно насыщенного обгоревшими известняковыми камнями, известняковой крошкой, фрагментами древесного угля, известью. Найдено также три фрагмента красно-желтой керамики. В заполнении предтопочной ямы найдено несколько фрагментов красно-желтой керамики и фрагмент селадонного сосуда. На дне ямы найдены также несколько фрагментов красно-желтой керамики, что датирует весь этот ремесленный комплекс серединой XIV в.

Печь 3 для обжига извести мало чем отличается по форме и, следовательно, по процессу получения извести из подобных печей в этом районе в 30—40-х гг. XX столетия. Горизонтальная площадка служила основанием загрузочной камеры, которая заполнялась известняком. Суженная нижняя часть являлась топочной ка-

мерой, в которую первоначально закладывались дрова, а затем она постоянно заполнялась топливом из предтопочной ямы через устье.

Печь 3 для обжига извести (рис. 11) была сооружена, судя по ее датировке, во время строительства «караван-сараяв I и II» для обеспечения строительства известковым раствором. В изучаемый нами период, прежде чем начать строительство монументальных сооружений, ремесленники сооружали необходимые ремесленные комплексы: печи для выжигания извести, обжига кирпича и т. д., которые должны были обеспечить строительство необходимым строительным материалом. Аналогичная картина прослежена во время раскопок двух мазаров золотоордынского времени у с. Бравичены, возле которых обнаружены две печи для выжигания извести и большая двухъярусная с опорными арками печь для обжига кирпича²⁴. Печи для выжигания извести староорхейского типа в это время были широко распространены, о чем свидетельствует аналогичная печь из Бравиченского ремесленного комплекса²⁵.

ХОЗЯЙСТВЕННО-БЫТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ

К этому виду сооружений относятся различные хозяйственные постройки и небольшие наземные и земляночного характера сооружения, такие, как тандыры, внешние печи и колодцы.

Сооружение 6 располагалось между «караван-сараями I и II» на глубине 80 см от современной дневной поверхности в материковом слое. Оно сохранилось в виде темного пятна, заполненного черноземом с обильной примесью золы, древесных угольков, фрагментов глиняной обмазки. Пятно в плане имело форму трапеции, большее основание которой (290 см) было обращено на запад и расположено в

40—50 см от восточной стены «караван-сарая I», малое основание (220 см) обращено на восток. Длинной осью пятно ориентировано в направлении восток—запад, длина его 340 см. С востока пятно имело небольшой трапециевидный выступ длиной 60, шириной 100×160 см. Котлован сооружения 6 вырыт в материковом слое на глубине 70 см. Стены его прямые, отвесные, дно ровное, плавно возвы-

шается к восточной стене, где, очевидно, был вход, от которого сохранился небольшой трапециевидный тамбур с вогнутыми к осевой линии стенками. Во всех четырех углах сооружения на глубине 180—190 см от уровня современной дневной поверхности обнаружены столбовые ямы диаметром 30—40 см. В заполнении сооружения 6 найдены остатки развала стен таандыра, внутренняя сторона которого была покрыта резными волнистыми линиями, нанесенными гребенкой, а также фрагменты чугунных котлов, гвозди, кости животных и ряд индивидуальных находок. Сооружение имело хозяйственное назначение.

Сооружение 10 обнаружено в южной части городища на глубине 20—25 см от уровня современной дневной поверхности в виде скопления фрагментов обожженной глиняной обмазки. Скопление в плане имело форму, приближающуюся к прямоугольнику, длинной осью ориентированному на север—юг. Размеры скопления в этом направлении 800, восток—запад — 450 см. Фрагменты преимущественно небольших размеров, в толще обмазки прослеживаются отпечатки различного рода деревянных конструкций, а также примеси растительного характера. Обмазка обожжена неравномерно. При разборке скопления удалось в некоторых местах проследить остатки стен. С севера сохранившийся участок стены достигал 60, с востока 85 см. В 320 см от северной и в 40 от восточной стенок сохранилась обуглившаяся плаха длиной 80, шириной 15, толщиной 7 см. Она располагалась параллельно восточной стене сооружения.

Судя по всему, сооружение 10 представляло собой легкую наземную конструкцию, прямоугольную в плане, обмазанную глиной, общая площадь его, по всей вероятности, достигала около 36 кв. м. Стены сооружения были выбелены, об этом говорит тот факт, что на фрагментах обмазки уда-

лось проследить шесть слоев побелки. С наружной стороны к стенам сооружения вплотную примыкала полоса глиняной подсыпки шириной в 50 см. В помещении не удалось проследить пол, это объясняется тем, что остатки сооружения были сильно повреждены вспашкой плантажным плугом, а также перерезались более поздними могильными ямами погребений 17, 18, 19, 20. В заполнении сооружения обнаружены фрагменты поливных кирпичей, гвозди и железная пластинка.

Сооружение 15 располагалось в 500 см к юго-западу от жилища 28. Контуры сооружения появились на глубине 60 см от уровня современной дневной поверхности в форме прямоугольного пятна с выступом в северной части. Ориентировано пятно длинной осью в направлении север—юг. Размеры пятна: север—юг 280, запад—восток 210, длина выступа 160, ширина 140 см.

Сооружение 15 представляло собой котлован, вырытый в материковом грунте на глубину 120 см от уровня современной дневной поверхности. Стены котлована ровные, отвесные. Полом в сооружении служил утрамбованный материк. Поверхность пола ровная, горизонтальная. Грунт заполнения представлял собой чернозем с вкраплениями обожженной глиняной обмазки, костями животных, в северной части — плотный суглинок (10—15 см), под его слоем — рыхлый чернозем, смешанный с фрагментами керамики, костями животных. В заполнении найден костяной стиль.

При зачистке пола сооружения 15 на глубине 120 см от уровня современной дневной поверхности были выявлены контуры ямы (74). Яма занимала выступ, примыкавший к сооружению с северной стороны. Углублена в материковый грунт на глубину 290 см от уровня современной дневной поверхности. Котлован колоколовидной формы, дно слегка

закруглено, верхний диаметр ямы 130, нижний — 190 см.

На глубине 280 см от уровня современной дневной поверхности в заполнении ямы была найдена облицовочная плита из белого мрамора, прямоугольной формы (29×17×3,5 см). Лицевая поверхность хорошо отшлифована, боковые и обратная сторона обработаны менее тщательно. Сооружение 15, видимо, служило кладовой, так как в нем была выкопана колоколовидная зерновая яма (74).

Сооружение 19 находилось на расстоянии 60 см от северной стены «караван-сарая I» и в 280 см к юго-западу от ямы 89. Контуры сооружения в форме овального пятна, ориентированного по линии север—юг, обнаружены на глубине 50 см от уровня современной дневной поверхности (размеры пятна 250×170×180 см). Котлован сооружения углублен в материковый грунт на 55—80 и на 105—130 см от уровня современной дневной поверхности. Стенки покатые, южная отвесная. Дно слегка скошено в южную сторону. Внутри сооружения, у восточной стены выявлена яма круглой формы диаметром 105—115 см со скошенными стенками. Дно прослеживалось на глубине 140 см от уровня современной дневной поверхности. В западной стене сооружения находилась ниша, полусферический свод которой был прожжен на 1—1,5 см. Размеры ниши: север—юг 120, высота 50 см от уровня пола сооружения. Грунт заполнения включал рыхлый чернозем с фрагментами древесного угля, обожженной глиняной обмазки. Судя по всем находкам, сооружение 19 имело хозяйственное назначение.

Сооружение 22 в виде пятна подпрямоугольной формы со скругленными углами и выступом в западной части обнаружено на глубине 95—120 см от уровня современной дневной поверхности в северной части городища, на шелковичной плантации.

Длинной осью пятно ориентировано по линии запад—восток. Выступ подпрямоугольной формы ориентирован в том же направлении. Размеры пятна: длина 470, ширина 240, длина выступа 340, ширина 240 см.

Сооружение 22 представляло собой постройку, углубленную в материковый грунт на 140—265 см от уровня современной дневной поверхности, с отвесными материковыми стенками, ровным полом из материкового песка с примесью гальки. В западной части пол несколько повышается (глубина от современной дневной поверхности 240 см).

В заполнении обнаружен суглинок светло-коричневого цвета с вкраплениями мелких фрагментов древесного угля и кирпичного боя. При расчистке северо-западного угла постройки, на глубине 55 см выявлено скопление обожженной глиняной обмазки. Фрагменты обмазки незначительных размеров (10×7×5 см; 14×10×7 см), тесто с примесью песка и растительных включений, сильно обожжено. На некоторых фрагментах прослежены следы от деревянных конструкций. При разборе скопления обнаружено 7 железных гвоздей, железный костыль и обломки посуды золотоордынского времени.

В заполнении сооружения помимо керамики найдены следующие находки: 3 серебряных дирхема Абдулаха (1362—1369 гг.), железное ботало в виде уплощенного колокола высотой 8,5, диаметром 3,7×5,5 см, две красноглиняные поливные миски с зеленой поливой и орнаментом, выполненным в технике граффито, и поливная пиаллообразная желтая кашинная чаша²⁶, медная литая матрица в плане подсердцевидной формы с мягким неглубоким рельефом, изображающим бегущего олененка на фоне стилизованного растительного орнамента. Близким к нему является изображение на костяной бляхе из Кара-Корума²⁷.

Литая матрица для изготовления украшений найдена в Молдавии впервые. Она свидетельствует о высоком уровне одного из приемов ювелирного производства — тиснения.

Сооружение 23 располагалось на расстоянии 140 см к югу от сооружения 22. Контуры его были обнаружены на глубине 105—120 см от уровня современной дневной поверхности. Сооружение имело прямоугольную форму (520×140 см) со скругленными углами, ориентировано длинной осью по линии север—юг, углублено в материковый грунт на 40—45 см. Стенки сооружения вертикальные, пол ровный, материковый. В центре на расстоянии 260 см от северной и в 220 от южной стены обнаружено пятно от столбовой ямы диаметром 40 см, заполненное черноземом. Индивидуальные находки представлены железным пробоем, 3 обломками жерновов

и фрагментов венчика стеклянного сосуда.

Судя по уровню залегания пола, хозяйственные постройки золотоордынского времени из Старого Орхя так же, как и жилища, подразделяются на две группы: наземные и углубленные в землю. К наземным следует отнести сооружения 1, 2 и 10, залегающие на глубине от 20—25 до 60 см. Форма их, как правило, близка к прямоугольнику, ориентировка различная. Площадь достигает от 7 до 36 кв. м. Принимая во внимание материал заполнения, можно предположить, что они имели хозяйственное назначение.

Сооружения 6, 15, 19, 22 углублены на 100—150 см. Их форма также близка к прямоугольнику, ориентировка различна. Площадь достигает 3—20 кв. м. Все они имели хозяйственное назначение.

Тандыры

Тандыры представляют собой углубленные в землю печи, с колоколовидным или цилиндрическим туловом, для выпечки лепешек. Все раскопанные пока тандыры располагались на определенной небольшой территории — только в районе «караван-сарая I», у его юго-восточного (тандыры 1, 2, 3) и северо-восточного (тандыры 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11) углов. Исключение составляет тандыр 8, располагавшийся в сооружении 12, в восточной части города.

Тандыр 1 обнаружен на глубине 65 см от уровня современной дневной поверхности, в 260 см к востоку от южного конца восточной стены караван-сарая I» (рис. 1). Круглый в плане, он представляет собой сооружение в виде ямы грушевидной формы (диаметр 120 см, толщина стенок 5 см). Сохранилась нижняя часть до высоты 65 см. Хорошо сохранившиеся стенки

тандыра были обмазаны слоем керамического теста. В нижней части тандыр расширяется до диаметра 130 см. Под также обмазан слоем глины, от обжига приобрел серовато-пепельный цвет, толщина его 5—10 см. Внутри тандыр заполнял чернозем, перемешанный с обмазкой и золой. Обмазка, видимо, отвалилась от стен и упала сверху. В заполнении найдены крупные камни, два железных гвоздя и фрагмент железного пружинного замка.

Тандыры, как правило, имели трубу-поддувало, которая выводилась на поверхность²⁸. В тандыре 1 труба не обнаружена, зато с северной стороны на уровне дна к нему примыкали два ряда камней: восточный — из трех и западный — из двух. Этот канал из камней длиной 45, шириной 20 см вел от отверстия в стене тандыра на уровне дна и в данном случае, видимо,

заменял трубу-поддувало для создания большей тяги и повышения температуры в печи-тандыре.

Тандыр 2 (рис. 1) обнаружен на глубине 100 см у юго-восточного угла «караван-сарая I», в 250 см от его южной стенки. Он цилиндрической формы с прямыми стенками, выложенными красным кирпичом и обмазанными глиной. Кирпичи длиной 22, толщиной 5 см скреплены глиняным раствором. Слой раствора достигает 2 см, толщина стенки около 10, диаметр тандыра 120 см, глубина пода от современной дневной поверхности 130, толщина 20 см. Под серого цвета, хорошо прожжен.

С юго-западной стороны в основании тандыра сделано отверстие. Оно соединено с дневной поверхностью вытяжным каналом из глиняных труб. Трубы ярко-красного цвета, изготовлены из глины без видимых примесей, хорошо обожжены. Толщина стенок 2, внутренний диаметр 6, длина трубы 45 см. В 12 см от обоих концов трубы имеются небольшие кольцеобразные выступы. Один край прямой, другой — приспособленный для скрепления со следующей трубой — виде раструба. Прямой конец имеет диаметр 8, раструб 12 см. Трубы, как правило, направлены выступом вверх. На глубине 100 см в траншее, в которой были уложены трубы, обнаружен ряд камней, огораживавший трубы с востока. Трубы использовались, как уже отмечалось, для подачи воздуха в тандыр, чтобы поднять в нем температуру. Это подтверждается отсутствием гари на внутренней поверхности труб.

Тандыр 2 был заполнен черноземом сероватого оттенка со значительной примесью золы, костей, керамики и обмазки. Обнаружены 30 фрагментов костей животных, 36 гвоздей, две медные монеты анонимного чекана начала 50-х гг. XIV в.

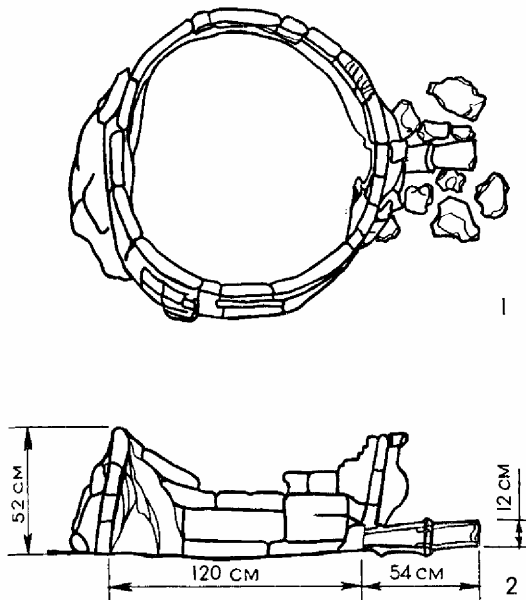
Тандыр 3 обнаружен на глубине 70 см (рис. 1) у юго-восточного угла

«караван-сарая I», примерно в 275 см к северу от сооружения 2 и 250 см к югу от тандыра 1. Это круглая в плане яма, вырытая в материке, с прямыми, отвесными стенками, выложенными кирпичом, обмазанными глиной. Западную часть тандыра 3 перекрывает восточная стенка горна 2 молдавского времени. Во время сооружения последнего была разрушена частично стенка тандыра 3. Кирпич и обмазка горна аналогичны кирпичу и обмазке тандыра 2. Под тандыра серого цвета, хорошо прожжен, толщина его с прожогом 25 см. Диаметр сохранившейся части тандыра 140, толщина стен 5 см. Толщина прожога вокруг стенки тандыра достигает 10—15 см.

С северной стороны в основании стенки тандыра имеется круглое отверстие диаметром 16 см, с которым соединены два звена труб, аналогичных трубам тандыра 2. Высота сохранившейся стенки равна 30 см. В заполнении тандыра 3 найдено железное кольцо из круглой проволоки.

Тандыр 4 (рис. 1) обнаружен недалеко от жилища 9, в 250 см к востоку от стены «караван-сарая I» на глубине 60 см от современной дневной поверхности. Он имел вид круглого кольцеобразного прожога диаметром 90 см. Колоколовидной формы тандыр был врыт в материк. Стены его покрывала трехслойная ленточная обмазка, толщина каждого слоя 5, ширина ленты около 20 см. На некоторых фрагментах лент прослеживаются отпечатки пальцев. Все три слоя обмазки наносились одновременно. Это предположение подтверждается тем, что ширина лент одинаковая и края их совпадают. Под тандыра расположен на глубине 160 см от уровня современной дневной поверхности. Высота стенок тандыра, таким образом, достигала 100 см. Под ровный, хорошо прожжен до темно-красного цвета. Обмазка без видимых примесей. В западной

Рис. 12. Тандыр 9:
1—план, 2—разрез

половине тандыра, в основании стенки расположено круглое отверстие диаметром 10 см для подачи воздуха. Заполнение тандыра составляют чернозем, зола с примесью керамики, гвоздей, костей.

Тандыр 5 (рис. 1) в виде кольцеобразного прожога диаметром 110 см обнаружен в непосредственной близости от тандыра 4, в 220 см к востоку от стены «караван-сарая I» и в 170 см севернее тандыра 4, на глубине 60 см от уровня современной дневной поверхности. По форме и технике исполнения аналогичен тандыру 4. Высота его стен достигает 100 см. Заполнение — чернозем с примесью золы, костей животных.

Между «караван-сараями I и II» на глубине 80 см от современной дневной поверхности обнаружен тандыр 6 (рис. 1). Он представляет собой вырытую в материковом грунте яму усеченно-конической формы с диаметром верхнего основания 105, нижнего — 130 см. Стенки были об-

лицованы глиняными плитками (22×5×3 см), обожженными до ярко-красного цвета. Под, обмазанный, ровный, хорошо прожженный, обнаружен на глубине 190 см от уровня современной дневной поверхности. На высоте 30 см от уровня пода, в северной стене тандыра выявлена труба-поддувало диаметром 20 см. Заполнение тандыра составлял чернозем.

Тандыр 9²⁹ располагался на расстоянии 255 см от северной стены «караван-сарая I» и в 40 см к северо-западу от сооружения 19 (рис. 12). Он выполнен из керамических лент (хорошо подготовленной глины с примесью мелкого песка) толщиной 3—5 см. Верхнее ребро лент оформлено косыми насечками, для лучшего крепления лент между собой. Основа тандыра была каменная, восточная сторона его установлена на камнях и в то же время укреплена ими. Камни (рваный известняк) расположены на участке протяженностью в 120 см. Эта же сторона с внешней части обмазана дополнительным слоем обмазки, толщиной 1,5—3 см, по-видимому, тандыр ремонтировался. С внешней стороны камни покрывал слой обожженной глиняной обмазки толщиной до 5 см. Наличие культурного слоя между обмазкой и камнями позволяет предположить, что это рухнувшая стена тандыра. Он снабжен трубой-поддувалом, наружный конец которого выведен наружу и с обеих сторон укреплен камнями. Западная стена тандыра, в районе трубы, с внешней стороны укреплена кирпичами, скрепленными глиняным раствором. Кирпичи уложены ступенчато, нижний ряд выступает на 1—1,5 см под предыдущим и с соблюдением перевязи. Толщина швов не превышает 0,5 см, ширина кирпичной кладки 55 см, располагалась она по всей высоте стен (на 50 см). С северной стороны кирпичи огорожены четырьмя расположенными вертикально камнями небольших размеров: 15×10×15 см;

15×10×5 см; 25×5×7 см; 15×15×8 см.

Тандыр грушевидной формы сильно скошен к западу, по всей видимости, загрузочное отверстие также было смещено, а не находилось в центральной его части. Высота стен тандыра 60—70, диаметр 120 см, под расположен на глубине 110 см от уровня современной дневной поверхности, толщина в центральной части 10 см, у стен 5—7 см, длина трубы-поддувала 54 см, диаметр 12 см. Тандыр был заполнен черноземом с включениями множества фрагментов керамических лент. На поде зольная прослойка, с наибольшим скоплением у восточной стены. В заполнении найдены сланцевый точильный брусок, железный крюк U-образной формы, выполненный из стержня прямоугольного сечения, фрагмент бронзовой пластинки и медная монета времени правления Кильдибека (1361—1362 гг.).

Тандыр 10 (рис. 1) находился на расстоянии 320 см к северу от стены «караван-сарая I» и в 190 см от тандыра 9. Он в плане круглой формы, диаметром 130 см, тулово цилиндрическое. Стенки тандыра (высота 110 см) вертикальные, обмазаны глиняным раствором толщиной 5—7 см и обожжены. Под также из глины, сильно обожжен, толщина 10 см, расположен на глубине 180 см от уровня современной дневной поверхности. Труба-поддувало была расположена в западной части и состояла из шести колес-секций. Нижний конец трубы находился на 20 см выше пода, верхний — выходил на поверхность под углом, обнаружен на глубине 40 см от уровня современной дневной поверхности. Грунт заполнения тандыра представлял собой чернозем с примесью золы, особенно в нижней части, а также многочисленными фрагментами кирпича.

Тандыр 11 (рис. 1) обнаружен в 10 м к северо-востоку от тандыра 9 на глубине 50 см от уровня современ-

ной дневной поверхности. Он грушевидной формы, врыт в землю на 120—125 см, верхний диаметр — 180, нижний — 230 см. Стенки и под обмазаны толстым слоем хорошо подготовленного глиняного теста с обильной примесью песка и обожжены. Толщина стен 4, толщина пода (в центре) 18, у стенок 8—10 см. Тандыр снабжен трубой-поддувалом. Нижняя часть трубы-поддувала расположена на высоте 8 см от дна, диаметр трубы 10, длина — 35 см. Грунт заполнения — чернозем с примесью большого количества фрагментов обожженной глиняной обмазки, костей животных.

Все тандыры врыты в материк, их стенки или выкладывались кирпичом, или же состояли из глиняных обмазанных лент. У всех тандыров на уровне дна обязательно присутствовала глиняная труба-поддувало для поступления воздуха, чтобы поднять температуру в тандыре. Тандыры имели различную форму: колоколовидную, цилиндрическую, грушевидную, усеченно-коническую. Назначение тандыров из Старого Орхея чисто бытовое, они служили для выпечки лепешек и приготовления пищи. В Днестровско-Прутском междуречье тандыры известны в жилищах на поселениях золотоордынского времени Костешты³⁰ и Белгород-Днестровский³¹, за пределами Днестровско-Прутского междуречья — в Закавказье³², Поволжье³³, Средней Азии³⁴ и Иране³⁵, где они использовались как печи для варки пищи, выпечки лепешек и отопления жилых сооружений.

Л. Л. Полевой, исследовавший гончарный район на поселении Костешты, считает, что тандыры использовались также в гончарных мастерских в качестве керамических обжигательных печей³⁶. Материал, найденный в староорхейских тандырах и близ них, не позволяет нам отнести тандыры к разряду ремесленных сооружений, т. е. к керамическим обжигательным

печам. В Старом Орхее все тандыры найдены вне жилищ, поэтому в них следует видеть скорее всего внешние отопительные сооружения типа более поздних молдавских внешних печей,

в которых выпекался хлеб и приготавливалась пища. Тандыры так же, как и каны, являются «типично среднеазиатским изобретением», известным еще с бронзового века³⁷.

Печи

Печь 5 находилась на расстоянии 1200 см к востоку от северо-западного угла и в 660 см к северу от северной стены «караван-сарая I» (рис. 1), на глубине приблизительно 35 см от уровня современной дневной поверхности. Это овальная яма, ориентированная длинной осью в направлении север—юг. Размер печи по линии север—юг — 230, восток—запад — 80 см. Котлован был обмазан глиной и хорошо прожжен, в обмазке видимых примесей не обнаружено. Толщина стенок не превышала 2—3 см, пода — 4 см. Высота сохранившихся стенок пода достигала 20 см, выявлен он на глубине 55 см от уровня современной дневной поверхности.

Печь 6 обнаружена в 100 см к востоку от печи 5, на глубине 35 см от современной поверхности земли (рис. 1). Корпус опущен на 55 см от уровня современной дневной поверхности, он имел очертания вытянутого овала, слегка расширяющегося в южной части. Под печи ровный, стенки прямые, отвесные, обмазаны глиной и хорошо прожжены, в обмазке видимых примесей не обнаружено. Толщина обмазки стенок не превышает 3 см, под прожжен на 5 см. Длина печи составляет 230, ширина 80—100 см, сохранившаяся высота стен 20 см.

Печь 8 располагалась в 13 м 50 см к западу от жилища 13. Контур выявлен на глубине 40 см от современной дневной поверхности. Она круглой формы, устьем обращена на север, диаметр 110 см. Под толщиной 2—4 см располагался на глубине 60 см от уровня современной дневной по-

верхности. При расчистке печи обнаружено большое количество бронзовых отходов, горелых и кальцинированных костей.

Печь 11 выявлена на глубине 40 см. После расчистки стало видно, что северная и западная стенки свода сложены из камней, а южная глиняная. В плане печь овальной формы (120×90 см). Устье обращено на юго-восток, размеры пода 100×70, толщина стенки 15, высота остатков свода 17 см. Стенка хорошо обожжена на всю толщину. Задняя, западная стенка печи образована большим известняковым камнем в форме параллелепипеда длиной 60, шириной 20, высотой 20 см. Камень сильно обожжен. Северная стенка сложена из мелких известняковых рваных камней от 3×5×7 до 7×15×25 см. Как и в западной стене, камни сильно пережжены. Под печи состоит из глины с примесью песка. Толщина обмазки достигает 5 см, обожжена на всю глубину, а материковая глина под ним — на глубину 12 см.

За западной стенкой печи найдены две столбовые ямы (1 и 2). Яма 1 находится на расстоянии 5 см к северу от северо-западного угла печи. В плане она круглой формы, диаметр 17 см, расстояние до дна от современной дневной поверхности 75 см, в материк яма углублена на 35 см. Заполнял яму чернозем, в котором обнаружен один обломок золотоордынской керамики. Яма 2 находится на расстоянии 47 см от средней части западной стенки печи. В плане яма круглая, диаметр ее 22 см, глубина от современной дневной поверхности

80, в материковой глине — 40 см. Вероятнее всего это ямы от столбов, поддерживавших навес над печью открытого типа. Печь заполнял чернозем.

Печь 23 обнаружена в северной части городища, на шелковичной плантации. На глубине 40 см от уровня современной дневной поверхности появился контур печи в виде кольцеобразного прожога диаметром не более 100 см. Печь сохранилась очень плохо. В плане она округлой формы, диаметром приблизительно 90—100 см, стенки толщиной 5 см слегка вогнуты, сохранились до высоты 30 см. Под черновой, толщина его 8 см. Заполнение печи — плотный чернозем, небольшой фрагмент поливного кирпича.

Печь 25 вырыта на том же участ-

ке, что и печь 23, на глубине 30 см от современной дневной поверхности. Овальной в плане формы, она ориентирована длинной осью на север—юг. Печь очень плохо сохранилась, размеры ее были 120×180 см, высота стен 10—20 см. Под сильно смещен к югу, толщина его 5,5—6 см.

Печи, описанные выше, все глинобитные, в основном располагались за пределами жилых сооружений. Форма их могла быть различной: овальной, круглой и, реже, прямоугольной. У круглых печей четко выражено устье. Ориентировка различна. По назначению все печи в основном бытового характера, служили для приготовления пищи в летнее время. Подобного рода печи известны и в последующий молдавский период XV—XVII вв.³⁸

Цистерны-колодцы

Яма-колодец 32 прослежена на глубине 70 см от современного уровня земли после расчистки скопления обожженной глиняной обмазки в 40 см к северу от северной стены жилища 15. Она имела форму овала и ориентирована длинной осью в направлении восток—запад. Очертаниями котлован ямы 32 напоминал перевернутый усеченный конус с ровными стенками, сужающимися ко дну (верх 360×280, дно 240×150 см). Дно ямы расположено на глубине 330 см от уровня современной дневной поверхности.

Как уже отмечалось выше, верхняя часть ямы 32 до глубины 200 см от современной дневной поверхности была использована под котлован жилища 15 А. На глубине примерно 210—220 см по периметру ямы прослежены куски обгорелого дерева и следы древесного тлена. Под слоем глиняной подсыпки продолжался культурный слой, который на уровне 250—

320 см от современной дневной поверхности представлял собой интенсивный чернозем с обильными включениями фрагментов керамики, костей животных, древесного угля, гвоздей. Далее в заполнении обнаружен суглинок, смешанный с золой и древесными угольками и незначительным количеством фрагментов керамики. На дне ямы выявлены три обгорелые плахи. Стратиграфические наблюдения позволили выделить в заполнении ямы 32 два горизонта. Первоначально яма использовалась в качестве цистерны для воды, о чем свидетельствуют форма, глубина, а также деревянная обшивка мощными плахами, толщиной до 10 см. В дальнейшем она служила как хозяйственная яма. Второй, верхний горизонт составляли культурные остатки жилища 15 А.

Яма-колодец 33 прорезает восточную часть трипольской землянки (жилище 20). Выборка заполнения ямы производилась только до уровня пола

трипольской землянки, до 120 см. В плане яма имеет овальную форму (340×305 см), длинной осью ориентирована с юго-востока на северо-запад. Заполнял яму чернозем, смешанный с небольшим количеством глины, золы и угольков. Здесь найдены обломок железной дверной задвижки, изготовленной из прямоугольной пластинки, обломок железного ножа, пряслице, изготовленное из стенки сосуда.

Яма-колодец 26 (рис. 9) располагалась в центральной части более позднего жилища 16. Контуры ее проступили на глубине 140—165 см от уровня современной дневной поверхности в виде пятна овальной формы, размером 360×240 см, длинной осью ориентированного по линии север—юг. Грунт заполнения пятна — чернозем. Колодец углублен в материковый грунт на 235—260 см и на 400 см от современного уровня земли. Стенки ровные, сужающиеся ко дну. Дно ровное, горизонтальное, нижний диаметр колодца 300×210 см. По всем признакам это — остатки цистерны-колодца золотоордынского времени, засыпанного во время сооружения молдавского жилища 16.

Яма-колодец 98 располагалась на расстоянии 800 см к западу от жилища 15. Контуры ямы в виде пятна круглой формы диаметром 220 см были обнаружены на глубине 60 см. Котлован цилиндрической формы, углублен в материковый грунт на 410 см и на 475 см от уровня современной дневной поверхности, нижний диаметр 180 см, стенки отвесные, дно ровное. На 215 см яму заполнял чернозем с включениями фрагментов керамики, костей животных, до 415 см — суглинок светло-желтого цвета с включениями фрагментов керамики, костей животных.

Колодцы-хранилища в рассматриваемое время встречались не только в усадьбах ремесленников (24, 30, 37), которым для работы необходим был запас воды поблизости, но также

вблизи рядовых жилищ для обеспечения горожан водой. Так, колодец 33 располагался рядом с жилищем 19, а колодец 98 — близ жилища 15.

Ямы

Часть ям была описана выше при характеристике усадеб жилищ-мастерских, а описание 10 ям дается ниже.

Яма 3 обнаружена на глубине 80 см, в 75 см к западу от каменной стены «караван-сарая I» (рис. 1). Устье ее имеет форму круга диаметром 100 см. Яма грушевидной формы. Глубина ямы от современной дневной поверхности равна 255, а в материке 175 см. Наибольший диаметр падает на нижнюю четверть ямы (200 см). Высота устья 40 см. Дно ямы ровное, закругленное по краям, диаметр дна 135 см. В заполнении кроме керамики найдены следующие предметы: обломок позолоченного украшения с разноцветной эмалью, железная трубка, железное кольцо, фрагменты мраморных плиток, сфероконуса, чугунного котла и гвозди.

Яма 17 обнаружена перед северной стеной «караван-сарая I», на глубине 80 см от уровня дневной поверхности в виде темного пятна длинной вытянутой формы, ориентированного с востока на запад (рис. 1). Размеры пятна в направлении восток—запад 1600 см, север—юг 140 см. Котлован ямы 17 имел очертания траншеи, его западная граница расположена в 360 см от северо-западного угла «караван-сарая I», южная тянулась параллельно северной стене на расстоянии от нее 390—420 см. Стенки котлована прямые, отвесные, дно неровное. Самая нижняя отметка приходится на глубину 240 см от уровня современной дневной поверхности. Таким образом, сохранившаяся в материковом слое высота стен ямы достигала 140—160 см. По имеющимся данным судить о назначении ямы очень трудно. Заполнение ямы 17 представляло собой чернозем с при-

месью золы и камней, обнаружены также керамический материал, железный плужный лемех, железная кошка, железная скоба, фрагмент топора, обработанная кость, керамическое пряслище, фрагмент серпа, фрагмент скобеля и три медные монеты середины XIV в., времени правления Джанибека.

Яма 35 выявлена в 800 см к юго-востоку от жилища 15 на глубине 40 см от уровня современной дневной поверхности по скоплению фрагментов обожженной глиняной обмазки преимущественно слабого и среднего обжига. В толще обмазки прослеживались отпечатки примеси растительного характера. Фрагменты обмазки довольно крупных размеров: 18×15×6 см, 16×12×6 см. Котлован ямы ориентирован в направлении север—юг. Он имел в плане очертания прямоугольника со скругленными углами (размеры: север—юг 220, восток—запад 150 см). Стены котлована ровные, вогнуты к осевой линии, по восточной стене на протяжении 100 см сохранилась обожженная обмазка, толщина которой достигала 8 см. Полукруглое дно ямы заглублено на 100 см от уровня современной дневной поверхности. Заполнение представляло собой скопление фрагментов глиняной обмазки с большим количеством костей домашних животных, поливной и штампованной керамики, медной золотоордынской монеты середины XIV в. и нескольких индивидуальных находок: фрагменты железного ножа, шарнирных ножниц, железного подсвечника.

Контуры ямы 49, расположенной в 450 см к северо-востоку от жилища 28, проступили на глубине 60 см от уровня современной дневной поверхности в виде пятна овальной формы (185×155 см), ориентированного на запад—восток. Котлован цилиндрической формы углублен в материковый грунт на 190 см от современного уровня земли. Стенки отвесные, дно материковое, ровное. Грунт заполнения

пятна — чернозем. На глубине 140 см в яме расчищены три скелета человека. Первый лежал в положении: ноги согнуты в коленях, левая рука вдоль туловища, правая — оказалась отброшенной далеко в сторону. Череп повернут лицевой стороной вниз. Ориентирован костяк головой на запад. Второй скелет найден на глубине 145 см от уровня современной дневной поверхности. Он лежал на левом боку, ноги согнуты в коленях так, что приходились над уровнем первого костяка. Положение рук проследить не удалось. Ориентирован скелет головой на юго-восток. Третий костяк обнаружен на глубине 143 см от уровня современной дневной поверхности. Скелет лежал на правом боку, ноги согнуты в коленях, руки расположены у ног, ориентирован головой на север. Поскольку дно ямы находилось на глубине 190 см, можно предполагать, что это не погребальная яма, скелеты попали в уже частично засыпанную яму.

Яма 53 находилась в 800 см к югу от жилища 28 и в 14 м к востоку от сооружения 15. Контуры появились на глубине 60 см от уровня современной дневной поверхности. Яма круглая в плане (верхний диаметр 150 см), углублена в материковый грунт на 120 см от современного уровня земли. Тулово ямы колоколовидной формы, диаметр нижней части 190 см, дно материковое, ровное. На дне выявлены камни и расчлененный скелет человека, кости рук, ног, таза были разбросаны в беспорядке.

Яма 59 круглая в плане (диаметр 180 см), выявлена в 26—50 см к северо-западу от жилища 26, на глубине 60 см от уровня современной дневной поверхности. Цилиндрический котлован углублен в материк на 110 см и на 170 см от уровня современной дневной поверхности, стенки ровные, отвесные, дно горизонтальное. Заполнение ямы состояло из чернозема, с вкраплениями частиц древесного угля.

На глубине 110 см был обнаружен скелет человека (положен на правый бок), ориентированный головой на запад. Ноги располагались под углом к туловищу, положение рук проследить не удалось из-за отсутствия плечевых костей, лопаток, ключиц. Яма 59 также не является погребальной ямой, скелет был сброшен в яму, уже частично засыпанную (костяк обнаружен на глубине 110 см, в то время как дно ямы — на глубине 170 см от современной поверхности). В заполнении ямы найдено несколько фрагментов керамики.

Яма 60 находилась в 100 см к юго-востоку от жилища 28 и в 100 см к западу от ямы 53. Контуры появились на глубине 60—80 см от современной дневной поверхности в виде пятна восьмеркообразной формы. Размеры пятна по линии запад—восток 200—260, север—юг 460 см. Ориентировано пятно в направлении север—юг. Яма углублена в материк на 200—360 см от уровня современной дневной поверхности. Дно овальной формы (110×100 см), в северной части ямы дно проходит горизонтальной площадкой на глубине 220 см, у середины ямы дно резко опускается вниз, достигая, таким образом, глубины 320 см. В южной части дно вогнуто к осевой линии; стены вертикальные, ровные. Грунт заполнения — крупнозернистый чернозем.

На глубине 190 см от уровня современной дневной поверхности в яме 60 обнаружено погребение. Погребенный лежал на спине, головой на запад, ноги вытянуты, руки согнуты в локтях, кисти покоились в поясничной области позвоночника. Длина костяка 200 см. В заполнении найдена золотоордынская монета XIV в.

Яма 89 располагалась в восточной части раскопа XII на расстоянии 560 см от северной стены «караван-сарая I» и в 610 см к юго-востоку от ямы 88 (размеры пятна 200×145 см). Котлован в форме перевернутого усе-

ченного конуса углублен в материк на 90 см и на 150 см от уровня современной дневной поверхности, стенки покатые, дно материковое, ровное (диаметр 110 см). Грунт заполнения представлял собой обожженную землю с обильным присутствием кирпичного боя (49 фрагментов), 30 из них от поливного кирпича. Фрагменты кирпичей в сечении прямоугольной формы, сформованы из глиняного, хорошо подготовленного теста с обильной примесью мелкого песка, толщина не превышала 3 см, одна из сторон была покрыта бирюзовой или голубой глазурью.

Яма 95 круглой формы (диаметр 80 см), расположена непосредственно у стены «караван-сарая I» и в 400 см к юго-востоку от ямы 93. Контуры выявлены на глубине 80 см от современной дневной поверхности. Котлован колоколовидной формы, углублен в материковый грунт на 85 см и на 165 см от уровня дневной поверхности. По всей глубине яма была забита костями животных и фрагментами посуды золотоордынского времени. Удалось реставрировать более 35 мисок, несколько тарелок, маркотцев.

Миски красного цвета, неполивные, хорошего обжига. Сформованы на гончарном круге. Усеченно-конический корпус установлен на кольцевом поддоне, бортик прямой, вертикальный, закраина утолщена с внешней стороны и отогнута наружу. На некоторых мисках по линии перехода от бортика к корпусу, а также на поддоне видны следы подточки. Тарелки также красного цвета, неполивные. Сформованы на гончарном круге. Мелкий, сужающийся корпус тарелки установлен на кольцевом поддоне. Корпус тарелки обрамлен широким горизонтальным бортиком, закраина бортика чуть вытянута вверх.

Среди множества костей выявлены трубчатые и пластинчатые кости со следами обработки (6 штук). Найде-

ны фрагмент бронзовой пластинки и фрагмент черенкового ножа.

Среди сооружений Старого Орхея золотоордынского времени в наибольшем количестве представлены ямы. По форме они делятся на несколько групп:

грушевидные (2 ямы общей глубиной от 175 до 280 см от современной дневной поверхности);

цилиндрические (25 ям, глубиной от 100 до 320 см). Две из них (33,98) достигали глубины 475 см и представляли собой цистерны-колодцы для хранения воды;

усеченно-конические (11 ям, глубиной до 105—320 см), среди них два

колодца (ямы, 30, 37) глубиной до 450—470 см;

колоколовидные (5 ям, глубиной до 120—290 см);

чашевидная (1 яма);

траншееобразная (1 яма);

неопределенного сечения (4 ямы).

Таким образом, за время раскопок (с 1968 по 1974 г.) в Старом Орхее открыто 97 различных сооружений золотоордынского времени, среди которых 17 жилищ (4 жилища-мастерские), 4 сооружения производственного характера, 6 — хозяйственно-бытового, 11 тандыров, 5 внешних печей и 54 ямы различного назначения.

Полученный материал представляет

собой основной и, пожалуй, единственный исторический источник для изучения важных вопросов истории золотоордынского города XIV в.

на территории Молдавии, таких, как типология жилищ, уровень ремесленного производства, характер хозяйства и быта,

а также уровня развития материальной культуры

городского населения Молдавии в эпоху

золотоордынского господства.

2. ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА

Керамический материал городища Старый Орхей обнаружен, главным образом, в закрытых комплексах (жилищах, сооружениях, ямах, тандырах и т. д.), четко датированных медными и серебряными монетами 40—60-х гг. XIV в. К этим находкам может быть присоединен материал и из культурного слоя, который также, без сомнения, относится к XIV в., т. е. к золотоордынскому времени.

Поселения, возникшие на территории Днестровско-Прутского междуречья, в отличие от городов Крыма, Средней Азии, Волжской Булгарии, где ремесленное производство развилось в более раннее время, не имели традиций в поливной керамике, поэтому здесь особенно сильно проявились различные культурные влияния, выявить которые возможно лишь при подробнейшем анализе форм посуды, орнаментальных мотивов, способов и принципов орнаментации.

Основываясь на подробной классификации поливной керамики, попытаемся определить уровень развития ремесленного производства в Старом Орхее, установить культурные связи города с другими центрами Золотой Орды, а также выяснить, в результате какого культурного влияния складывался данный элемент материальной культуры золотоордынского городища Днестровско-Прутского междуречья.

Изучение поливной красноглиняной керамики Днестровско-Прутского междуречья нашло свое отражение в молдавской археологической литературе. Исследована, главным образом, керамика из раскопок поселения золотоордынского времени у с. Костешты (Кутузовского района МССР). Впервые в общих чертах она была

описана Э. А. Рикманом¹, который выделил несколько форм посуды (миски и тарелки на кольцевом поддоне, горшки) и отметил, что эти изделия украшались геометрическим и растительным орнаментом, покрывались поливой зеленого, желтого, коричневого и синего цвета. Э. А. Рикман первым поставил вопрос о связях поливной костештской керамики с керамикой Крыма и Закавказья.

В статье Л. Л. Полевого и И. А. Рафаловича² поливная керамика отнесена к четвертой группе, для которой характерна формовка на усовершенствованном быстром круге. По мнению авторов, основными формами являются большие и маленькие миски на кольцевом поддоне, которые обычно покрывались поливой по ангобу и часто орнаментировались как с внутренней, так и с наружной стороны. Орнамент исполнялся в прорезной и выемчатой технике, представляя собой различные комбинации геометрических и растительных мотивов. В статье отмечается, что костештскими мастерами применялась зеленая, голубая, желтая и коричневая поливы, изготовлялась как монохромная, так и полихромная посуда. Авторы указывают, что подобная керамика найдена только в городских центрах XIV в. Днестровско-Прутского меж-

дуречья и поэтому является собственно городской керамикой, приводят аналогии формам, технике и орнаментальным мотивам посуды из других средневековых памятников.

Основное внимание поливной красноглиняной керамике уделено в монографии Л. Л. Полевого³. При классификации костештской поливной керамики автор в одном случае исходил из принципа орнаментации (при описании мисок, чаш, тарелок), в другом — выделения типов посуды (кувшины). Форма таких изделий, как миски и тарелки, автором не описана. Л. Л. Полевой разделяет поливную красноглиняную керамику на пять больших групп:

- 1) покрытую только поливой;
- 2) с орнаментом в технике граффито и с поливой;
- 3) полихромную, украшенную помимо граффито росписью подглазурными красками;
- 4) полихромную керамику с росписью подглазурными красками;
- 5) с орнаментом, выполненным в выемчатой технике.

Керамика первой группы объединяет самые массовые изделия: тарелки, кувшины с носиком, чашки и др., покрытые по ангобрированной поверхности прозрачной поливой зеленого цвета, реже желтого, часть изделий украшалась голубой поливой. К этой же группе отнесены и миски, однако автор отмечает, что «...существенным их отличием является декор поливой различного цвета, орнаментом граффито, подглазурной росписью»⁴.

Наиболее распространенной группой поливной керамики, по мнению Л. Л. Полевого, является керамика второй группы, орнаментированная в технике граффито. Украшалась, главным образом, столовая посуда (миски, чашки, тарелки и кувшины), которая покрывалась зеленой, оливково-зеленой, желтой, иногда голубой поливой. Миски украшались или концентрическими линиями на дне или

сложным рисунком, покрывающим как всю внутреннюю поверхность, так и наружную сторону бортика. Наиболее распространенным в декоре этого типа посуды был стилизованный растительный орнамент, сочетавшийся с геометрическим: цветочный, древесный, лоза винограда, прямые и спиральные линии, сетки и т. д. Применялась радиальная композиция орнамента, а также свободное нанесение рисунка на внутреннюю поверхность изделий. Несколько беднее украшались тарелки: их покрывали преимущественно зеленой и желтой поливой. По строению орнамента они разделены автором на две группы: тарелки с орнаментом, нанесенным только по бортику, и тарелки, орнаментированные полностью. В то же время указана еще одна группа, при описании которой приводится оригинальный орнаментальный мотив, созданный костештскими мастерами, представляющий собой «пирамидки, составленные из полосок».

С подобной классификацией трудно согласиться, так как поливную керамику Л. Л. Полевой изучал не по целым формам посуды, а в основном по небольшим фрагментам, что не позволяет в должной мере охарактеризовать тот или иной орнаментальный мотив или же принцип его нанесения, тем более, что в одном случае в основу классификации положен принцип строения орнамента, в другом — разбираются его детали. Тем более, приводимые автором иллюстрации⁵ подтверждают, что кроме бортиков украшалась и остальная, внутренняя часть посуды, не рассмотренная из-за фрагментарности.

При перечислении форм посуды, относящихся ко второй группе, Л. Л. Полевой упоминает и чашки, однако, анализируя декоративные приемы, он по неизвестной причине не принял их во внимание. При характеристике кувшинов указано, что они покрывались орнаментом в виде

произвольно скрещивающихся линий, расположенных попарно, или же рисунком из стилизованных цветов и растительными плетенками, выполненными в технике граффито.

Следующей группой керамики, выделенной Л. Л. Полевым, является полихромная керамика, украшенная помимо граффито росписью подглазурными красками и покрытая бесцветной или слабо окрашенной поливой. Формы посуды те же, что и в предыдущих группах: миски, тарелки. Как указывает автор, миски орнаментировали или по наружной поверхности бортика, оставляя всю внутреннюю часть изделия свободной, или же наоборот: орнамент наносили на внутреннее поле корпуса посуды. Подцветка производилась мазками зеленой, желтой и коричнево-фиолетовой красок, не сочетавшихся с основным узором.

Трудно представить композиции орнаментальных мотивов, использованных при украшении тарелок, однако автор отмечает, что некоторые фрагменты были украшены кружками, соединенными кривыми линиями, и подцветены зелеными и коричнево-фиолетовыми пятнами и полосами.

Полихромная керамика с росписью подглазурными красками и керамика с орнаментом, выполненным в выемчатой технике, выделена и охарактеризована автором на основании незначительного числа фрагментов посуды, поэтому подробно на их описании останавливаться не будем. Однако следует указать, что при росписи изделий применялась зеленая и коричневая полива, а посуда, украшенная орнаментом, выполненным в выемчатой технике, покрывалась желтой и зеленой поливой.

К сожалению, положив в основу классификации лишь декор, автор не уделил должного внимания поливе, которая, несомненно, играет не последнюю роль в художественном оформлении керамической посуды. В

работе не представлено четко, какой цвет поливы преобладал, с каким приемом орнаментации он чаще всего сочетался и т. д. Тем не менее, монография Л. Л. Полевого является очень важной, так как в ней впервые сделана попытка классификации поливной красноглиняной керамики одного из городов золотоордынского времени в Днестровско-Прутском междуречье.

Поливная керамика Старого Орхоя специально не изучалась. В работе Г. Д. Смирнова⁶, посвященной краткой истории Старого Орхоя, описанию крупнейших монументальных, жилых и производственных сооружений, открытых на территории города, имеется и краткое упоминание о керамике. Г. Д. Смирнов указывает, что в XIV в. в Молдавии сформировались два основных типа керамики: красноглиняная керамика без поливы и поливная керамика, одноцветная и многоцветная⁷. Перечисляя ассортимент поливной посуды (кувшины, рукояники, миски), автор отмечает преобладание мисок. Посуда покрывалась желтой, коричневой, зеленой и белой поливой, которая наносилась непосредственно на ангоб. Орнамент выполнялся гравировкой или же гравировкой в сочетании с росписью. В статье дано общее описание поливной керамики без четкого объяснения, что положено в основу классификации: форма посуды, цвет поливы или же способ нанесения орнамента в сочетании с цветом поливы и формой посуды. Говоря о цвете полив, автор наряду с желтой, коричневой и зеленой называет и белую, однако не уточняет, прозрачную бесцветную, нанесенную на ангоб, или же белую упаковую. При описании росписи керамических изделий Г. Д. Смирнов не указывает, каким цветом глазури она производилась, была подглазурная или же надглазурная, сочеталась или нет с гравировочным орнаментом.

В 1973 г. вышла статья П. П. Бырни и Т. А. Щербаковой⁸, посвященная итогам археологических исследований в Старом Орхее, в которой поливная керамика рассматривается в связи с описанием заполнения жилых и хозяйственных сооружений. Описывая поливную красноглиняную посуду, авторы указывают, что она изготовлялась из хорошо подготовленного теста с примесью мелкого песка на гончарном круге, покрывалась зеленой и желтой поливой, орнамент был выполнен в выемчатой технике. Наряду с красноглиняной поливной керамикой впервые рассматривалась посуда из кашинного теста, классифицированная авторами как посуда с подглазурной росписью и бесцветной поливой. Дается подробное описание пиалообразных чаш, приводятся аналогии. Следует отметить, что авторы допустили неточность, отнеся описанную ими кашинную керамику к одной группе, а именно: к группе изделий, украшенных подглазурной росписью. Несомненно, обе чаши относятся к группе кашинной керамики с бесцветной поливой, однако орнамент одной из чаш, выполненный рельефом, позволяет отнести ее к группе кашинной керамики с подглазурной полихромной росписью и рельефом, а вторую — к другой, четко выделяющейся группе — с подглазурной полихромной росписью без рельефа.

В ряде других работ⁹ красноглиняная и кашинная посуда упоминается лишь в связи с характеристикой различного рода сооружений.

Отдельно кашинной керамике Старого Орхее посвящена заметка тезисного характера П. П. Бырни и Е. Н. Абызовой, в которой авторы предлагают предварительную краткую классификацию посуды, перечисляя лишь основные группы, типы, варианты¹⁰.

Таким образом, анализ археологической литературы по этому вопросу

показал, что изучалась, главным образом, поливная посуда из Костешт. Интереснейшая и богатая коллекция художественной керамики золотоордынского времени, собранная на городище Старый Орхей, пока не получила освещения в литературе.

Поливная красноглиняная керамика найдена в заполнении всех без исключения сооружений, открытых в течение многолетних археологических исследований в центральной, северной и северо-восточной частях городища, и составляет около 87,5% от общего количества поливной посуды. Изделия из кашина, наоборот, встречаются значительно реже. Так, из 97 исследованных объектов, относящихся к XIV в., в число которых входят жилые, хозяйственные и ремесленные постройки, кашинная керамика найдена лишь в ювелирной мастерской, в жилище 15 А, 24, сооружениях 12, 22 и ямах 25, 32, 38, 66, 98, 99.

Высокое качество теста, оригинальность и разнообразие форм, сложность художественного оформления изделий, а также то, что они редко встречаются в комплексах, позволяют предположить, что кашинная посуда могла быть в обиходе лишь у зажиточных людей, в отличие от красноглиняной, которой пользовались широкие слои населения.

Вся имеющаяся в нашем распоряжении поливная посуда изготовлена из двух разновидностей материала, от которого зависит состав и цвет поливы, а также способ орнаментации керамических изделий. Виды выделяются по форме корпуса; вариант — по форме венчика керамических изделий; отделы — по составу глазури (свинцовые и бессвинцовые); подотделы — по прозрачности или непрозрачности полив. Внутри подотделов керамика подразделяется на группы по цвету поливы, а группы, в свою очередь, делятся на типы по применению той или иной техники орнаментации¹¹.

КРАСНОГЛИНЯНАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА

По форме посуда из этого материала представлена несколькими одновременно бытовавшими формами: мисками, чашами, чашками, тарелками, блюдами, вазами, горшками, детскими горшочками, кувшинами, маркотцами.

Тесто этого вида поливной посуды хорошей подготовки со значительной примесью мелкого песка и включениями известняковой крошки. Иногда песок прослеживается в виде хорошо заметных зерен. Обжиг сквозной, равномерный, цвет черепка преимущественно кирпично-красный, но встречаются и более светлые оттенки.

Чаще встречаются *миски* с вертикальным бортиком и низким кольцевым поддоном; со стенками, имеющими слегка выпуклый профиль. В большинстве случаев миски небольших размеров, диаметр венчика 15—19 см, высота мисок 7,6—10 см, диаметр кольцевого поддона 6,4—7,4 см, но иногда встречаются миски, диаметр которых достигает 25 см.

У мисок из Старого Орхя венчик оформлен по-разному. Удалось выявить следующие варианты: 1) край венчика не выделен, плавно закруглен, по толщине равен бортику и стенкам миски; 2) край венчика утончен за счет вытягивания бортика; 3) венчик отогнут наружу, внутренняя часть его оформлена в виде косо срезанной площадки. Подобная форма посуды была широко распространена в эпоху средневековья, она встречается в поливной керамике Византии¹², Нижнего Подунавья¹³, Крыма¹⁴, Закавказья¹⁵.

Сравнительно редкими находками являются *чаши*. Корпус их полусферической формы заканчивается кольцевым поддоном (диаметром 6,5—7,2 см). Диаметр венчика 18,6—19,1, высота чаш 9,2—9,8 см. Венчики представлены различными вариантами: 1) венчик прямой, плавно закруглен; 2) венчик слегка отогнут наружу, край несколько утончен; 3) верхний

край венчика тонкий, оформлен фестонами. Чаши с венчиками 1-го, 2-го, 3-го вариантов известны в поливной керамике Крыма¹⁶, Закавказья¹⁷, Нижнего Поволжья¹⁸, встречены они также и в Костештах¹⁹.

Чашки представлены несколькими фрагментами кольцевых поддонов и целыми формами. Они отличаются от чаш размерами и иногда формой.

Вид 1. Миниатюрная чашка полусферической формы заканчивается кольцевым поддоном. Венчик не выделен, верхний край его плавно закруглен (рис. 13).

Вид 2. Корпус чашки усеченно-конической формы на кольцевом поддоне. Высокий бортик слегка отклонен наружу, венчик не выражен. Диаметр чашек 10—11, высота 5, диаметр поддона 3,5—4,4 см (рис. 14).

Среди находок последних лет есть несколько *блюд*. По форме корпуса и венчика они подразделяются на несколько видов и вариантов.

Вид 1. Блюдо с полусферическим корпусом и едва выделенным горизонтальным венчиком, плавно закругленным по внешнему краю. Кольцевой поддон низкий, четко отделен от корпуса. Диаметр блюда 25, высота 8, диаметр кольцевого поддона 7 см. По форме оно близко к византийским блюдам²⁰.

Вид 2. Стенки этого блюда имеют слегка выпуклый профиль. Низкий, очень слабо выраженный бортик заканчивается косо срезанным венчиком. Кольцевой поддон низкий, широкий. Диаметр блюда 12,7, высота 7,7, диаметр кольцевого поддона 7,7 см. Близкие по форме изделия известны среди позднесредневековой поливной керамики Армении²¹.

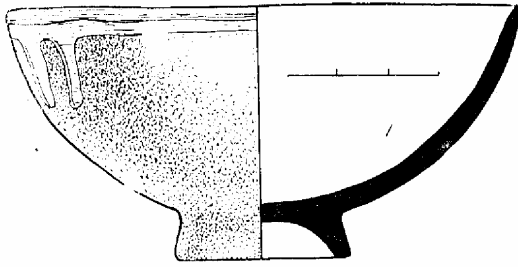

Рис. 13. Полусферическая чашка с желтой поливкой по ангобной подгрунтовке

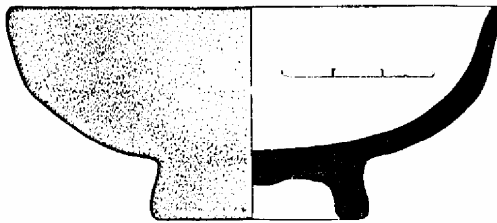

Рис. 14. Красноглиняная чашка, покрытая желтой поливкой

Поливные тарелки в Старом Орхее представлены значительным числом фрагментов и несколькими целыми формами. От предыдущих типов посуды они отличаются наличием широкого горизонтального венчика. По профилю стенок корпуса тарелки делятся на два вида:

Вид 1. Тарелки с выпуклыми стенками.

Вид 2. Тарелки со стенками прямого профиля. Диаметр варьирует от 26,4 до 30,4, высота от 6,5 до 8,5 см. Все они заканчиваются низким, широким кольцевым поддоном диаметром 6,5—8,7 см. Аналогичные виды посуды встречаются среди поливной посуды Днестровско-Прутского междуречья (Костешты)²², Крыма²³, Закавказья²⁴, Поволжья²⁵. Следует отметить, что тарелки отличаются не только по строению корпуса изделия, но и по форме венчиков, среди них выделено несколько вариантов: 1) широкий горизонтальный венчик со срезаемым вертикально краем; 2) венчик по внешнему краю плавно закруг-

лен, в месте перехода в стенки корпуса ограничен небольшим валиком; 3) венчик хорошо профилирован, углубленная часть окаймлена с обеих сторон небольшими валиками и напоминает рельсовидные венчики византийских блюд²⁶.

Вазы на городище Старый Орхей найдены впервые и представлены одной целой формой. Это широкогорлый сосуд с прямым вертикальным бортиком, переходящим резко в биконический корпус. По плечикам ваза была украшена налестками, следы от которых четко видны. Диаметр вазы 28,3, высота 17,2, диаметр кольцевого поддона 10, высота поддона 1,5 см. Прямых аналогий этой форме пока не найдено, но близкие изделия известны среди поливной посуды Поволжья²⁷.

Детские горшочки на городище Старый Орхей являются довольно частой находкой. Корпус их усеченно-конической формы (наибольший диаметр приходится на верхнюю треть сосудов) плавно переходит в плоское дно. Четко выраженная шейка отделяет широкий, горизонтально отогнутый венчик. Диаметр его 14,5—15 см, высота горшков колеблется в пределах 14—17,5 см, диаметр дна 6,5—7 см. Детские горшочки хорошо известны в керамике домонгольского слоя городища Сувар²⁸, в керамике Костешты²⁹, Саркела-Белой Вежи³⁰, золотоордынского Поволжья³¹, Средней Азии³², Закавказья³³.

Кувшины как образцы поливной посуды Старого Орхее представлены тремя видами:

Вид 1. Изящный и стройный сосуд с колоколообразно расширяющимся кверху горлом. Биконический корпус, плавно сужаясь, переходит в кольцевой поддон. Овальная в сечении ручка верхним концом прикреплена у основания горла, нижним — в месте наибольшего диаметра кор-

пуса. Горло и плечики украшены концентрическим валиком и широкой врезной линией. Диаметр венчика составляет 5,2, высота кувшина 23,2, наибольший диаметр корпуса 13, диаметр кольцевого поддона 7 см (рис. 15).

Вид 2. Представлен несколькими крупными фрагментами кувшинов с носиком. Венчик у закраины утолщен и косо срезан, узкое высокое горло с середины имеет расширение. Тулово сферической формы, заканчивается плоским дном. Ручка, овальная в сечении, верхним концом укреплена в месте наибольшего диаметра горла, нижним — на плечиках. На плечиках прикреплен конусовидный носик.

Аналогичные кувшины широко представлены в поливной керамике Костешт³⁴ и Белгорода-Днестровского³⁵.

Вид 3. Кувшины с яйцевидным туловом и высоким цилиндрическим горлом, заканчивающимся горизонтально отогнутым венчиком. Небольшая ручка изогнута под прямым углом и укреплена одним концом у основания шейки, другим — в месте наибольшего диаметра корпуса. Диаметр венчика 11 см, высота кувшина 31,2, наибольший диаметр корпуса 19,7, дна — 11 см (рис. 16).

Горшки. Найдено две целые формы и более двадцати фрагментов. Венчик слегка отогнут наружу, прямой, верхний край плавно закруглен. Корпус сферической формы, плавно переходит в плоское дно. Верхний конец ручки прикреплен к венчику, нижний находится на уровне наибольшего диаметра корпуса. Диаметр венчика 8, высота имеющихся целых форм 11—12,5, диаметр дна горшков 5,6 см. Наибольший диаметр приходится на середину корпуса и равен 10,9 см, диаметр дна 5,6 см (рис. 17). Аналогичная посуда выявлена в керамическом комплексе Костешт³⁶ и Нижнем Поволжье³⁷.

Поливные *маркотцы* представлены

лишь несколькими фрагментами венчиков и небольшими обломками стенок. Это большие глубокие, двуручные сосуды с корпусом в виде усеченного конуса и плоским дном. Уплотненные по краям ручки верхними концами закреплены на венчике и, закругляясь, нижним концом упираются в плечики. Аналогичная посуда известна среди керамического материала Костешт³⁸.

Таким образом, для красноглиняной поливной керамики выделены почти все возможные типы, виды и варианты посуды, которые встречаются в культурном слое и сооружениях золотоордынского времени на городище Старый Орхей.

ОТДЕЛ I. СВИНЦОВЫЕ ПОЛИВЫ

Красноглиняная посуда, как правило, покрывалась свинцовой поливой³⁹, основным компонентом которой являлся пережженный свинец, сочетающийся с оловом⁴⁰. По цвету полив она делится на четыре группы: керамику с зеленой, коричневой, желтой, бирюзовой и бесцветной поливами.

Подотдел I. Керамика с прозрачной поливой

Группа I. Керамика с зеленой поливой

Она является наиболее многочисленной и составляет около 66% от общего числа всей красноглиняной поливной посуды. Получение поливы зеленого цвета достигалось путем добавления в бесцветную глазурь окиси меди. В связи с тем, что краски составлялись на глаз, тон поливы при каждом новом составлении менялся. Это наиболее четко можно проследить на примере зеленой поливы, которая представлена различными оттенками.

По способу орнаментации выделяются следующие типы:

Тип 1. Керамика с зеленой поливой без ангобной подгрунтовки. Этот наиболее редко встречающийся тип поливной посуды представлен, главным образом, одноручными горшками (рис. 17). Нанесенная на них полива имела темно- или грязно-зеленый цвет, иногда с коричневатым оттенком, и покрывала всю внутреннюю часть изделий, вплоть до закраины венчика. Сосуды, покрытые прозрачной зеленой поливой без ангоба, известны в Крыму⁴¹ и среди поливной посуды Поволжья⁴².

Тип 2. Керамика с зеленой поливой и подглазурной росписью ангобом. Посуда, украшенная ангобом, — довольно редкое явление среди поливной керамики Старого Орхея. За все время многолетних раскопок на городище найден лишь единственный крупный обломок профиля миски (рис. 18). В орнаменте использован концентрический способ нанесения рисунка. Дно миски украшено несколькими концентрическими кругами, а стенки корпуса, выделенные в самостоятельный орнаментальный пояс, заполнены медальоновидными фигурами с точками внутри них. Весь рисунок дополнен завитками. Бортик миски изнутри и снаружи подчеркнут широкой волнистой линией. Орнаментация поливной посуды концентрическими кругами, точками, завитками, выполненными

Рис. 15. Одноручный кувшин с зеленой поливой

ангобом, хорошо известна среди керамики XIV в. Херсонеса⁴³, иногда встречается и среди поливных изделий Поволжья⁴⁴.

Тип 3. Керамика с зеленой поливой по ангобной подгрунтовке. Была широко распространена в городах Днестровско-Прутского междуречья (Костешты, Старый Орхей) и представлена самыми разными формами. Такие изделия, как миски, тарелки, кувшины, детские горшочки, маркотцы, покрывались поливой изнутри, причем у детских горшочков покрывались и широкие закраины (рис. 19). Кувшины покрывались глазурью, в основном снаружи, исключая нижнюю часть корпуса. Изнутри покрывалась лишь часть, доступная обзору. Аналогичный способ орнаментации посуды известен в Поволжье⁴⁵.

Тип 4. Керамика с подглазурной росписью ангобом и гравировкой. Из раскопок Г. Д. Смирнова известна ваза, украшенная росписью ангобом в сочетании с гравировкой. Наружную, нижнюю часть корпуса вазы занимает ряд трапециевидных фигур, в середине и у вершин которых помещены овалы. Плечики ор-

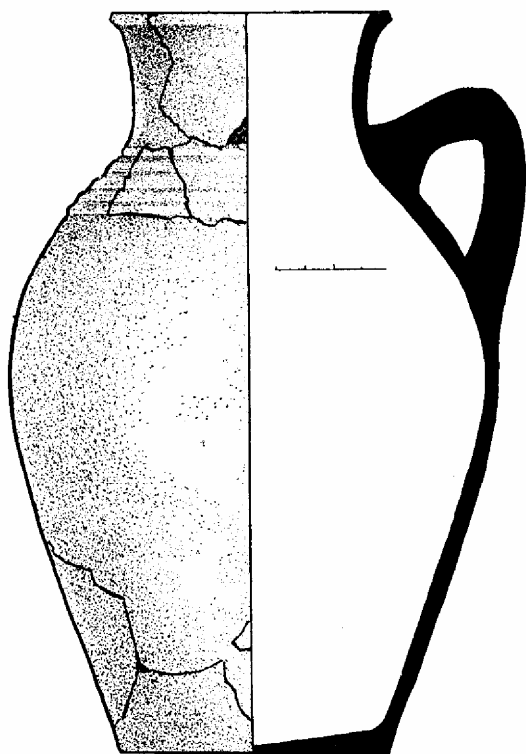

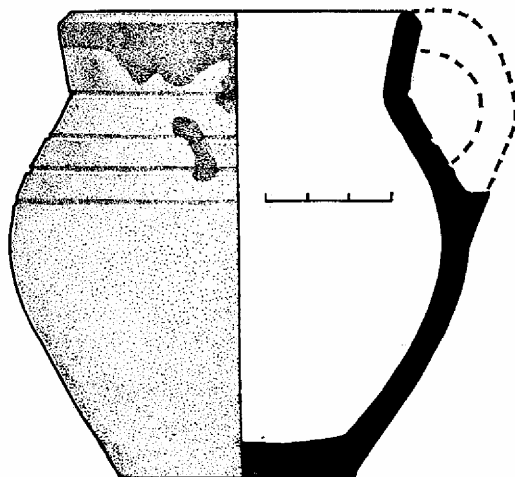
Рис. 16. Одноручный кувшин с зеленой поливой

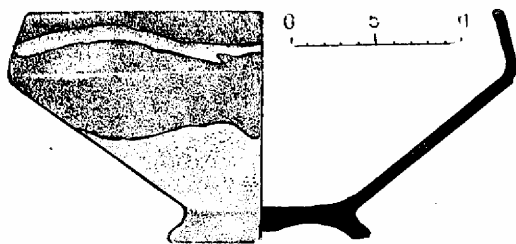
наментированы по секторам. Каждый сектор украшен стилизованным растительным орнаментом в виде сложных переплетений завитков, пересекающимися прямыми и зигзагообразными линиями, восьмеркообразными фигурами на фоне мелкой штриховки, многолепестковыми цветами, заключенными в круг. Кроме того, плечики украшены наклепками (рис. 20). Внутренняя часть корпуса орнаментирована овальными и треугольными листьями, завитками, кружками. Дно вазы сохранилось частично, но некоторые детали рисунка представляют собой участки, заполненные штриховкой и плавно изогнутыми попарно расположенными линиями. Венчик изнутри украшен кружками. Отдельные участки орнамента подчеркнуты концентрическими окружностями.

Тип 5. Керамика с гравировкой по ангобу под прозрачной зеленой поливой. Посуда, украшенная гравировкой, является одним из наиболее простых, но широко распространенных видов художественной керамики.

Острием инструмента (деревянный стек⁴⁶) гравировался заданный орнамент по ангобному слою, затем изделие покрывалось прозрачной поливой. При гравировке обнажался цвет красного черепка, а нанесенная непосредственно на него полива, естественно, приобрела более темную окраску. Этот принцип орнаментации был известен в художественной керамике Востока начиная с VII в., в Передней Азии этот же декорный прием наблюдается не ранее IX в., а с XI в. он получил широкое распространение и развитие на всем Ближнем Востоке⁴⁷. Композиционное построение декора и его орнаментальное содержание всегда отвечают определенной форме изделий, для которой присущи свои композиционные решения, а основой построения рисунка является четкое выделение границ орнамента. Для каждой части корпуса сосуда применяется отдельная композиция. При

Рис. 17. Одноручный горшок с зеленой поливой без ангоба

росписи таких форм изделий, как миски, чаши, тарелки, применялась концентрическая композиция в рисунке, радиальное и свободное расположение орнамента.

При концентрическом способе орнаментации основной декоративный акцент делается на дно изделий. Дно украшалось многолепестковыми цветами, шестилучевой звездой, пальметками, пересекающимися линиями, с последующей росписью каждого сектора и т. д. (рис. 21).

Большое разнообразие наблюдается и в оформлении венчиков, особенно у тарелок. Они украшались кружочками, каймой с елочным орнаментом, рисунком из спиралей с ответвляющимися короткими усиками, полосой мелких скобок, попарно расположенными овальными листьями, Z- и E-образными фигурами (рис. 22). Все эти детали орнамента имеют аналогии в поливной керамике Крыма⁴⁸, Кавказа⁴⁹ и Поволжья⁵⁰.

Среди сосудов Старого Орхея со строгой концентрической орнаментацией можно назвать миску. Донную часть ее занимает сложное переплетение завитков, обведенных тремя концентрическими окружностями. Затем располагался пояс, украшенный прикасающимися друг к другу овалами. Треугольные промежутки между овалами в верхнем крае миски заполнены четырьмя линиями штриховки. Центральную часть каждого овала занимает сложная ромбовидная фигура, образованная непрерывной лентой с петлями на концах, внутренняя поверхность заштрихована. Край бор-

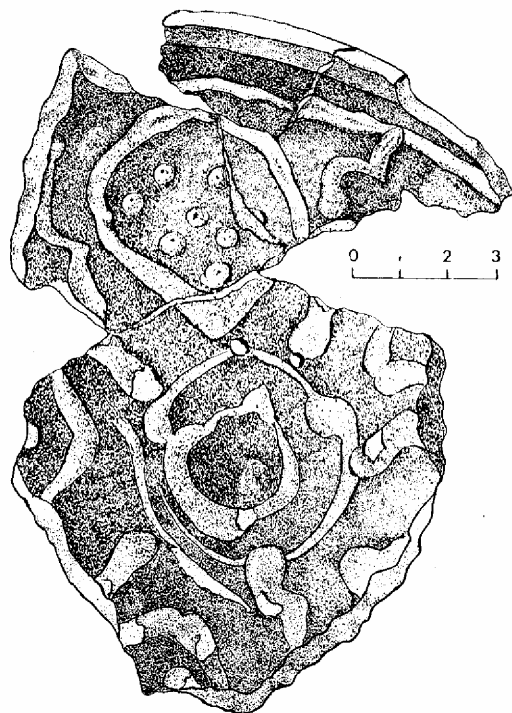

Рис. 18. Фрагмент миски с зеленой поливой и подглазурной росписью ангобом

тика подчеркнут врезной линией. Снаружи бортик орнаментирован волнистой линией, заключенной между двумя концентрическими. Основным орнаментальным мотивом здесь являются сложные ромбовидные фигуры со штриховкой внутри. Подобные фигуры встречаются при гравировке сосудов в поливной керамике Херсонеса XIII—XIV вв.⁵¹

У тарелки из Старого Орхея центр обозначен двумя концентрическими кругами и сложно выполненным орнаментом в виде шестиконечной звезды. Внутренний промежуток на концах лучей, а также треугольные промежутки между лучами украшены спиральями. Вокруг располагался пояс, свободный от орнамента. Линия перегиба от бортика к корпусу подчеркнута несколькими концентрическими кругами. По горизонтальному борти-

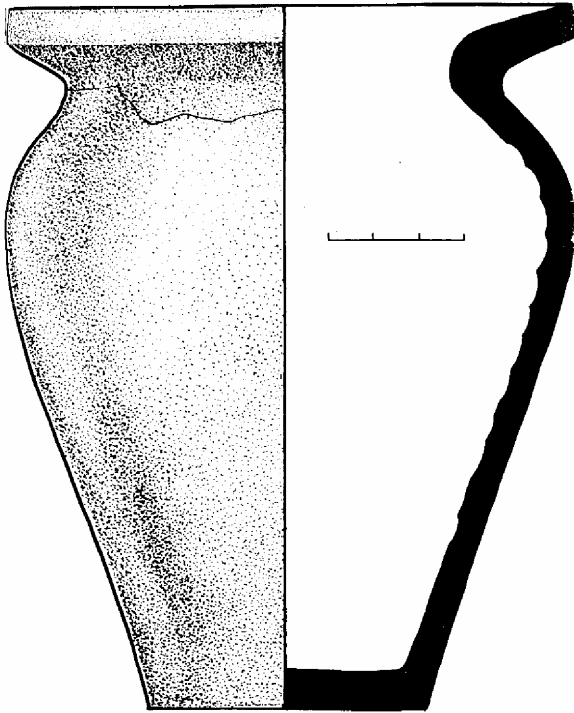

Рис. 19. Детский горшок с зеленой поливой

ку идет орнамент из парных спиралей.

Ведущий мотив орнаментации — шестиконечная звезда широко распространена в собственно византийской керамике и в связанной с ней поздне-средневековой поливе Болгарии (XIII—XIV вв.)⁵². Гораздо чаще подобный знак можно встретить в мусульманском искусстве Персии и Египта⁵³. В более позднее время, второй половины XIII и XIV в.; знак шестиугольника наблюдается в поливной керамике Херсонеса⁵⁴, Сарая-Берке⁵⁵, Двина⁵⁶.

Интерес представляет крупный обломок миски. Внутреннее поле разделено на два орнаментальных пояса. Основная нагрузка в декоре приходится на днище. Оно украшено крупным изображением цветка, выполненным широкой врезной линией. Централь-

ный листок дан в фас, боковые — в профиль. Свободное пространство заполнено стилизованным растительным орнаментом — завитками. Рисунок, расположенный в центре, подчеркнут тремя концентрическими окружностями. Свободная от орнамента полоса занята радиально поставленными Р-образными фигурами (рис. 23). Близкий по сюжету орнамент известен в поливной керамике Царевского городища⁵⁷.

Из большого количества фрагментов посуды с концентрическим расположением орнамента можно назвать фрагменты с медальоновидным орнаментом, пояса с миндалевидными фигурками, поставленными под углом друг к другу, треугольные промежутки между ними украшены завитками и овалами, прикасающимися друг к другу и т. д.

Помимо керамики из Костешт⁵⁸ ближайшие аналогии такой орнаментации мы находим в поливной посуде из Белгорода-Днестровского⁵⁹. Многие элементы орнамента (растительные завитки, овалы и т. д.) распространены в Закавказье⁶⁰.

При радиальном расположении рисунка поверхность сосудов делится прямыми пересекающимися в центре дна линиями на несколько секторов (4, 6, 8), каждый из которых украшается одним и тем же рисунком. Такими рисунками в секторах являются стилизованные изображения листьев, сложные петлеобразные переплетения и т. д. В Старом Орхее известно несколько сосудов с радиальным расположением орнамента.

Из материалов Старого Орхее известна чаша, внутреннее поле которой расчленено широкими нисходящими полосами на четыре сектора, в каждом размещено стилизованное изображение листа с фигурными завитками. Весь орнамент подчеркнут двумя концентрическими кругами. Внешняя сторона чаши украшена волнооб-

разной линией, заключенной между двумя concentрическими окружностями (рис. 24). Орнаментальная композиция в виде четырех секторов была очень популярна в позднесредневековом Херсонесе (XIII в.)⁶¹. Аналогичный орнаментальный мотив встречен среди поливной керамики XII—XIII вв. из Двина⁶². Очень часто внутренняя поверхность чаш украшалась многолепестковым цветком. Пространство, образующееся при закруглении лепестков, орнаментировалось спиралями или треугольниками.

В Старом Орхее известны также две целые миски с подобным способом орнаментации. Одна миска орнаментирована крупным четырехлепестковым цветком. Каждый лепесток украшен вертикальной осевой волнистой линией. В одном из лепестков таких линий две. В уголках между лепестками расположено по два треугольника. На второй миске также выгравирован четырехлепестковый цветок, в каждом лепестке которого изображена горизонтальная волнистая линия. Каждый уголок между лепестками заполнен двумя-тремя треугольниками с несколькими мелкими спиралями. Дно у обеих мисок свободно от орнамента, лишь подчеркнута двумя concentрическими окружностями (рис. 25). Подобный принцип орнаментации известен в керамике Херсонеса⁶³.

Мотив орнаментации чаш многолепестковыми цветами встречается в поливных изделиях Крыма и Кавказа, но совершенно отсутствует в керамике Средней Азии. В керамике Закавказья такой принцип применялся не при гравировке, а при росписи марганцем⁶⁴. В золотоордынских городах Поволжья подобный орнамент встречается довольно часто⁶⁵. Украшение посуды четырехлепестковым цветком известно и в поливной керамике XIV—XV вв., найденной в господарском дворе в Арджаше (ССР)⁶⁶.

Следующей группой чаш с зеле-

ной поливой и гравировкой по ангобу являются чаши со свободным расположением рисунка, т. е. при нанесении орнамента не выделяются ни центр, ни периферия, и рисунок занимает основную часть внутренней поверхности изделия. Одна из чаш украшена concentрически расположенной плетенкой, образованной двумя широкими лентами и состоящей из семи звеньев. На стыке между звеньями выгравированы треугольники, украшенные завитками.

Мотив простой плетенки, состоящей из двух полос, часто встречается в поливной керамике Херсонеса⁶⁷. Композиционно близка названной орнаментика на поливной чаше из Байлакана⁶⁸.

Чаша из Старого Орхее при всей

Рис. 20. Ваза с зеленой поливой, подглазурной росписью ангобом и гравировкой

Рис. 21. Фрагменты красноглиняной посуды с подглазурной гравировкой по ангобной подгрунтовке

оригинальности исполнения не лишена некоторых неточностей в нанесении орнамента: плетенка не всегда выполнена правильно, ленты, переплетаясь, не продолжают плавно друг друга, а, резко закругляясь, образуют петли.

Вторая чаша украшена пятилепестковым цветком, центр которого обозначен небольшой окружностью. Каждый лепесток занят крупным завитком — спиралью, соединенным линией с центром. Между лепестками изображены треугольники, также за-

полненные завитками-спиралями и двумя параллельно расположенными усиками. У вершины каждого лепестка выгравированы P-образные завитки (рис. 26).

Орнаментальная композиция в виде многолепесткового цветка — розетки известен в керамике XIII—XIV вв. Придунайской Болгарии⁶⁹, Добруджи⁷⁰, Костешт⁷¹ и Крыма⁷². Этот орнаментальный мотив имеет аналогии с керамикой XII—XIII вв. Закавказья⁷³, Ближнего Востока⁷⁴ и Византии⁷⁵.

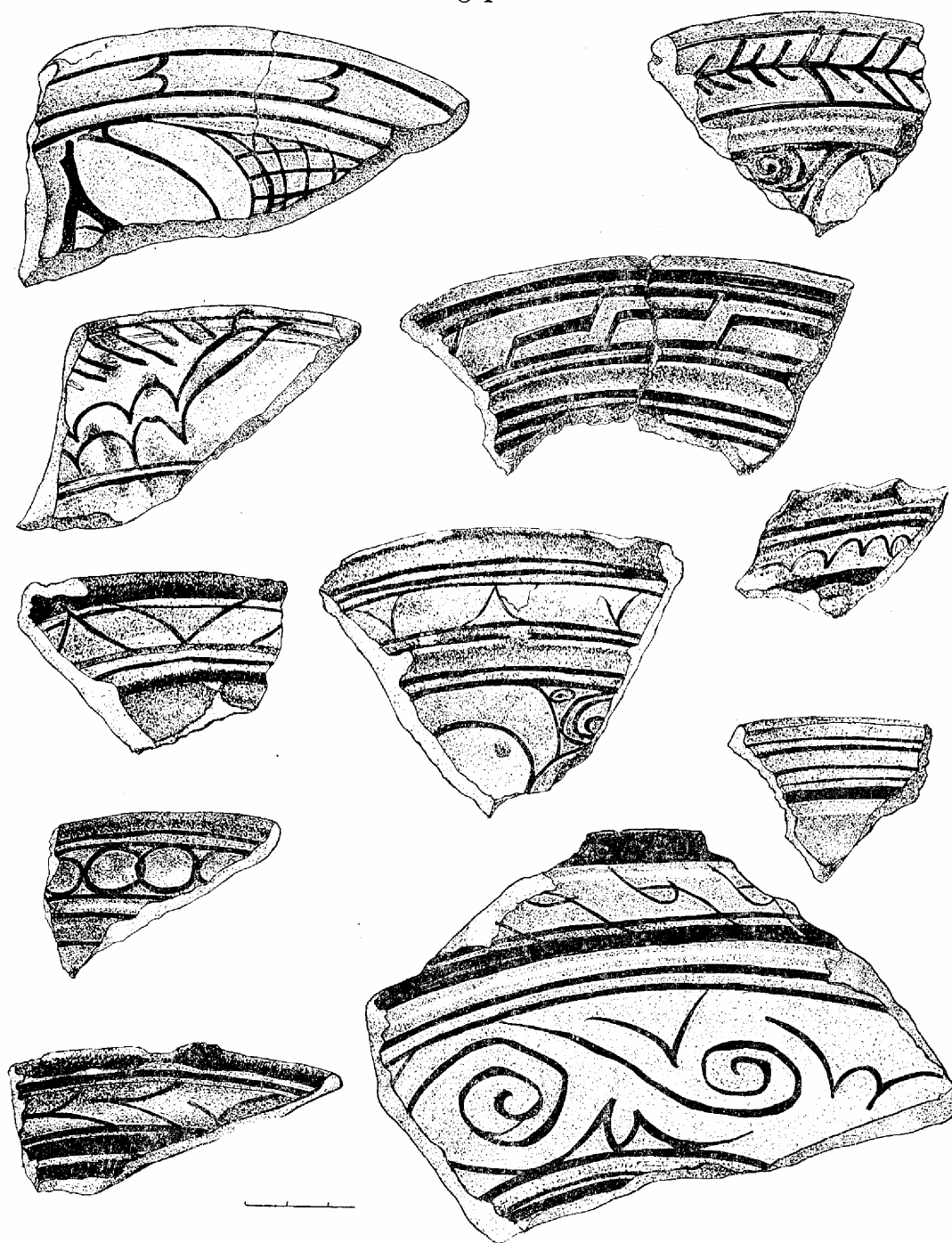

Рис 22. Фрагменты венчиков тарелок с зеленой поливкой и гравировкой

Красноглиняная миска
с зеленой поливой

Красноглиняная посуда
с зеленой поливой
по ангобной подгрунтовке

Красноглиняная миска
с коричневой поливой

Кашинная ппалообразная чаша
с подглазурной полихромной росписью
и рельефом

Среди керамических поливных материалов из Старого Орхея известны и фрагменты изделий, орнаментированных по внутренней поверхности чередующимися параллельными прямыми и волнообразными линиями. Однако целых форм, по которым можно было бы определить всю роспись, пока не найдено. В декоре керамики Старого Орхея, Костешт⁷⁶ такой орнамент — редкое явление. Он характерен для поливной керамики XII—XIII вв. Ани⁷⁷, Херсонеса⁷⁸, Болгарии⁷⁹, встречается также и в керамическом комплексе поселения XIV в. Коконь⁸⁰.

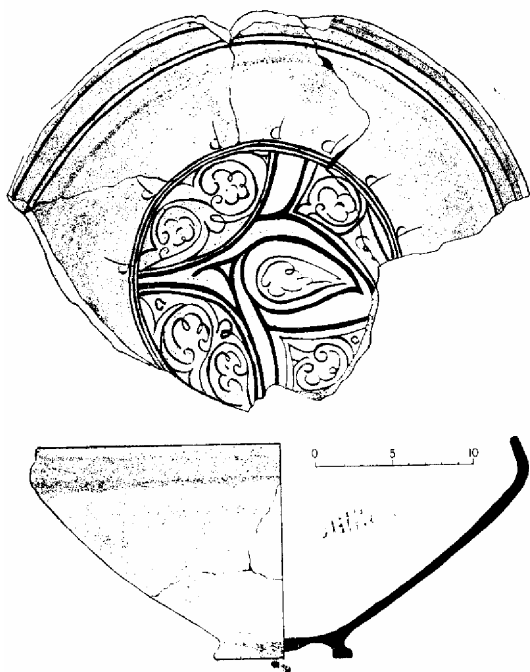
Кроме мисок и тарелок на городище Старый Орхей встречены также и фрагменты кувшинов, орнамент которых нанесен в технике граффито. Детали орнамента выполнены как широкой, так и тонкой врезной линией и представляли собой главным образом рисунки крупных многолепестко-

вых цветов, завитков, растительных плетенок. Близкий по стилю орнамент известен в керамике Херсонеса⁸¹.

Тип 6. Керамика, украшенная техникой «резерва» и гравировкой. Керамика этого типа очень малочислена и представлена лишь несколькими фрагментами стенок сосудов и одной целой пиалообразной чашей (рис. 27). Внутренняя поверхность чаши разделена широкими линиями на 6 секторов. Каждый сектор занят сложной плетенкой из двух изгибающихся лент, образующих вокруг центральной лирообразной петли две малых дополнительных по сторонам и одну снизу. Из нижних петель образуется шестилепестковый цветок в центре чаши. Фон выделен штриховкой.

Мотив сложной плетенки был широко распространен в сиро-палестинском и византийском искусстве, начиная с раннего средневековья. Он также известен на персидских металлических художественных изделиях XI—XII вв., на lustровой персидской керамике XIII в.⁸² Тот же мотив наблюдается и в орнаментах поливной керамики Грузии⁸³ и Азербайджана⁸⁴.

Рис. 23. Фрагмент миски с зеленой поливой и подглазурной гравировкой

Группа II. Керамика с коричневой поливой

Тип 1. Керамика с гравировкой по ангобу. Коричневый цвет свинцовых полив достигался путем введения в их состав окиси меди. Среди поливной керамики Орхея она немногочисленна (21%) и представлена главным образом мисками. При орнаментации их применялся концентрический способ нанесения орнамента.

На одной из мисок центр дна обозначен двумя концентрическими кругами, затем идет широкий орнаментальный пояс, состоящий из попарно расположенных и наклоненных друг к другу широких листьев (всего

7 пар). Каждый лист в паре соединен со следующей парой дугой. Треугольные промежутки, образованные при нанесении основного рисунка, обозначены тонкой врезной линией. Треугольники по внешнему краю миски украшены крупными спиралями, по внутреннему — мелкими (рис. 28).

Основные детали орнамента выполнены толстой гравировочной линией, тонкая — служит в качестве дополнительного украшения. Ведущий мотив орнамента — попарное расположение листьев, наклоненных друг к другу, — известен в поливной керамике Костешт⁸⁵, Херсонеса⁸⁶, Царевского городища⁸⁷ в Нижнем Поволжье.

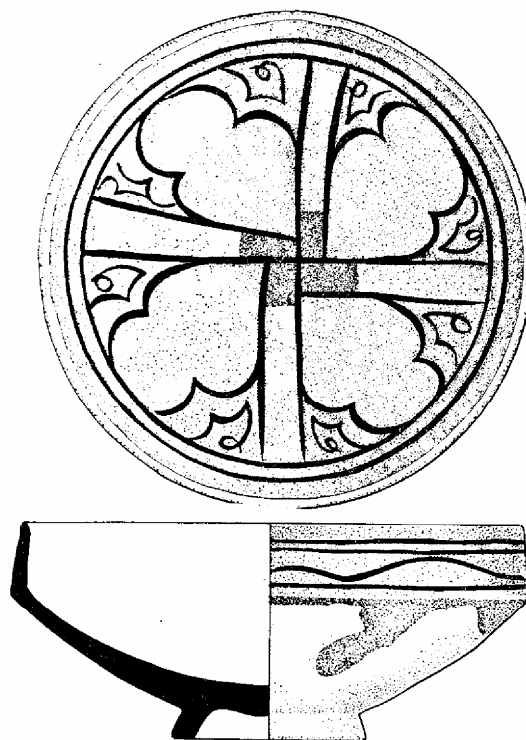
Вторая миска украшена аналогичным орнаментом, в основе та же орнаментальная схема, но в крайне грубом и небрежном виде. Увеличено количество пар листьев, завитки, дополняющие основной рисунок, крупного размера.

Группа III. Керамика с желтой поливой

Посуда, покрытая желтой поливой, немногочисленна и представлена на городище Старый Орхей обломками венчиков, стенок и кольцевых поддонов мисок и тарелок. Цвет поливы не всегда одинаков, есть оттенки.

В археологической литературе, посвященной изучению поливной керамики, нет пока единого мнения о красителях, дающих желтый цвет. Так, легкая желтизна херсонской поливы, переходящей часто в золотисто-желтый тон, достигалась незначительной примесью охры или же железной окалины⁸⁸. По мнению Э. В. Сайко⁸⁹, исследовавшей керамику Средней Азии, в желтых глазурах в качестве красителя использовалась в основном окись железа и сурьмы. Исследования же поливной керамики Поволжья дали совершенно новые данные. Напри-

Рис. 24. Красноглиняная миска с зеленой поливой и гравировкой

мер, в желтой поливе с Царевского и Маджарского городища наблюдается большое содержание алюминия с добавлением окиси меди⁹⁰.

По способу орнаментации керамика этой группы представлена несколькими типами.

Тип 1. Керамика с желтой поливой по ангобной подгрунтовке. В поливной керамике Старого Орхея — это довольно редкое явление. Она представлена, главным образом, обломками кольцевых поддонов миниатюрных чашек. Аналогичный способ украшения посуды известен и среди поливной керамики Поволжья⁹¹.

Тип 2. Керамика с гравировкой по ангобу под прозрачной желтой поливой. Представлена фрагментами венчиков, стенок и кольцевых поддонов. Стенки орнаментированы стили-

Рис. 25. Красноглиняная миска с зеленой поливой и подглазурной гравировкой

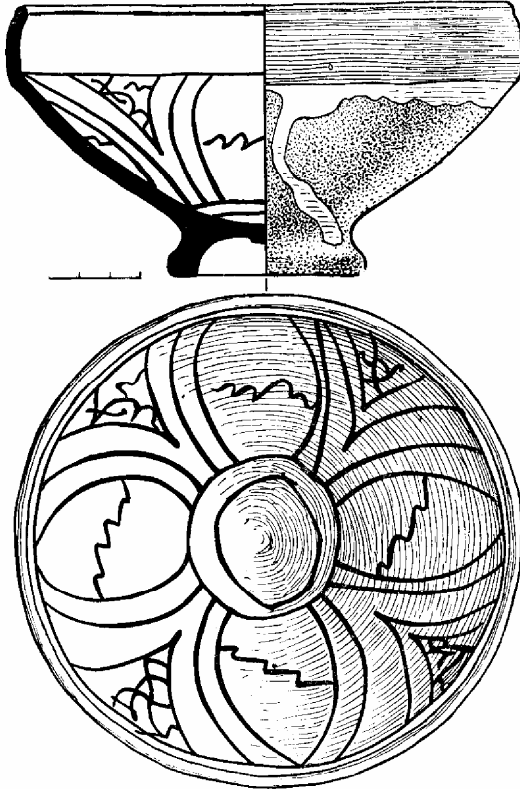
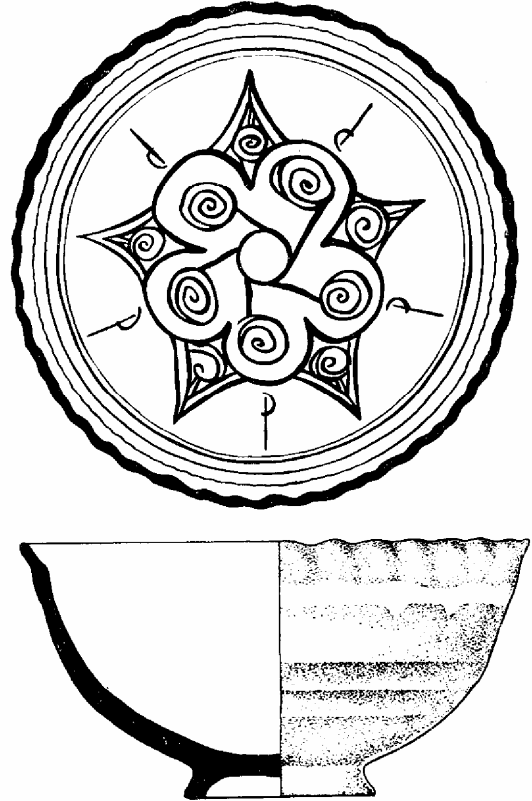

Рис. 26. Чаша с зеленой поливой и подглазурным гравировочным орнаментом

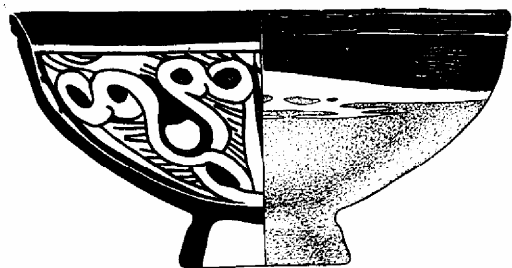
зованным растительным орнаментом в виде завитков, пальметток, попарно расположенных листьев. Днища украшены чередующимися, параллельно расположенными прямыми и волнистыми линиями, а также У-образными фигурами в сочетании с заштрихованными ромбами и завитками.

Интерес представляет фрагмент альбарелло, впервые найденный на городище (рис. 29). Внешняя поверхность его украшена сужающимися книзу арочками, в середине которых прочерчена вертикальная линия, а углы между ними заполнены спиралями. По мотиву и способу орнаментации альбарелло, найденный в Орхее, тождествен Сарайским⁹² и аналогичному сосуду, найденному в Ани⁹³.

Тип 3. Керамика, выполненная в технике резерва и с гравировкой. Она представлена лишь несколькими фрагментами стенок, украшенных стилизованным растительным орнаментом. Из целых форм известна тарелка с подобным способом орнаментации (рис. 30). Орнамент имитирует корзиночное переплетение и ограничен квадратом, вписанным в круг. К углам квадрата прилегают по две овальные фигуры, заостренные с одного конца. Поверхность фигур украшена насечками. Бортик оформлен волнистой линией и подцветчен светло-коричневыми пятнами.

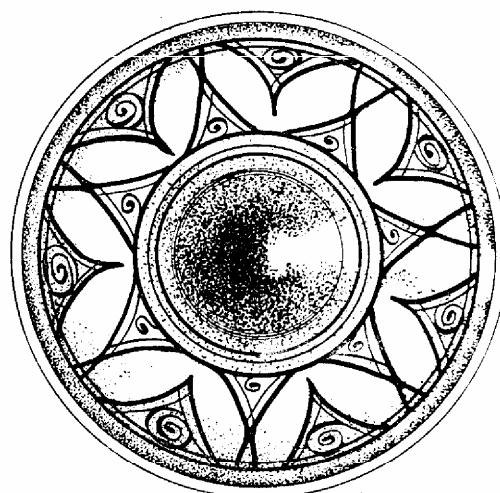
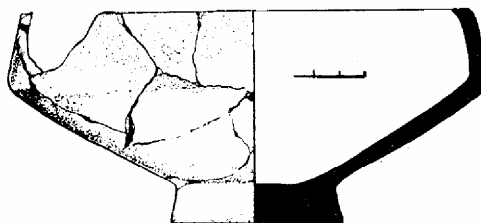
Тип 4. Керамика с подглазурной гравировкой и подцветкой зелеными

Рис. 27. Красноглиняная чаша с зеленой поливой и подглазурным орнаментом, выполненным в технике резерва и граффито

пятнами. Этот тип орхейской поливной керамики объединяет самые простые, порой даже массовые, изделия — миски. Дно мисок обозначено концентрическими окружностями и разделено широкой врезной линией на 8 секторов. Каждый сектор украшен двумя пересекающимися линиями и крупным завитком. Рисунок дополнен небольшими стрелками, выгравированными против каждого сектора. Один из секторов пересечен овалом. От венчика и до орнаментального пояса дна изделие подвешено темно-зелеными мазками (рис. 31). Близкий по схеме орнамент известен среди поливной керамики XIV в. Кокони⁹⁴ в Подунавье.

Рис. 28. Красноглиняная миска с коричневой поливой и гравировкой

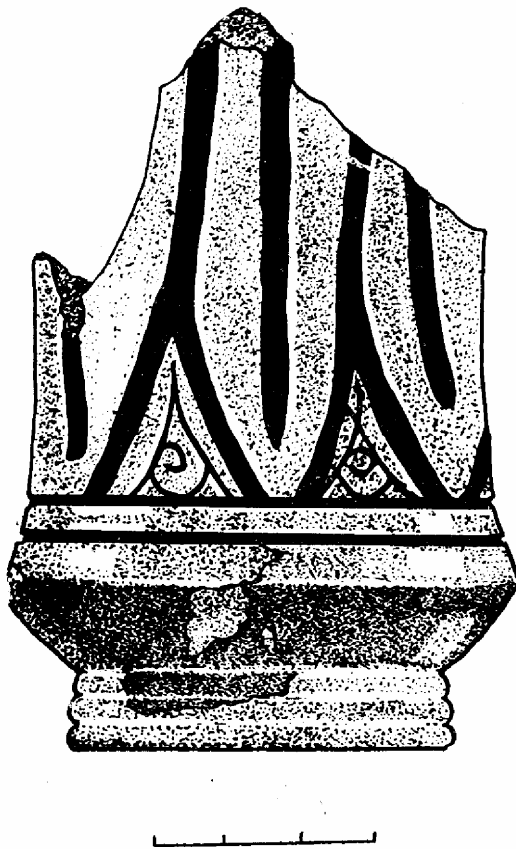

Группа IV. Керамика с прозрачной бесцветной поливой.

Посуда, относящаяся к этой группе керамики, объединяет наиболее богато украшенные изделия. Характерной чертой ее является трехцветная желто-коричнево-зеленая окраска.

Тип керамики с гравировкой и подглазурной росписью по ангобной подгрунтовке. Среди поливной посуды Старого Орхея этот тип посуды представлен тарелками. На одной из тарелок в орнаменте использована концентрическая композиция рисунка (рис. 32). Дно выделяется самостоятельным орнаментальным поясом и украшено стилизованным изображе-

Рис. 29. Фрагмент альбарелло

нием птицы, выполненным тонкой врезной линией. Птица повернута влево и представлена в профиль: голова с большим острым клювом увенчана двумя усиками, двумя концентрическими окружностями обозначен крупный глаз, плавно изогнутая шея, украшенная близко расположенными параллельными линиями, переходит в туловище, которое намечено точечным орнаментом. Хвостовое оперение состоит из опущенных вниз и выступающих одна из-под другой, постоянно укорачивающихся линий. Лапы изображены вертикальными линиями. Над головой птицы и перед ней помещены завитки. Все изображение подчеркнуто тройной концентрической

окружностью. Остальное поле тарелки занято плетенкой, образованной двумя лентами; на стыке между звеньями — дужками. Одна из полос плетенки окрашена зеленой поливой, другая светло-коричневой. Роспись не везде согласуется с гравировочным орнаментом. Бортик тарелки подчеркнут врезной концентрической линией и украшен мазками зеленого и светло-коричневого цвета. Своеобразная, умеренно использованная орнаментация, а также яркий колорит придадут изделию особую красоту. Аналогии изображению птицы пока не найдены, однако следует отметить, что стилизованное изображение птиц было широко распространено в Азербайджане⁹⁵ и нередко встречается в поливной керамике Херсонеса⁹⁶.

Манера рисунка тонкой врезной линией, словно подражание гравировке по металлу, характерна для византийской керамики XII в.⁹⁷ Мотив плетенки, состоящей из двух полос с контрастной расцветкой рисунка зеленой и коричневой поливой, присущ керамике Ближнего Востока⁹⁸, наблюдается в красноглиняной керамике Херсонеса⁹⁹ и поздне-средневековых городов Закавказья¹⁰⁰.

Несовпадение росписи с гравировочным орнаментом является характерной чертой староорхейской керамики. Этот же принцип орнаментации наблюдается среди поливных керамических изделий Костешт¹⁰¹, Херсонеса¹⁰² и золотоордынских городов Поволжья¹⁰³.

На второй тарелке использована радиальная композиция нанесения орнамента: от небольшой окружности в центре расходятся пять параллельных прямых, делящих поверхность тарелки на 5 секторов. Каждый сектор занят плетенкой, образованной двумя широкими лентами и состоящей из двух звеньев. Орнаментальный мотив горизонтального бортика — попарное расположение листьев, наклоненных друг к другу. Графический рисунок

выполнен широкой врезной линией и покрыт зеленой и коричневой поливой. Раскраска не согласована с орнаментом. Секторы раскрашены зеленой краской, центр и узлы плетенки — коричневой, листья — поочередно зеленой и коричневой глазурью (рис. 33). Радиальная композиция рисунка, несогласованность подглазурной росписи с гравировкой, контрастная расцветка рисунка зеленой и коричневой поливой и прием чередования обоих тонов свойственны керамике Ближнего Востока¹⁰⁴.

Подотдел II. Керамика с опаковой поливой

Группа керамики с бирюзовой поливой

Тип керамики без росписи. Встречается на городище Старый Орхей крайне редко и представлена она все-

Рис. 30. Красноглиняная тарелка, покрытая желтой поливой по ангобной подгрунтовке

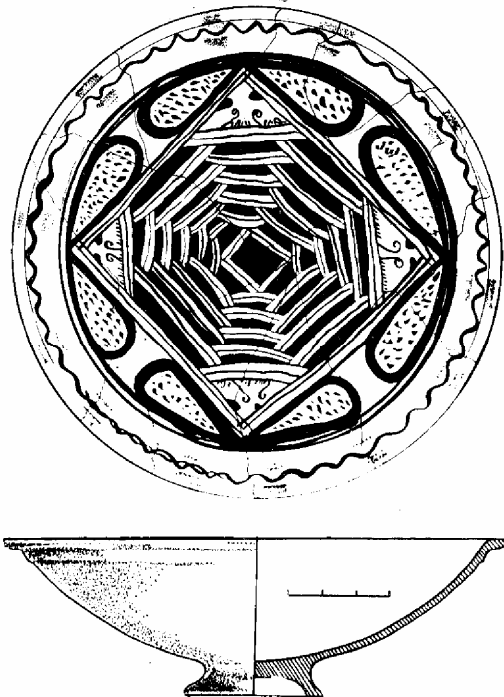
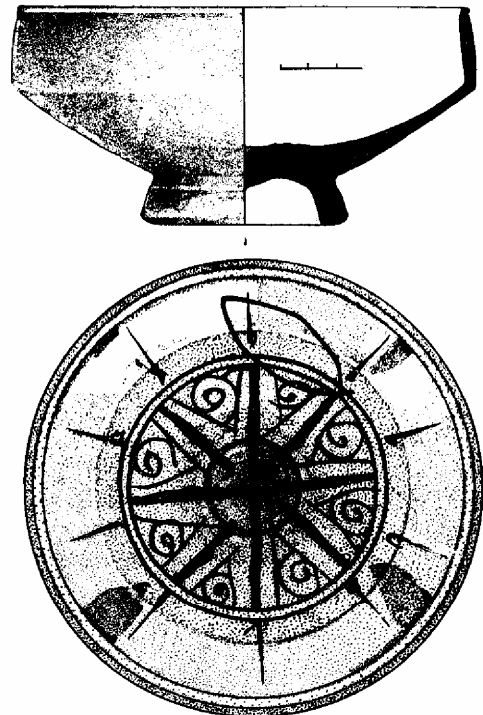

Рис. 31. Миска с желтой поливой, гравировкой и подцветкой

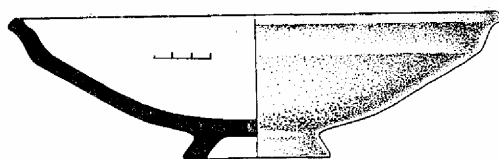

го лишь 18 фрагментами, в частности: венчиком пиалобразной чаши, обломком вазы с рельефным ажурным украшением, ручки сосуда, носиком и крупным обломком плоского сосуда. Полива на фрагментах изделий потрескавшаяся, покрыта патиной. Некоторые фрагменты покрыты бирюзовой поливой с обеих сторон, но встречаются обломки, одна из сторон которых покрыта бирюзовой поливой, другая — прозрачной зеленой. Аналогичный тип посуды известен в Поволжье¹⁰⁵.

КАШИННАЯ КЕРАМИКА

В общем комплексе поливной керамики кашинские изделия составляют 12,5%. В археологической литературе под термином «кашин» понимается керамика, выполненная из теста, по-

Рис. 32. Тарелка с гравировкой, подглазурной росписью и бесцветной поливкой

лученного путем механического соединения песка с известью, замешанных на специальном клее¹⁰⁶.

Процесс изготовления кашинной посуды состоит из ряда операций, общих для производства всех видов поливной керамики. Некоторые отличия наблюдаются лишь в формовке изделий. Вся кашинная посуда изготавливалась в алебастровых формах¹⁰⁷, а наклепные украшения отливались отдельно¹⁰⁸.

Цвет теста поливной керамики из Старого Орхея имеет разнообразные оттенки: белый, серый, желтоватый и розовый. Аналогичный цвет кашина встречается на городищах Поволжья и Кавказа¹⁰⁹. Розовый цвет кашинной керамики нередко встречается в Средней Азии и объясняется некоторыми исследователями тем, что температу-

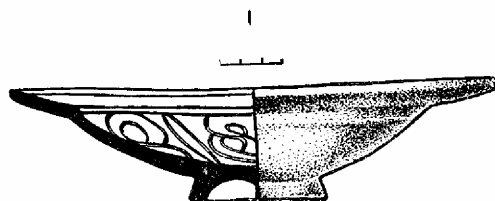
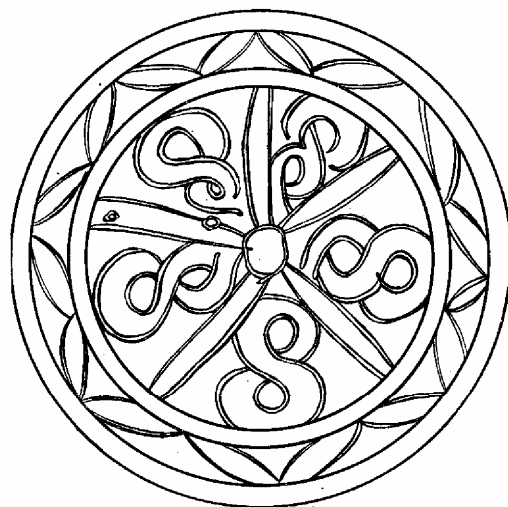
ра обжига кашина не превышала 1000°С. С возрастанием температуры происходит изменение цвета кашина от розового к светлому и желтоватому¹¹⁰.

Ассортимент изготавливавшейся посуды довольно разнообразен: чаши, тарелки, блюда, вазы.

Наиболее массовыми изделиями среди кашинной керамики являются пиалообразные чаши. Они полусферической формы, заканчиваются высоким кольцевым поддоном. Диаметр чаш 18,8—20,1, высота 8,4—9,3, диаметр кольцевого поддона 6,7—7,2 см. Такая форма посуды была широко распространена в Поволжье¹¹¹ и Средней Азии¹¹².

Тарелки отличаются от чаш большим диаметром, наличием горизонтальной закраины и приземистым туловом. В Старом Орхея эта форма

Рис. 33. Тарелка с гравировкой, подглазурной росписью и бесцветной поливкой

посуды представлена в фрагментах. Тарелки известны среди кашинной керамики Поволжья¹¹³.

Для блюд характерны полусферическая приземистая форма корпуса, прямой вертикальный венчик. Диаметр блюда 23,5, высота 7,8, диаметр кольцевого поддона 8 см. Аналогий данной форме посуды пока не найдено.

Вазы представляют собой широкогорлый сосуд с прямым вертикальным бортиком, плавно переходящим в биконическое тулово. Дно закруглено и заканчивается высоким кольцевым поддоном. Сосуд украшен пятью налепами конической формы с радиально рифленой поверхностью. Вместо шестого налепа имеется выполненный в той же технике небольшой усеченно-конический слив, композиционно завершающий рельефное украшение сосуда. Подобная посуда среди кашинных изделий Куня-Ургенча¹¹⁴, Шемаха-Калы¹¹⁵, в фрагментах встречается и в Поволжье¹¹⁶.

ОТДЕЛ II. БЕССВИНЦОВЫЕ ПОЛИВЫ

По прозрачности полив кашинная керамика из Старого Орхея делится на два подотдела: I — с прозрачными и II — опакowymi поливами — с последующим выделением внутри них групп по цвету поливы и типов по способу и характеру орнаментации.

Подотдел I. Керамика с прозрачными поливами

По данным спектральных анализов, кашинные изделия покрывались только бессвинцовыми поливами¹¹⁷, основными стеклообразующими которых являются щелочные материалы (окись натрия и калия), щелочные земли (окись кальция и магния) и

Рис. 34. Кашинная чаша с подглазурной полихромной росписью и рельефом

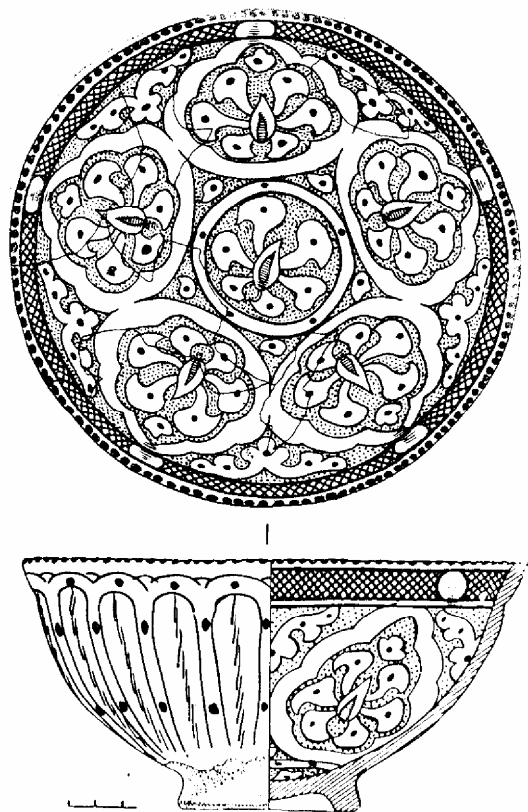
кремнезем. По наличию в составах тех или иных компонентов они делятся на содовые (натриево-калиево-магниево-кремнеземные)¹¹⁸ и золотистые, или поташные (натриево-калиево-кальциево-кремнеземные)¹¹⁹.

Прозрачные поливы по цвету подразделяются на 3 группы: бесцветные, бирюзовые и ультрамариновые.

Группа I. Керамика с прозрачной бесцветной поливой

Обесцвечивание глазурей достигалось путем добавления окиси марганца и сурьмы¹²⁰. Кашинная поливная керамика с прозрачной бесцветной глазурью по способу и характеру ор-

Рис. 35. Кашинная чаша с подглазурной полихромной росписью и рельефом

наментации делится на два основных типа.

Тип 1. Керамика с подглазурной полихромной росписью и рельефом. На кашинной керамике этого типа преобладающими являются зеленые и синие краски всех оттенков, получающиеся при применении окиси меди и кобальта.

В Старом Орхее с такой росписью найдены пиалообразные чаши и тарелки, наиболее важные детали которых выделены рельефом. Внешняя поверхность чаш оформлена равномерным ритмом арочного орнамента. Что касается росписи внутренних поверхностей, то они отличаются большим разнообразием.

Одна из чаш (рис. 34) украшена

следующим образом: край венчика занят синей диагональной сеткой, идущей в виде полосы, прерывающейся четырьмя белыми пятнами. Следующий пояс орнаментирован тремя рядами «павлиньих глазков». Дно чаши украшено изображением лотоса, обрамленного фигурными бутонами. Орнамент дна заключен в рельефную окружность, расцвеченную четырьмя диаметрально расположенными синими точками. Точками украшены все основные, рельефно выделенные детали орнамента, а также и край венчика. Фон заполнен темно-зелеными точками. Снаружи нанесен арочный орнамент, также расцвеченный синими точками. Аналогичный орнаментальный мотив встречается среди кашинной керамики Сарая-Бату¹²¹.

Несколько иначе орнаментирована другая чаша (рис. 35). Край бортика украшен синей диагональной сеткой, идущей в виде полосы, которая прерывается четырьмя белыми пятнами. Затем следуют два орнаментальных пояса: первый занят двумя рядами миндалевидных фигур, второй — на дне чаши, подчеркнут тонкой рельефной окружностью, в которую вписана фигура в виде шестигульной звезды, помещенная на растительном фоне. Внутри звезды расположена шестилепестковая розетка, заключенная в окружность. Весь орнамент выполнен на мелком точечном фоне. Рельефные детали рисунка и венчик расцвечены синими точками. Подобный орнамент известен в поливной кашинной керамике Поволжья¹²².

Оригинально орнаментирована следующая чаша (рис. 36). Край бортика украшен синей диагональной сеткой в виде полосы, которая оживлена пятью бирюзовыми мазками. В центр чаши помещен цветок лотоса, заключенный в круг, который в свою очередь заключен в пятилучевую звезду, образованную сторонами плотно прилегающих друг к другу пяти медальонов, составляющих боковой орнамент.

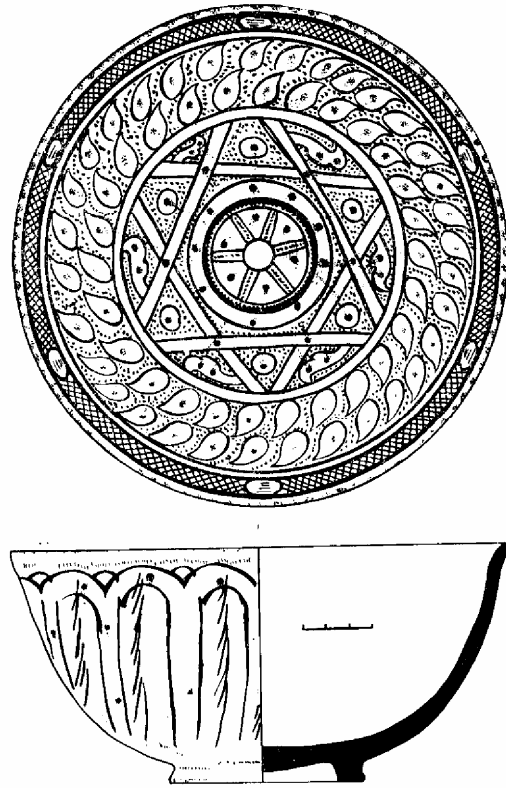
тальный пояс чаши. В вершине каждого луча — миниатюрный рельефный цветок. В каждом медальоне находится изображение цветка лотоса. Между медальонами помещены трехлепестковые цветы. Весь этот сложный по композиции растительный орнамент дополнен бирюзовыми расплывчатыми мазками и синими рельефными точками. Такими же точками оформлен самый край венчика. Помимо Старого Орхея чаши с подобным орнаментом известны в Сарае-Бату¹²³ и Сарае-Берке¹²⁴.

Еще одна чаша орнаментирована следующим образом. Внутреннее поле ее разделено на три орнаментальных пояса. Первый располагался по краю венчика и представлял собой полосу синей диагональной сетки и сверху расцвечен синими рельефными точками. В следующем орнаментальном поясе в шахматном порядке изображены расцвеченные изнутри синими точками четырехлепестковые цветы на точечном фоне. Затем опять идет пояс синей диагональной сетки.

Донная часть отсутствует, поэтому трудно что-либо сказать о ее орнаментации. Снаружи, у самого края венчика, проходит орнаментальный пояс, в виде стилизованной арабской надписи с многократно повторяющимися словом «успех». Буквы рельефные, украшены синими точками и обведены по контуру серо-зеленой линией. Фон между буквами заполнен темными точками. Остальная поверхность чаши украшена радиальными линиями, расцвеченными синими рельефными точками.

Большое количество мелких фрагментов повторяет элементы вышеописанных орнаментов, однако обнаруживаются и другие варианты. Так, например, имеются фрагменты венчиков чаш, у которых есть характерные синие рельефные точки по краю и крайний пояс росписи внешней стороны так же, как и внутренней, украшен полосой синей диагональной штри-

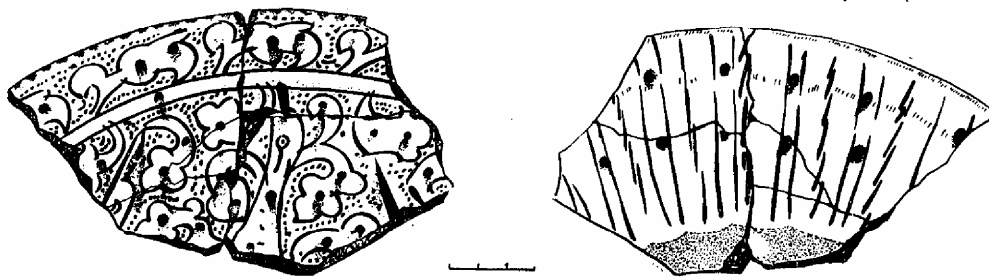
Рис. 36. Кашинная чаша с подглазурной полихромной росписью и рельефом

ховки, расцвеченной бирюзовыми мазками. Некоторые фрагменты с одной стороны украшены полосой синей диагональной штриховки, а с противоположной — рельефными четырехлепестковыми цветами, расцвеченными в центре синей точкой, на фоне волнистых линий, нанесенных зеленым цветом.

Имеются и другие фрагменты венчиков чаш, в орнаменте которых отсутствует полоса синей диагональной штриховки. Край венчика расцвечен рельефными точками. Внутренняя сторона чаш оформлена рельефными трехлепестковыми цветами, выполненными зеленой линией, внешняя — рядом углов, направленных в одну сторону и расположенных между уль-

Рис. 37. Фрагмент тарелки с подглазурной полихромной росписью и рельефом

трамариновыми вертикальными мазками.

Мотив орнаментации точками хорошо известен в керамике Средней Азии в домонгольское время¹²⁵. Верхний орнаментальный пояс чаще всего украшался косой диагональной сеткой. Украшение поясов внутри чаш сеткой, иногда прерывающейся, известно в керамике XII в. в Хорезме¹²⁶.

Иногда орнаментальный пояс венчика украшался рядом углов, направленных в одну сторону. Подобным узором украшалась поливная керамика Закавказья XII—XIII вв.¹²⁷

Рельефный эпиграфический орнамент, украшающий один из орнаментальных поясов и подражающий почерку «куфи», перешел в бытовую керамику из архитектурной, широко использовавшейся в облицовке зданий в странах мусульманского Востока в XII—XIII вв.¹²⁸ Украшение сосудов надписями с пожеланием благ восходит к мусульманской традиции¹²⁹. Они широко распространены в керамике Средней Азии¹³⁰ и Поволжья¹³¹. Очень часто чаши украшались цветком лотоса. Этот восточный мотив использовали золотоордынские мастера¹³².

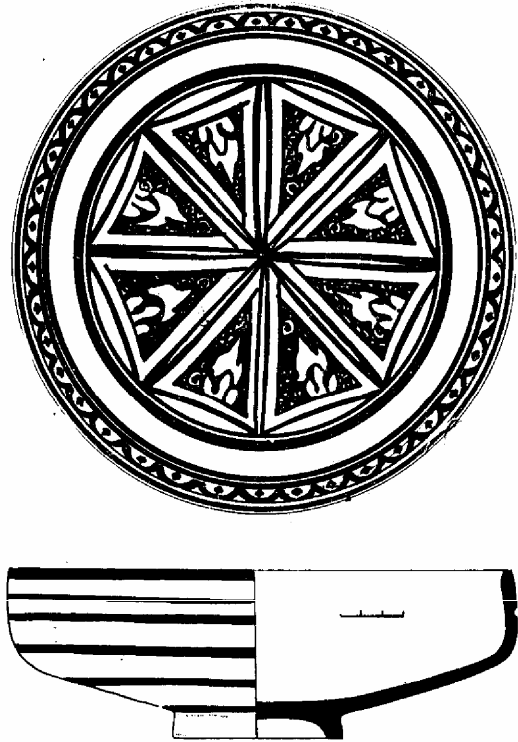
Орнаментальный мотив так называемого «павлиньего глаза» широко применялся при украшении кашинных поливных изделий, он был известен в Средней Азии еще в домонгольский период¹³³. Что касается орнамента в виде шестиугольной звезды, то этот знак встречается в византийской керамике XIII в., но гораздо чаще в му-

сульманском искусстве¹³⁴. Изображение шестиконечной звезды довольно частый орнамент в кашинной керамике Поволжья¹³⁵.

Интерес представляют довольно крупные фрагменты тарелки и пиалобразной чаши, орнаментированные на фоне рельефного растительного орнамента фигурами летящих уток (рис. 37). Рельефные детали рисунка расцвечены темно-синими пятнами, фон заполнен мелким точечным орнаментом. Снаружи поверхность тарелки украшена радиальными прямыми линиями, а чаши — арочным орнаментом, расцвеченным, как и край венчика, синими рельефными точками. Изображение утки на фоне растительного орнамента является самым распространенным мотивом золотоордынских чаш с рисунками животных. Чаши с такими изображениями довольно часто встречаются на золотоордынских городищах Поволжья¹³⁶, Средней Азии¹³⁷.

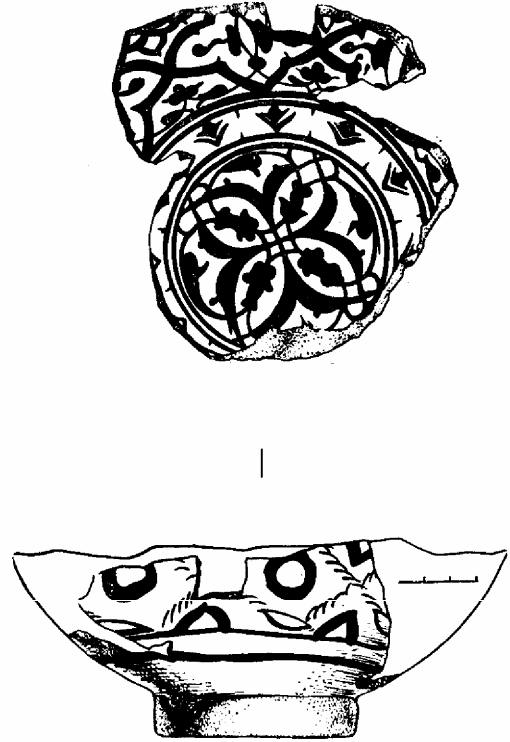
Тип 2. Керамика с полихромной подглазурной росписью без рельефа. Отличительной чертой этого типа керамики от предыдущего является отсутствие рельефа при орнаментации сосудов. Кроме того, в росписи чаще применяется кобальтовая краска. Нередко встречаются целые орнаментальные пояса, выполненные синей глазурью. Изменяется и стиль росписи. Орнамент становится мельче, преобладает растительный мотив. Этот тип керамики представлен пиалобразными чашами и блюдом.

Рис. 38. Блюдо с бесцветной поливой и полихромной росписью

Встречаются фрагменты, расписанные сложным растительным орнаментом в виде переплетающихся стеблей и листьев, с изображением тесно прилегающих друг к другу «головак павлиньих перьев», где от синего круга, как бы насаженного на короткий стебель, лучеобразно расходятся зеленые полосы. Весь рисунок оконтурен зеленой линией и заключен в миндалевидный овал, тоже замыкающийся на стебельке. Сверху в углах между овалами расположены синие треугольники. Венчики чаш окаймлены узкой зеленой полосой и украшены завитками, отделенными друг от друга вертикальными двойными линиями. Каждый участок с завитком расписан кобальтом. «Головки павлиньих перьев» как орнаментальный мотив встречаются в золотоордынской керамике Поволжья¹³⁸, Средней Азии¹³⁹.

Рис. 39. Фрагмент кашинной чаши с бирюзовой поливой и черной росписью

Этот тип кашинной керамики отличается от предыдущего также и тем, что крупные, выделенные рельефом надписи заменяются мелким белым письмом (насхом). Надписи сильно стилизованные, нечитаемые. Аналогичные надписи известны в керамике Поволжья¹⁴⁰.

В орнаментации наружных сторон чаш используются радиально расположенные, сомкнутые по три кобальтовые линии, сочетающиеся с точками; широкие треугольники, выполненные синей краской в сочетании с пересекающимися волнообразными линиями.

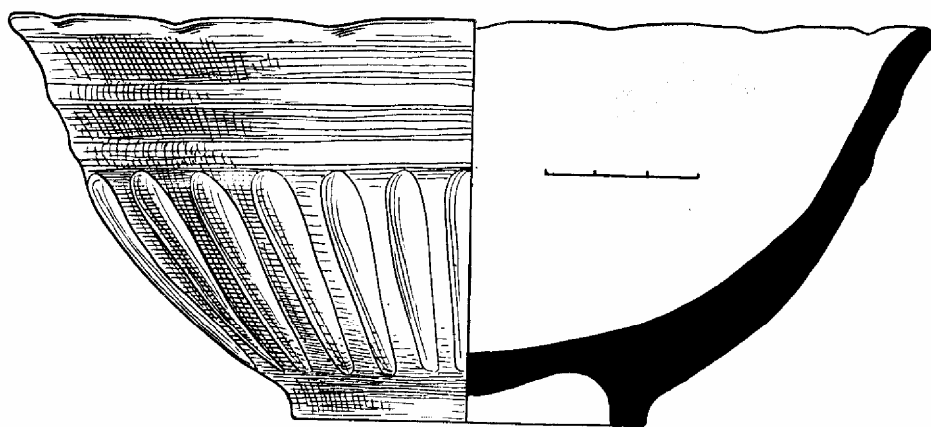
Интерес представляет блюдо (рис. 38). При его украшении применен радиальный орнамент, известный в керамике Поволжья¹⁴¹. Внутреннее поле его занято десятилепестковой розеткой. Каждый листок со слегка вог-

нутыми краями обозначен двойной линией и расписан мелким растительным орнаментом. Розетка и переход к вертикальному бортику подчеркнуты concentрическими окружностями. Сам бортик орнаментирован полусферическими арочками и трилистниками. Рисунки оживлены бирюзовыми мазками. Снаружи блюдо украшено параллельными горизонтальными линиями.

чительно удачным сочетанием цветов для раскраски. Роспись производилась исключительно кобальтом, который под бирюзовой поливой приобретал черный цвет¹⁴⁷.

Прообразом керамики этого типа являлись так называемые «сикуло-арабские» люстровые фаянсы, широко известные в мусульманском Египте, Иране, Сирии и в Армении¹⁴⁸. Сосуды

Рис. 40 а. Кашинная чаша со светло-зеленой поливой

Группа II. Керамика с бирюзовой глазурью

Она характерна для восточной керамики — Египта, Ирана, Передней и Центральной Азии, Туркестана¹⁴²; широко применялась в строительной керамике Средней Азии и Ирана¹⁴³. Окрашивание глазури производилось окисью меди с добавлением олова¹⁴⁴.

Среди кашинной поливной керамики с бирюзовой поливой из Старого Орхея выделяются следующие типы.

Тип 1. Керамика с бирюзовой поливой и черной росписью. Широко представлена среди поливной кашинной посуды Поволжья¹⁴⁵, Средней Азии¹⁴⁶, в большом количестве встречается и среди кашинных изделий Старого Орхея. Столь широкое распространение посуды этого типа, по всей вероятности, объясняется исклю-

украшались надписями или же орнаментом арабесково-растительного характера. Узор наносился без рельефа, но в отдельных случаях некоторые элементы орнамента выделялись легким рельефом. К этому типу кашинной керамики относятся два сосуда из Старого Орхея. Чаша по внутренней стороне украшена крупным стилизованным цветком со сложным переплетением лепестков, заключенным в ряд concentрических окружностей. Снаружи чаша орнаментирована треугольными и овальными фигурами, сочетающимися с волнообразными линиями (рис. 39). Второй сосуд относится к типу ваз. Наружную нижнюю часть корпуса вазы занимает ряд удлиненных арочек. Место перегиба подчеркнуто двумя concentрическими линиями. Плечики орнаментированы по секторам, границами которых являют-

ся конические налелы. Арабская стилизованная надпись «успех», каждый знак которой обведен контуром из мелких точек, чередуется с крупным точечным орнаментом (точки расположены по четыре, образуя миниатюрные ромбики). Конические налелы также украшены точками, а у основания оконтурены черным кругом. По венчику идут две концентрические полосы, пространство между которыми заполнено вертикальными линиями. Край венчика покрыт широкой черной полосой. Внутри орнаментирована лишь часть, доступная для обозрения. Дно подчеркнуто двойной линией, обрамленной рядом радиально поставленных «стрелок». Поле круга разделено на 8 секторов, внутри каждого повторяющаяся стилизованная, арабская надпись «успех». По характеру росписи и форме сосуд из Старого Орхея находит аналогии среди посуды Воденского городища¹⁴⁹, Шемаха-Калы¹⁵⁰, Куя-Ургенча¹⁵¹, Маджара¹⁵².

На некоторых фрагментах посуды выявлено совершенно иное сочетание узора. Например, венчики чаш украшены рядом углов, направленных в одну сторону. Подобный орнамент часто использовался в XII—XIII вв. в поливной керамике Закавказья¹⁵³. Имеются фрагменты изделий, украшенные мелкими четырехлепестковыми цветками, точечным орнаментом, крупными запятыми или же изображением «птичек-крестиков», расположенных в шахматном порядке. Аналогичные орнаментальные мотивы встречаются на поливной посуде Хорезма¹⁵⁴ и Поволжья¹⁵⁵.

Тип 2. Керамика с зеленой подглазурной росписью. В Старом Орхее этот тип кашинной керамики представлен лишь несколькими фрагментами, украшенными растительным орнаментом. По мнению Н. М. Булатова, он является испорченным вариантом классической для средневекового Востока керамики с бирюзовой поливой и черной росписью¹⁵⁶.

Тип 3. Керамика, украшенная подглазурным рельефом. Представлена незначительным числом фрагментов. Рельеф образовывался путем утолщения слоя кашина, приобретаая вид эпиграфического декора. Подобная керамика встречается в Поволжье¹⁵⁷ и средневековом Хорезме¹⁵⁸.

Тип 4. Керамика с бирюзовой поливой без росписи и рельефа. Известна лишь по отдельным фрагментам. Характерна для всех городищ золотоордынского времени Нижнего Поволжья¹⁵⁹ и Хорезма¹⁶⁰.

Группа III. Керамика с ультрамариновой поливой

Ультрамариновый цвет поливы достигался введением кобальта¹⁶¹. Эта группа керамики немногочисленна и представлена лишь несколькими фрагментами стенок сосудов. Ультрамариновая полива наносилась в сочетании с бирюзовой. Внешняя сторона стенок сосудов покрыта ультрамариновой глазурью, внутренняя — бирюзовой. Подобная керамика известна на памятниках Поволжья¹⁶².

Подотдел II. Керамика с опаконной поливой

Группа I. Керамика со светло-зеленой поливой

Эта группа по цвету поливы подражает знаменитым мартабани (селадонам)¹⁶³. Эффект подражания достигался путем введения в состав стекла окиси меди с последующим заглушением их окисью олова¹⁶⁴.

Тип керамики со светло-зеленой поливой без росписи. В Старом Орхее представлена паллообразной чашей (рис. 40). Край чаши оформлен фестонами, типичными для китайских селадонов¹⁶⁵, а наружная сторона ук-

рашена легким рельефным орнаментом в виде мелких, но широких желобков. Такие сосуды известны в Поволжье¹⁶⁶, в подъемном материале с Шемаха-Калы, Замахшара, Ургенча, Ярбекира и других городов Хорезма¹⁶⁷.

Группа II. Керамика с ультрамариновой поливой

Тип керамики с полихромной надглазурной росписью по ультрамариновой поливе. Представлена среди кашинных изделий Старого Орхея лишь несколькими мелкими фрагментами. Стилизованный растительный орнамент выполнен тонкими линиями белой краски, сочетающейся с золочением, обведенными красным контуром. Подобный тип кашинных изделий повсеместно встречается в Поволжье¹⁶⁸.

Рассмотрев все типы красноглиняной и кашинной керамики, найденной в результате археологических исследований 1968—1978 гг. в Старом Орхее, можно с уверенностью сказать, что она была высокого качества, отличалась разнообразием форм, глазури, декоративных приемов и орнаментальных мотивов. Комплекс красноглиняной поливной посуды складывался в Старом Орхее на основе традиций ремесленников Крыма, Закавказья и Византии. Причем эти влияния довольно четко прослеживаются на отдельных группах и типах керамики.

В палитре красок орхейской керамики главное место занимает зеленая полива наряду с коричневой, желтой и бесцветной. Бирюзовой поливой изделия покрывались очень редко. Форма, ассортимент керамических изделий, а также орнаментальные мотивы находят близкие аналогии в крымской, закавказской, византийской и поволжской посуде, однако они не являются простым подражанием и по-своему оригинальны. В производ-

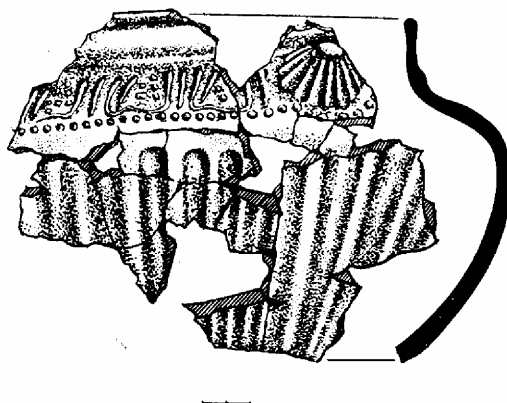

Рис. 40 б. Фрагмент кашинной чаши с ультрамариновой и бирюзовой поливой

стве поливной керамики Старого Орхея, по всей вероятности, участвовали и местные мастера, что объясняет появление новых форм посуды, новых орнаментальных мотивов и композиций.

Кашинная поливная керамика из Старого Орхея находит самые близкие аналогии среди кашинных изделий Поволжья как по форме посуды, так и способу нанесения орнамента, гамме красок. Особенно это относится к керамике с подглазурной росписью и рельефом, отдельные детали орнамента которой своеобразны, но в общем очень близки сарайской посуде.

В археологической литературе утвердилось мнение, что производство кашинной керамики в Золотой Орде возникло на традициях и элементах, принесенных из Ирана, с Кавказа и из Средней Азии¹⁶⁹. Стиль кашинных изделий сложился в Поволжье и затем распространился в золотоордынские центры Днестровско-Прутского междуречья. Нет сомнения, что основная масса поливной посуды в городах Золотой Орды является продукцией местного производства¹⁷⁰, однако пока не установлено, в каждом ли золотоордынском городе она производилась. Так, например, в Старом Орхее, до

сих пор не найдено производственного комплекса по изготовлению кашинной керамики, хотя в одном случае обнаружено изделие со следами брака. Поэтому вопрос о том, была ли поливная кашинная керамика в Старом Орхее местного изготовления или же привозной, остается пока открытым.

Несомненно, по совершенству керамического производства Старый Орхей, не имевший традиций в поливном керамическом ремесле, уступает культурным центрам Крыма, Закавказья, Средней Азии, но для города, период существования которого длился около двух десятилетий, уровень развития этого вида ремесла довольно высок.

3. ИЗ ИСТОРИИ МОНЕТНОГО
ОБРАЩЕНИЯ В СТАРОМ ОРХЕЕ
В XIV В.

Среди материалов, добытых за время многолетних археологических изысканий в Старом Орхее¹, определенный интерес представляют находки монет. Они не только помогают датировать соответствующие комплексы археологических находок, но и, в известной мере, проследить эволюцию монетного обращения.

В данном разделе не затрагиваются какие-либо частные вопросы узко нумизматического плана или источниковедческого характера². Цель его — обобщить данные о монетных находках (XIV в.), относящихся к домолдавскому периоду и обнаруженных на территории городища за время его более чем тридцатилетних археологических исследований.

Не останавливаясь специально на рассмотрении вопросов, связанных с историей исследований монетных находок, равно как и на историографическом обзоре соответствующих работ, необходимо отметить, что большой вклад в изучение этих находок внесли исследования Л. Л. Полевого³, С. А. Яниной⁴ и Г. А. Федорова-Давыдова⁵. Некоторые материалы о находках опубликованы автором этих строк⁶.

Ко времени подготовки настоящей книги нумизматическое собрание из Старого Орхея насчитывало 926 монет XIV в.⁷: из них 918 экз. (99,14%) — джучидские, к которым примыкает одна индийская (0,10%) и 7 европейских монет (0,75%). По своему составу (эмитентам, металлу, месту и времени чекана и соответствующему количеству экземпляров)⁸ находки джучидских монет распределяются в следующем порядке.

Анонимный чекан (с тамгою дома Бату в треугольной рамке) без места и без года (2).

Токта (1290—1313): серебро, Сарай ал-Махруса 710 г. х⁹.

Узбек (1313—1339): серебро, Сарай 714(3), 715, 717(2), 734(2), год стерт, Сарай ал-Махруса 722(2).

Джанибек (1339—1357): серебро, Сарай ал-Джедид 746(2), 747(4), 748, 749(2), 751(3), 752(2), 753(3), Гюлистан 752(2), медь, Сарай ал-Джедид 751(27), 752(36), 753(43), Барджин 753, стерты (67).

Анонимный чекан (середины XIV в.): медь, Сарай ал-Джедид 751(28), 752(106), 753(53), 760(4), 761(19), без года (39), стерты (102).

Бердибек (1357—1360): серебро, Сарай ал-Джедид 759, 760(3), Гюлистан 760(2).

Хызр (1359—1361): медь, Сарай ал-Джедид 762(6), Гюлистан 762(3).

Кильдибек (1361—1362): серебро, Азак 762, Сарай ал-Джедид 762, медь, Сарай ал-Джедид 762(14), Азак 762(2), 763.

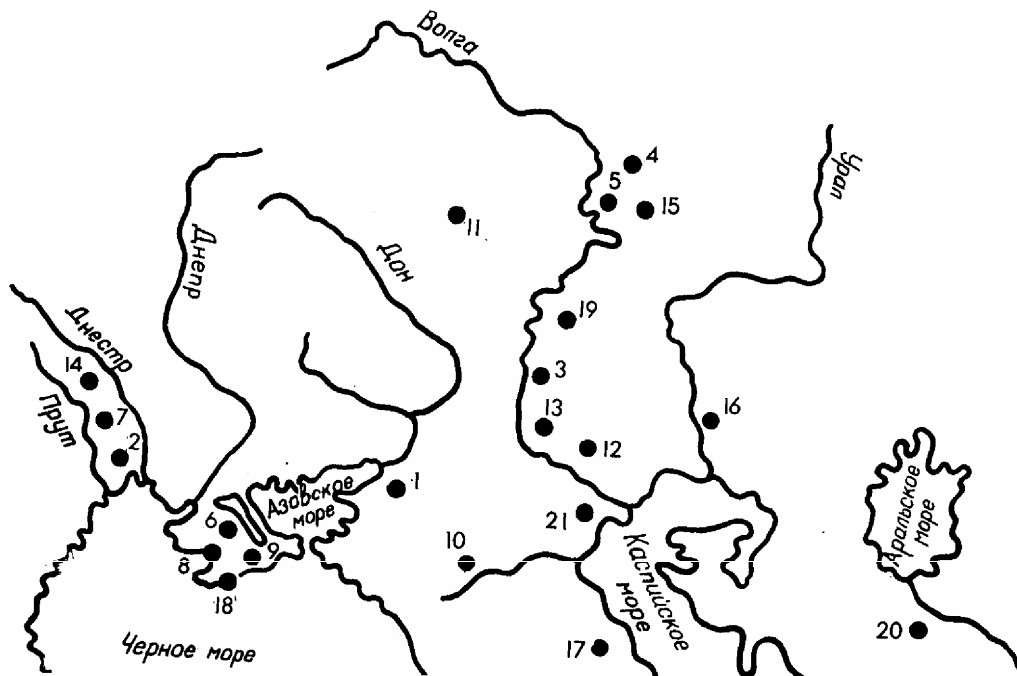
Азиз (1364—1367): серебро, Сарай ал-Джедид 768.

Абдуллах (1362—1369): серебро, Сарай ал-Джедид 764(2), Азак 764(5), 765(3), 767(3), Шехр ал-Махруса 765(3), медь, Азак, год чекана стерт (2).

Рис. 41. Важнейшие центры Золотой Орды:

(по материалам В. Л. Егорова)

1—Азак; 2—Аккерман; 3—Бельжамен; 4—Виляр; 5—Булгар; 6—Крым; 7—Косташты; 8—Кырх Ер; 9—Кафа; 10—Маджар; 11—Мохша; 12—Сарай; 13—Сарай ал-Джедид; 14—Шехр ал-Джедид; 15—Сувар; 16—Сарайчик; 17—Серир; 18—Судак; 19—Укек; 20—Ургенч; 21—Хаджи-Тархан

Местный чекан «Нового города»: серебро, Янги-Шехр 765, Шехр ал-Джедид 767(2), 769, медь без года (252).

Неопределенные (плохая сохранность, фрагменты): серебро (3), медь (48).

Наиболее ранними экземплярами джучидской группы находок являются медные монеты анонимного чекана, датируемые С. А. Яниной периодом между 1280—1310 гг.¹⁰ и отнесенные ею ко времени правления Токты¹¹, выпуск которых продолжался вплоть до его унификационной денежной реформы 710 г. х. (1310/1311)¹².

Наиболее поздним экземпляром является серебряная монета «Нового города», датированная 769 г. х. (1367—1368 гг.).

Таким образом, группа находок джучидских монет охватывает время

от последних лет правления Токты¹³ и почти до конца периода правления Абдуллаха. Анализ находок показывает, что если время прекращения притока джучидских монет в Старый Орхей уверенно датируется 769 г. х., то период их первоначального проникновения вряд ли можно отнести к последним годам правления Токты. Об этом свидетельствует не только ничтожно малое число находок монет Токты в Старом Орхее, но и амплитуда хронологического диапазона их хождения на денежных рынках Золотой Орды¹⁴ (монеты Токты неоднократно зарегистрированы даже в составе кладов, зарытых в XV в.¹⁵). На маловероятность синхронного проникновения монет Токты в Старый Орхей указывают исследования С. А. Яниной на Царевском городище¹⁶, где прослеживается аналогичная Старому

Орхею ситуация с находками монет этого хана¹⁷. (Известно, что Новый Сарай был основан в начале 30-х гг. XIV в., во всяком случае — не ранее второй половины периода правления Узбека¹⁸.)

За исключением Аккерманского¹⁹, Узунбаирского²⁰ и Оцеленского²¹ кладов (тезаурированных не ранее 699 г. х. и связанных, по всей вероятности, с международными транзакциями Золотой Орды и черноморско-дунайским торговым трактом) и незначительного числа находок отдельных экземпляров монет Тула-Буги и Токты в составе инвентаря ряда кочевнических погребений²², статистические данные о находках монет в Днестровско-Карпатском регионе²³ указывают, что, по сути дела, до начала XIV в. в названном ареале вообще

рого десятилетия XIV в. Однако неприемлемость подобной гипотезы становится очевидной, если учесть, что за все годы археологических изысканий в Старом Орхее не обнаружено ни одного экземпляра медных монет, относящихся к эмиссиям Узбека. Таким образом, отсутствие находок медных монет Узбека не позволяет отнести начало притока джучидской монеты в Старый Орхей ко времени его правления. Это подтверждают исследования С. А. Яниной²⁶ и Г. А. Федорова-Давыдова²⁷ на золотоордынских памятниках.

О начале регулярного притока джучидских монет в Старый Орхей можно с уверенностью говорить лишь со второй половины 40-х гг. XIV в., когда наряду с серебряной появилась и медная «общегосударственная» зо-

Рис. 42. Токта (1290—1313): серебро, Сарай ал-Махруса 710 г. х. (по материалам С. А. Яниной)

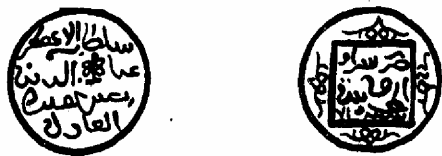

Рис. 43. Узбек (1313—1339): серебро, Сарай 722 г. х.

нельзя вести речь о каком-либо денежном обращении в полном смысле этого слова²⁴.

Формально о начале какого-то притока джучидских монет в Старый Орхей (как, впрочем, и на остальную территорию Днестровско-Прутского междуречья) можно было бы говорить лишь с времен правления Узбека. Однако незначительное число находок этих монет, равно как и длительность их хождения во времена правления последующих ханов²⁵, не дают оснований для подобных утверждений. Если все же гипотетически допустить подобную вероятность, то в этом случае началом периода прилива джучидской монеты в Старый Орхей следовало бы признать середину вто-

лотоордынская монета столичного чекана²⁸. По-видимому, только с этого времени можно считать, что в Старом Орхее уже существовал торговоремесленный городской центр золотоордынского облика²⁹. По мнению С. А. Яниной, детально изучившей находки джучидских монет из Старого Орхея, возникновение этого золотоордынского торгового центра на Реуте следует отнести к концу периода правления Джанибека³⁰. К аналогичному выводу приводят также исследования Г. Д. Смирнова³¹, Л. Л. Полевого³² и В. Л. Егорова³³.

Статистика находок показывает, что 59,25% общего числа джучидских монет в Старом Орхее составляют эмиссии периода правления Джанибе-

ка, при этом наибольшее количество находок приходится на начало 50-х гг. XIV в. Очевидно, этот пик наибольшей интенсивности прилива джучидских монет в Старый Орхей указывает на время подъема его экономического развития в золотоордынский период.

Судя по находкам монет, отмеченный период «просперити» был весьма непродолжительным: после 753 г. х. (1352/1353) приток монет в Старый Орхей резко сократился, упав до уровня 8,27% от общего числа находок джучидских монет. Начавшаяся после убийства Джанибека феодаль-

дившего регулярный выпуск легальной (региональной) монетной продукции, известной под именем эмиссий монет «Нового города», породивших ряд подражаний их законным оригиналам³⁶.

До недавнего времени монеты «Нового города» (и их подражания) оставались, по сути дела, совершенно неизученными, равно как и продолжал оставаться открытым вопрос о локализации этого неведомого золотоордынского города³⁷. С. А. Янина, впервые в исторической науке исследовавшая монеты этого загадочного золотоордынского «Нового города»,

Рис. 44. Джанибек (1339—1357): серебро, Сарай ал-Джедид 752 г. х.

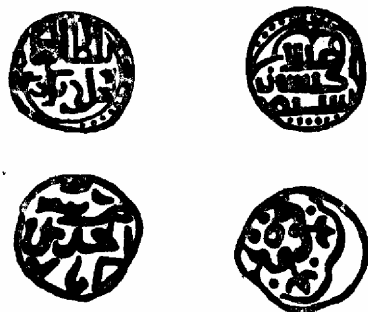

Рис. 45. Джанибек (1339—1357): медь, Сарай ал-Джедид 752 г. х.

ная междоусобица, по-видимому, нарушила установившиеся было нормальные экономические связи между западной окраиной³⁴ джучидских владений с остальным золотоордынским миром, что, в свою очередь, привело к нерегулярному приливу и резкому сокращению притока джучидской монеты из традиционных «общегосударственных» монетных центров Золотой Орды. Острая потребность в текущей мелкой монете, очевидно, вначале вызвала к жизни появление ряда локальных имитаций медным столичным эмиссиям³⁵, а впоследствии привела к возникновению местного официального монетного двора, нала-

Рис. 46. Анонимный чекан, медь, Сарай ал-Джедид 753 г. х.

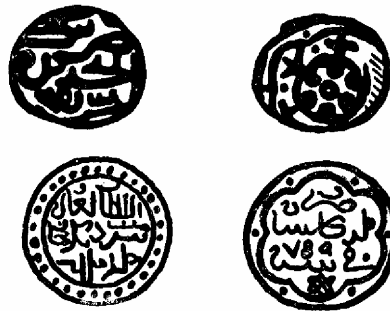

Рис. 47. Бердибек (1357—1360): серебро, Гюлистан 759 г. х. (по материалам С. А. Яниной)

со всей убедительностью доказала, что его локализация, несомненно, связана с городищем Старый Орхей³⁸. Разработав типологию и хронологию монет «Нового города», она пришла к заключению, что это наименование появляется на джучидских монетах только лишь во времена правления Абдуллаха и что эмиссионная деятельность монетного двора «Нового города» продолжалась не более пяти лет — с 765 г. х. (1363/1364) по 769 г. х. (1367/1368)³⁹. По определению С. А. Яниной, кратковременный расцвет городской жизни в Старом Орхее связан с приходом Абдуллаха, который, судя по монетам, оставался

в здешних краях не более двух лет (765—766 гг. х.)⁴⁰.

Анализ штемпелей монет «Нового города» и компаративное изучение джучидских монет ряда других монетных дворов Золотой Орды позволили С. А. Яниной установить, что, хотя резчики монетных штемпелей «Нового города» откочевали вместе с ханом, покинув пределы Днестровско-Прутского региона на рубеже 766/767 г. х. (продолжив свою деятельность в походном монетном дворе Абдуллаха, известного под названием «Орды»), тем не менее «Новый город» продолжал оставаться «татарским», о

ческих исследованиях в Белгороде-Днестровском⁴⁴.

Находки наиболее поздних монет «Нового города» в Старом Орхее — равно как и на остальной территории Днестровско-Прутского междуречья⁴⁵ (так и вне его пределов)⁴⁶ — датированы 769 г. х. Очевидно, эта дата может служить условно указанием на конец золотоордынского периода в истории Старого Орхее. Во всяком случае, за исключением единственного экземпляра серебряной монеты Абдуллаха из состава Сесенского клада, чеканенной в Азаке в 770 г. х.⁴⁷, на территории Днестровско-Прутского ре-

Рис. 48. Хызр (1359—1361): медь, Гюлистан 762 г. х. (по материалам С. А. Яниной)

Рис. 49. Кильдибек (1361—1362): медь, Азак 763 г. х.

Рис. 50. Азиз (1364—1367): серебро, Гюлистан 767 г. х. (по материалам С. А. Яниной)

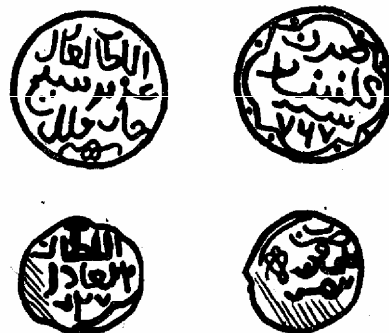

Рис. 51. Абдуллах (1362—1369): серебро, Шехр ал-Махруса 767 г. х.

чем свидетельствуют выпущенные на его монетном дворе оригинальные типы⁴¹ джучидских монет в течение последующих трех лет⁴².

Некоторое представление о масштабах монетной продукции «Нового города» могут дать находки этих монет в Старом Орхее, составляющие 28,1% общего числа находок джучидских монет. На территории Днестровско-Прутского региона медные монеты «Нового города» зарегистрированы также при раскопках остатков золотоордынского города в окрестностях с. Костешты⁴³ и при археологи-

гиона до сего времени не зарегистрировано ни одной достоверной находки джучидской монеты, поступившей в указанный ареал позднее обозначенной даты⁴⁸. Эти обстоятельства позволяют наметить 770 г. х. (1368/1369) как рубеж, указывающий на конец периода господства Золотой Орды на территории Днестровско-Прутского региона⁴⁹. Таким образом, находки джучидских монет в Старом Орхее не только позволили локализовать загадочный золотоордынский «Новый город», но и уточнить хронологические рамки его истории⁵⁰.

К группе джучидских монет вплотную примыкает единственная в Старом Орхее находка золотой индийской монеты середины XIV в. (Махмуд II: танка, чекан Дели 752 г. х. (1351/1352)⁵¹. По данным Г. А. Федорова-Давыдова, в денежном обращении Золотой Орды в XIV в. имели хождение крупные индийские монеты — динары Патанских султанов Дели⁵². Находки таких монет неодно-

региона находка аналогичного экземпляра зарегистрирована в составе Брэштского монетно-вещевого клада, тезаврированного на рубеже XIV и XV вв.⁵⁵ Этой монетой, замыкающей круг находок джучидских монет в Старом Орхее, завершается обзор монетных находок, относящихся к золотоордынскому периоду его истории.

Как уже отмечалось выше, за годы исследований в Старом Орхее об-

Рис. 52. Абдуллах (1362—1369): серебро, Янги-шехр ал-Махруса 766 г. х. (увеличено)
(по материалам С. А. Яниной)

Рис. 53. Абдуллах (1362—1369): серебро, Шехр ал-Джедид ал-Махруса 767 г. х. (увеличено)
(по материалам С. А. Яниной)

Рис. 54. Шехр ал-Джедид, медь

Рис. 55. Подражание медным монетам Шехр ал-Джедид

кратно зафиксированы в Нижнем Поволжье⁵³. Они свидетельствуют о наличии торговых связей Золотой Орды с Индией в XIV в.⁵⁴ По-видимому, найденная в Старом Орхее индийская золотая монета попала в «Новый город» из Поволжья в наиболее интенсивный период притока джучидской монеты в начале 50-х гг. XIV в. В этой связи можно отметить, что на территории Днестровско-Карпатского

наружено всего 7 европейских монет XIV в. По своему составу они распределяются в следующем порядке:

Чехия. Иоанн (Ян) I Люксембургский (1310—1346): грош. Вацлав IV (1378—1419): грош (4).

Галицкая (Червонная) Русь. Казимир III (1333—1370): денарий (2).

Европейские монеты XIV в., обнаруженные за весь более чем тридцатилетний период археологических ис-

Таблица 1
Распределение находок джучидских монет из Старого Орхея по эмитентам

Эмитент	Количество, экз.	%-е отношение к общему числу находок джучидских монет	Время эмиссий, или период правления
Аноним	2	0,22	1280—1310
Токта	1	0,11	1290—1313
Узбек	11	1,20	1313—1339
Джанибек	193	21,02	1339—1357
Аноним	351	38,23	40-е—начало 50-х гг. XIV в.
Бердибек	6	0,65	1357—1360
Хызр	9	0,98	1359—1361
Кильдибек	19	2,07	1361—1362
Азиз	1	0,11	1364—1367
Абдуллах	18	1,96	1362—1369
Аноним*	256	27,89	1365—1369
Неопределенный	51	5,55	XIV в.

* Чекан «Нового города».

следований в Старом Орхее, настолько незначительны, что не дают оснований вести речь о существовании какого-то монетного обращения на территории городища в послезолотоордынский период его истории⁵⁶. Вместе с этим отсутствие критериев, позволяющих, хотя бы с какой-то минимальной долей уверенности, полагать, что перечисленные находки монет попали на территорию городища действительно в XIV в. (а не в XV в.), не позволяет говорить о монетном обращении в Старом Орхее в послезолотоордынский период. Следует отметить,

* Из 918 экз. джучидских монет, найденных на городище, год чекана обозначен на 402 экз. (43,79%). Указанное число принято условно в таблице за 100%.

К общему числу монет (516 экз.), на которых год чекана отсутствует или не поддается датировке (стерт) и которые не вошли в настоящую таблицу, отнесены: анонимный чекан (680—710(2)), Узбек (1), Джанибек (67), анонимный чекан середины XIV в. (141), Абдуллах (2), анонимный локальный чекан «Нового города» (252) и неопределенные (51).

Таблица 2
Распределение находок джучидских монет из Старого Орхея по годам чекана*

Год чекана и количество монет (в скобках)	%
710	0,25
714(3)	0,75
715	0,25
717(2)	0,50
722(2)	0,50
734(2)	0,50
746(2)	0,50
747(4)	0,99
748	0,25
749(2)	0,50
751(58)	14,43
752(146)	36,32
753(100)	24,87
759	0,25
760(9)	2,24
761(19)	4,73
762(27)	6,72
763	0,25
764(7)	1,74
765(7)	1,74
767(5)	1,24
768	0,25
769	0,25

Таблица 3
Распределение находок джучидских монет из Старого Орхея по месту и времени чекана

Место чекана	Количество монет и % (в скобках)	Год чекана и количество экземпляров (в скобках)
Крым	2(0,22)	680—710(2)
Сарай (ал-Махруса)	12(1,31)	710, 714(3), 715, 717(2), 722(2), 734, год стерт (2)
Сарай (ал-Джесид)	400(43,57)	746(2), 747(4), 748, 749(2), 751(58), 752(144), 753(99), 759, 760(7), 761(19), 762(21), 764(2), 768, без года (39)
Гюлистан	7(0,76)	752(2), 760(2), 762(3)
Барджин	1(0,11)	751(1), 762(3), 763, 764(5), 767(3),
Азак	17(1,85)	год стерт (2)
Шехр ал-Джедид (Янги-Шехр)		762(2), 765(4), 769,
(Шехр ал-Махруса)	259(28,21)	без года (252)
Стерто	169(18,41)	40-е—начало 50-х гг. XIV в.
Неопределенные	51(5,55)	XIV в.

что (за исключением Маморницкого клада, относящегося, по сути дела, к Буковине) на территории Днестровско-Прутского междуречья пока еще не найдены клады, зарытые в последней четверти XIV в., которые позволили бы судить о составе и характере денежного обращения в этом регионе в указанное время.

На территории Пруто-Карпатского региона известен всего лишь единственный пока случай находки пражских грошей Иоанна I в составе Сиретского клада, тезаврированного, вероятно, не ранее середины 70-х гг. XIV в.⁵⁷ Находки же чешских грошей Вацлава III (IV) неоднократно зафиксированы в Днестровско-Карпатском ареале в составе кладов, зарытых в землю в XV в.: у г. Сороки⁵⁸, с. Кугурешты⁵⁹, с. Строенцы⁶⁰ и у с. Кырпиць⁶¹. Что касается червоннорусских медных денариев Казимира III, то находки таковых не зарегистрированы в составе кладов, обнаруженных в пределах вышеобозначенного ареала. На

территории последнего известны только находки серебряных червоннорусских полугрошей Казимира III, зарегистрированных в единственном случае — в составе вышеупомянутого Сиретского клада. В составе же денежного обращения Галицкой Руси второй половины XIV—начала XV в. (тесно связанного с северо-восточной частью Молдавского княжества) наряду с местной (червоннорусской) монетой имели широкое хождение и пражские гроши⁶².

Если ко всему сказанному добавить, что за все годы изысканий в Старом Орхее не найдено ни одной молдавской монеты XIV в. (как, впрочем, и на всей остальной территории Днестровско-Прутского междуречья, за исключением малодостоверной находки в Белгороде-Днестровском⁶³), то создается впечатление, что после ухода золотоордынцев из «Нового города» жизнь на городище замерла, а монетное обращение угасло.

Отмеченное обстоятельство

наводит на мысль, что в последней

четверти XIV в. территория Днестровско-Прутского междуречья экономически, вероятно, еще не была полностью освоена Молдавским княжеством⁶⁴, а между бывшим «татарским» «Новым городом» и молдавским «Старым Орхеем» лежал еще, по-видимому, немалый интервал времени⁶⁵. Впрочем, дальнейшие исследования Старого Орхея должны ответить на этот и многие другие вопросы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Установление власти монголо-татар на землях к западу от Днестра произошло не сразу после нашествия 1241—1242 гг., а значительно позже. С 70-х годов XIII столетия границы Золотой Орды заметно расширились, достигнув Нижнего Подунавья.

В 30-х гг. XIV в. во время правления хана Узбека западные границы золотоордынского государства доходили до Дуная. Именно в это время в состав Золотой Орды вошла и центральная лесостепная часть Днестровско-Прутского междуречья.

Начатое при Узбеке большое строительство новых городов — центров ремесла и торговли продолжалось впоследствии и во время правления хана Джанибека. Видимо, результатом этой деятельности является и возникновение во второй половине 40-х гг. XIV в. городов в Днестровско-Прутском междуречье. Одним из них был Шехр ал-Джедид — «Новый город», известный в исторической литературе как Старый Орхей. Он находился на западной окраине Золотой Орды, в районе с преобладанием оседлого славянского населения.

Изучение истории города осложняется вследствие отсутствия каких-либо письменных источников, поэтому основным и самым важным является материал археологических исследований, который позволит охарактеризовать основные элементы материальной культуры на территории Молдавии в период господства Золотой Орды.

Нумизматический материал допускает, что город существовал всего около двух с половиной десятилетий. За этот короткий срок он не застроился полностью. Были заложены фундаменты и возведены стены таких капитальных сооружений, как «караван-сарай», бани, видимо, мечеть и др. Остатки незавершенного строительства этих капитальных сооружений, а также жилищ и мастерских в общих чертах раскрывают топографию города. В центральной части располагались «караван-сарай», на окраинах, на берегу Реута — бани. Производственные сооружения находились как в центральной части, так и на восточной окраине городища, располагаясь отдельными ремесленными кварталами. В их комплекс входили кроме производственных построек различного рода подсобные и хозяйственные сооружения. Капитальные здания и производственные сооружения были окружены жилищами горожан.

Широкое развитие в городе получили ремесла: ювелирное, гончарное, камнерезное и др. Быстрый рост города был обеспечен использованием труда рабов-ремесленников, согнанных сюда из покоренных земель. Наиболее наглядно восприятие различных традиций прослежено в керамическом производстве, оно нашло отражение как в форме посуды, так и в орнаментальных мотивах

и гамме красок, аналогичных керамическим изделиям Крыма, Закавказья, Поволжья, Византии.

Наряду с собственным развитым ремесленным производством «Новый город» — Шехр ад-Джедид поддерживал экономические отношения основными центрами Золотой Орды, о чем свидетельствуют находки медного замка в виде животного, медного блюда с тонким гравированным орнаментом, вставки для перстня из афганской бирюзы, селадоновые и кашинные изделия, а также многочисленные джучидские монеты, относящиеся ко времени правления от Узбека до Абдуллаха включительно.

В связи с ослаблением власти Золотой Орды в Карпато-Днестровских землях из-за внутренней междоусобицы в конце 60-х гг. XIV в. «татарский» город Шехр ал-Джедид, так же, как и другие поселения городского типа золотоордынского облика в этом регионе, прекратил свое существование.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Кантемир Дмитрий*. Описание Молдавии. Кишинев, 1973, с. 21.
- ² ЗООИД, V, ч. II. Одесса, 1850, с. 907.
- ³ *Курдиновский В.* Окрестности Старого Оргева. — Кишиневские епархиальные ведомости, 1906, № 41, с. 1316.
- ⁴ SDO, p. VII—XIX.
- ⁵ Там же, с. XI.
- ⁶ *Смирнов Г. Д.* Археологические исследования Старого Орхея. — КСИИМК, № 56. М., 1954, с. 27—28, рис. 11.
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Смирнов Г. Д.* О работе Молдавской и Пруто-Днестровской археологической экспедиции Института истории АН МССР за 1946—1964 гг. — Известия АН МССР, 1966, № 2, с. 74.
- ⁹ *Смирнов Г. Д.* Археологические исследования в Старом Орхее. — КСИИМК, вып. 56. М., 1954, с. 24—39.
- ¹⁰ *Смирнов Г. Д.* Из истории Старого Орхея. — Известия МФ АН СССР, № 4(70). Кишинев, 1960, с. 77—87.
- ¹¹ Краткую характеристику остатков „караван-сарая I” см.: *Бырня П. П.* Краткие итоги археологических раскопок в Старом Орхее в 1969 году. — АИМ в 1968—1969 гг. Кишинев, 1972, с. 190—191.
- ¹² *Бырня П. П., Щербакова Т. А.* Краткие итоги археологических исследований в Старом Орхее в 1971 г. — АИМ в 1970—1971 гг. Кишинев, 1973, с. 202.
- ¹³ Более подробное описание жилища 12 см.: *Бырня П. П., Щербакова Т. А.* Указ. соч., с. 205—206.
- ¹⁴ Более полную характеристику жилища 15 и найденного в нем материала см.: *Бырня П. П., Щербакова Т. А.* Указ. соч., с. 206—213.
- ¹⁵ *Нудельман А. А.* Монеты из раскопок и сборов 1971—1972 гг. — АИМ в 1972 г. Кишинев, 1974, с. 210.
- ¹⁶ *Полевой Л. Л.* Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в. Кишинев, 1969, с. 20—21.
- ¹⁷ Характеристика жилищ 21 и 25 дается ниже.
- ¹⁸ *Бырня П. П.* Усадьбы ремесленников XIV в. в Старом Орхее. — АИМ в 1972 г. Кишинев, 1974, с. 183—204.
- ¹⁹ *Нудельман А. А.* Указ. соч., с. 210.
- ²⁰ *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1960, с. 33, рис. 6. I—IV «б».
- ²¹ *Нудельман А. А.* Указ. соч., с. 214.
- ²² *Нудельман А. А.* Указ. соч., с. 213.
- ²³ *Федоров-Давыдов Г. А.* Указ. соч., с. 12, рис. 1.
- ²⁴ *Нудельман А. А.* Указ. соч., с. 211.
- ²⁵ *Бырня П. П.* Ювелирная мастерская XIV в. из Старого Орхея. — АИМ в 1973 г. Кишинев, 1974, с. 229—240.
- ²⁶ *Нудельман А. А.* Указ. соч., с. 214.
- ²⁷ *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. — МИА, 65. М., 1959, с. 82.
- ²⁸ *Федоров-Давыдов Г. А.* Указ. соч., с. 36, рис. 6.
- ²⁹ *Якубовский А. Ю., Греков В. Д.* Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, с. 148—149.
- ³⁰ *Давыдова А. В.* Иволгинское городище. — СА, XXV, 1950, с. 265.
- ³¹ *Егоров В. Л.* Жилища Нового Сарая. — В кн.: Поволжье в средние века. — МИА, № 164. М., 1970, с. 185—187.
- ³² Там же, с. 173.
- ³³ Там же, с. 173—174.
- ³⁴ *Чеботаренко Г. Ф., Бырня П. П.* Археологические раскопки у с. Бравичены в

- 1956 г. — Известия МФ АН СССР, 1960, № 4(70), с. 45—50.
- ²⁵ Там же, с. 47—48, рис. 3.
- ²⁶ Описание этих керамических изделий дано в следующей главе.
- ²⁷ *Левашов В. П.* Костяные изделия из Кара-Корума. Древние монгольские города. Л., 1965, с. 308—309.
- ²⁸ *Полевой Л. Л.* Указ. соч., с. 92, 97, табл. 20.
- ²⁹ Развал тандыра 7 обнаружен в сооружении 6, а тандыра 8 — в сооружении 12.
- ³⁰ *Рикман Э. А.* Раскопки на городище у с. Костешты. — Известия МФ АН СССР, 1955, № 5(25), с. 100.
- ³¹ *Дмитров П.* Білгород-Дністровська археологічна експедиція. — В кн.: Археологічні пам'ятники УРСР, т. II. Київ, 1949, с. 45—46; *Он же.* Розкопки в м. Білгород-Дністровському в 1947 г. — В кн.: Археологічні пам'ятники УРСР, т. IV. Київ, 1952, с. 60—61; *Рабинович М. Г.* Исследование средневековых слоев Белгород-Днестровского в 1954 и 1958 гг. — КСИА, вып. 113. М., 1968, с. 105.
- ³² *Якобсон А. Л.* Раскопки на городище Орен-Кала в 1953—1955. — МИА, № 67, 1959; *Бочорошвили Л.* Грузинская керамика. Тбилиси, 1949, с. 130—149; *Лисициан С. Д.* Из материалов по изучению жилища Армении. Тифлис, 1937, 1, с. 138—139.
- ³³ *Егоров В. Л.* Указ. соч., с. 189.
- ³⁴ *Воеводский М.* К истории гончарной техники народов СССР. — Этнография, 1930, № 4, с. 65.
- ³⁵ *Куфтин Б. А.* Жилища крымских татар в связи с историей заселения полуострова. Мемуары этнографического отделения общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1925, с. 206—207, 217.
- ³⁶ *Полевой Л. Л.* Указ. соч., с. 94.
- ³⁷ *Егоров В. Л.* Указ. соч., с. 189.
- ³⁸ *Бырня П. П.* Памятники культуры молдаван (XV—XVII вв.). Древняя культура ра Молдавии. Кишинев, 1974, с. 176.
- ⁴ *Полевой Л. Л.* Указ. соч., с. 147—148.
- ⁵ Там же, с. 169, табл. XXXVI, 1, 5, 6.
- ⁶ *Смирнов Г. Д.* Археологические исследования Старого Орхея. — КСИА, вып. 56. М., 1954, с. 24—40.
- ⁷ Там же, с. 36.
- ⁸ *Бырня П. П., Щербакова Т. А.* Краткие итоги археологических исследований в Старом Орхее в 1971 г. — В кн.: Археологические исследования в Молдавии. Кишинев, 1974, с. 199—216.
- ⁹ *Бырня П. П.* Усадьбы ремесленников XIV в. в Старом Орхее. — В кн.: Археологические открытия в Молдавии. 1972. Кишинев, 1974, с. 196; *Бырня П. П.* Ювелирная мастерская XIV в. из Старого Орхея. — В кн.: Археологические исследования в Молдавии. 1973. Кишинев, 1974, с. 235.
- ¹⁰ *Бырня П. П., Абызова Е. Н.* Кашинная поливная керамика из Старого Орхея. 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Тезисы докладов юбилейной конференции. Киев, 1975, с. 175—176.
- ¹¹ *Булатов Н. М.* Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов. — СА, 1968, № 4; *он же.* Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов. — В кн.: Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.
- ¹² *Макарова Т. И.* Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси. — САИ, вып. Е1-38. М., 1967, с. 18.
- ¹³ *Станчев С.* Домашната керамика от Преслав. Разкопки и проучвания, III. София, 1949, с. 138—139, обр. 19, 1.
- ¹⁴ *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес. — МИА, № 17, 1950, с. 112, рис. 75. I.
- ¹⁵ *Майсурадзе З.* Грузинская художественная керамика. Тбилиси, 1954, табл. 27; *Кафадарян К.* Двин и его раскопки, I. Ереван, 1952, с. 141, табл. 40, рис. 191; *Якобсон А. Л.* Указ. соч., с. 114, рис. 79. 1, 2; *Наджафова Н.* Художественная керамика Азербайджана XII—XV вв. Баку, 1964, с. 22.
- ¹⁶ *Якобсон А. Л.* Указ. соч., с. 112, рис. 75. 3.
- ¹⁷ Там же, с. 113, рис. 80.6.
- ¹⁸ *Булатов Н. М.* Классификация красноглиняной поливной керамики..., с. 83.
- ¹⁹ *Полевой Л. Л.* Указ. соч., с. 141, 148, табл. XXX, рис. 2.
- ²⁰ *Макарова Т. И.* Указ. соч., с. 37, рис. 3, 2—3.
- ²¹ *Якобсон А. Л.* Указ. соч., с. 114, рис. 79. 6.
- ²² *Полевой Л. Л.* Указ. соч., с. 141, табл. XXX, рис. 4.
- ²³ *Якобсон А. Л.* Указ. соч., с. 112, рис. 75. 2.
- ²⁴ *Наджафова Н.* Указ. соч., с. 20, 29.

- ¹ *Рикман Э. А.* Археологические работы в 1954 г. на городище у с. Костешты. — Известия МФ АН СССР, № 5(25), 1955, с. 107.
- ² *Полевой Л. Л., Рафалович И. А.* О городской керамике Днестровско-Прутского междуречья. — Известия МФ АН СССР, № 4(70), 1960, с. 57, 61.
- ³ *Полевой Л. Л.* Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV веке. Кишинев, 1969, с. 145—185.

- ²⁵ Булатов Н. М. Классификация красноглиняной поливной керамики..., с. 102, табл. 3, рис. 5.
- ²⁶ Макарова Т. И. Указ. соч., с. 14, рис. 1.2.
- ²⁷ Булатов Н. М. Классификация красноглиняной поливной керамики..., с. 102, табл. 3, рис. 2.
- ²⁸ Смирнов А. П. Волжские Булгары. М., 1951, табл. XVIII, рис. 151—152; Плетнева С. А. Керамика Саркела-Белой Вежи. — МИА, № 75, 1959, с. 135—236.
- ²⁹ Полевой Л. Л. Указ. соч., с. 154.
- ³⁰ Артамонов М. И. Саркел-Белая Вежа. — МИА, № 62, 1958, с. 33—34.
- ³¹ Папа-Афанасопуло К. Золотоордынская керамика. — УЗСГУ, III, вып. 3. Саратов, 1925, рис. 1.
- ³² Бернштам А. Н. Чуйская долина. ТСАЭ. МИА, № 14, 1950, с. 135, табл. XXIX, 5.
- ³³ Кафадарян К. Город Двин и его раскопки. Ереван, 1952, с. 187, табл. 160; Ахмедов Г. А. Неполновинная керамика Орен-Колла. — МИА, № 67, 1959, с. 220; Джапаридзе В. Керамика XI—XIII вв. из Тбилиси. — ВГМГ, т. XVI в. Тбилиси, 1950, с. 151, рис. 8.
- ³⁴ Полевой Л. Л. Указ. соч., с. 149—150.
- ³⁵ Avachian Qr. Sapaturile dela Cetatea-Alba. SM I, III, Chişinău, 1931, p. 100—101, fig. 124.
- ³⁶ Полевой Л. Л. Указ. соч., с. 153, табл. XXX, 8.
- ³⁷ Михальченко С. Е. Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья. — СА, 1973, № 3, с. 122—123, рис. 3, 1.
- ³⁸ Полевой Л. Л. Указ. соч., с. 123—153, табл. XXIII, 8.
- ³⁹ Так как химический анализ полив на красноглиняной керамике еще не получен, то по аналогии с крымской и поволжской посудой она отнесена к отделу со свинцовыми поливами.
- ⁴⁰ Яковсон А. Л. Указ. соч., с. 116.
- ⁴¹ Там же, с. 175—178.
- ⁴² Булатов Н. М. Классификация красноглиняной поливной керамики..., с. 78—79.
- ⁴³ Яковсон А. Л. Указ. соч., с. 193—195.
- ⁴⁴ Булатов Н. М. Классификация красноглиняной поливной керамики..., с. 79.
- ⁴⁵ Там же, с. 81—84.
- ⁴⁶ Наджафова Н. Указ. соч., с. 25.
- ⁴⁷ Яковсон А. Л. Указ. соч., с. 169.
- ⁴⁸ Там же, табл. X, 45; XX, 74, 76, 77; XXXII, 134; XXXIV, 145.
- ⁴⁹ Булатов Н. М. Классификация красноглиняной поливной керамики..., с. 87.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Яковсон А. Л. Указ. соч., с. 188, табл. XX, рис. 77.
- ⁵² Миятев Кр. Художественная керамика. — В кн.: Мадара, I. София, 1934, табл. 1, 6.
- ⁵³ Яковсон А. Л. Указ. соч., с. 190.
- ⁵⁴ Там же, с. 190—191.
- ⁵⁵ Якубовский А. Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке. — ИГАИМК, VIII, вып. 2—3. М., 1931, с. 31—32, рис. 3.
- ⁵⁶ Шелковников Б. А. Поливная керамика из раскопок города Ани. Ереван, 1957, с. 38.
- ⁵⁷ Булатов Н. М. Классификация красноглиняной поливной керамики..., с. 88, табл. III, 5.
- ⁵⁸ Полевой Л. Л. Указ. соч., с. 161, табл. XXI, 4, 6, 9, 10, 12.
- ⁵⁹ Avachian Qr. Sapaturile de la Cetatea-Alba. SMIV, III, Chişinău, 1931, p. 101, fig. 123.
- ⁶⁰ Левиатов Н. В. Керамика Старой Ганджи. Баку, 1940, с. 20; Майсурадзе З. Указ. соч., с. 27; Джапаридзе В. Керамическая промышленность Грузии. Тбилиси, 1955, табл. X, 1, 5; Шелковников В. Керамика и стекло из раскопок города Двина. — ТГИМ АН Арм. ССР, 1952, № 4, с. 51, 68—69.
- ⁶¹ Яковсон А. Л. Указ. соч., с. 183, табл. XV, 58; табл. XVI, 59—61.
- ⁶² Там же, с. 183.
- ⁶³ Там же, табл. V, 27, табл. XXII, 82.
- ⁶⁴ Яковсон А. Л. Художественная керамика Байлакана (Орен-Кала). — МИА, № 67, 1959, табл. XVI, 6.
- ⁶⁵ Булатов Н. М. Классификация красноглиняной поливной керамики..., табл. V, 2, VI, 7, VII, 1—4.
- ⁶⁶ Nicolescu C. La ceramique roumaine emaillee du Moyen-Age. Byzantinoslavica, XXI, 2. Prague, 1960, fig. 11.
- ⁶⁷ Яковсон А. Л. Указ. соч., с. 185.
- ⁶⁸ Яковсон А. Л. Художественная керамика Байлакана (Орен-Кала), с. 256, табл. VII (группа 7 А, № 179).
- ⁶⁹ Попов Р. Сондажи и раскопки в Гольмата пещера 1932 год. — В кн.: Мадара, I. София, 1934, обр. 175; Миятев Кр. Керамични фрагменти отъ Месемврия. — ИАИ, т. V. София, 1929, с. 350—352, обр. 213—216.
- ⁷⁰ Slătineanu V. Ceramica românească. Buc., 1938, pl. 11 a.
- ⁷¹ Полевой Л. Л. Поливная керамика из раскопок гончарного района на поселении XIV в. у с. Костешты. — МИАЭМ, Кишинев, 1964, табл. II, 1, 2, 4.
- ⁷² Яковсон А. Л. Указ. соч., с. 180—181, 186.
- ⁷³ Левиатов Н. В. Указ. соч., с. 19, рис. 15, 16; Шелковников Б. А. Керамика и стекло из раскопок города Двина. — ТГИМ АН АрмССР, 1952, № 4, с. 40—49, рис. 6; Джапаридзе В. Керамическая промышленность Грузии. Тбилиси, 1955, табл. XXXVIII, 5.

- ⁷⁴ Lane A. Islamic pottery. London, 1956, fig. 53, 76—77; Kochlin R. Les céramiques de Suse au Musée du Louvre. — Mémoires Mission archéologique de Parse, t. XIX. Paris, 1928, p. 69—70, pl. XV, 108.
- ⁷⁵ Race D. T. Byzantine glazed pottery. Oxford, 1930, p. 65, fig. 5.
- ⁷⁶ Полевой Л. Л. Указ. соч., с. 168, табл. XXXIV, 3, 7.
- ⁷⁷ Шелковников Б. А. Поливная керамика из раскопок города Ани, с. 30.
- ⁷⁸ Якобсон А. Л. Указ. соч., с. 184.
- ⁷⁹ Чангова Й. Средневекового селище над Тракийския град Севтополис XI—XIV вв. София, 1972, с. 67, рис. 542.
- ⁸⁰ Constantinescu N. Coconi. Un sat din cîmpia Română în epoca lui Mircea cel Bătrîn. Вис., 1972, pl. XLIII, 10.
- ⁸¹ Якобсон А. Л. Указ. соч., с. 178—187.
- ⁸² Там же, с. 186, табл. XIX, рис. 73.
- ⁸³ Левиатов Н. В. Указ. соч., рис. 18, 28, 31.
- ⁸⁴ Наджафова Н. Указ. соч., с. 30.
- ⁸⁵ Полевой Л. Л. Указ. соч., табл. XXXIV, 4.
- ⁸⁶ Якобсон А. Л. Указ. соч., табл. XX, 76, XXI, 79.
- ⁸⁷ Булатов Н. М. Классификация красноглиняной поливной керамики..., с. 86.
- ⁸⁸ Якобсон А. Л. Указ. соч., с. 116.
- ⁸⁹ Сайко Э. В. Глазури керамики Средней Азии VIII—XII вв. Душанбе, 1963, с. 51, 81.
- ⁹⁰ Булатов Н. М. Классификация красноглиняной поливной керамики..., с. 92, 99.
- ⁹¹ Там же, с. 93.
- ⁹² Булатов Н. М. Классификация красноглиняной поливной керамики..., с. 89.
- ⁹³ Якобсон А. Л. Указ. соч., с. 217.
- ⁹⁴ Constantinescu N. Coconi. Un sat din cîmpia Ramână în epoca lui Mircea cel Bătrîn, pl. XL, 13, 14.
- ⁹⁵ Наджафова Н. Указ. соч., с. 62.
- ⁹⁶ Якобсон А. Л. Указ. соч., табл. XXVIII, XXXIV.
- ⁹⁷ Там же, с. 197.
- ⁹⁸ Там же, с. 187.
- ⁹⁹ Там же, с. 186.
- ¹⁰⁰ Там же, с. 187.
- ¹⁰¹ Полевой Л. Л. Указ. соч., с. 176.
- ¹⁰² Якобсон А. Л. Указ. соч., с. 178—187.
- ¹⁰³ Булатов Н. М. Классификация красноглиняной поливной керамики..., с. 94.
- ¹⁰⁴ Якобсон А. Л. Указ. соч., с. 187.
- ¹⁰⁵ Булатов Н. М. Указ. соч., с. 176.
- ¹⁰⁶ Булатов Н. М. Классификация красноглиняной поливной керамики..., с. 97.
- ¹⁰⁷ Булатов Н. М. Алебастровые формы из керамической мастерской Селитренного городища. — СА, 1972, № 1, с. 272.
- ¹⁰⁸ Там же, с. 273.
- ¹⁰⁹ Булатов Н. М. Классификация кашинной поливной керамики..., с. 95.
- ¹¹⁰ Гражданкина Н. С. Методика химико-технологического исследования древней керамики. — В кн.: Археология и естественные науки, М., 1965, с. 159.
- ¹¹¹ Булатов Н. М. Классификация кашинной поливной керамики..., с. 98—109.
- ¹¹² Вактурская Н. Н. Классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). Керамика Хорезма. — ТХАЭ, IV. М., 1959, с. 320—326.
- ¹¹³ Булатов Н. М. Классификация кашинной поливной керамики..., с. 102.
- ¹¹⁴ Пугаченкова Г. А. Орнаментированный сосуд из Куня-Ургенча. — Труды Ташкентского госуниверситета им. В. И. Ленина, вып. 172. Ташкент, 1960, с. 197—200.
- ¹¹⁵ Вактурская Н. Н. Указ. соч., с. 324, рис. 35.—5.
- ¹¹⁶ Баллод Ф. В. Приволжские Помпеи. М.—Пг., 1923, с. 39—40, табл. 7.—6; Булатов Н. М. Классификация кашинной поливной керамики..., с. 103, рис. 2. 1.
- ¹¹⁷ Бурнашева Ф. А. Методика изучения древних глазурей. — В кн.: Археология и естественные науки. М., 1965, с. 184.
- ¹¹⁸ Булатов Н. М. Классификация кашинной поливной керамики..., с. 98.
- ¹¹⁹ Там же, с. 98.
- ¹²⁰ Там же, с. 99.
- ¹²¹ Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976, с. 138, рис. 104.
- ¹²² Там же, с. 145, рис. 111.
- ¹²³ Там же, с. 142, рис. 108.
- ¹²⁴ Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки Нового Сарая в 1959—1962 гг. — СА, 1964, № 1, с. 265, рис. 13.3.
- ¹²⁵ Вактурская Н. Н. Указ. соч., рис. 8, 9 и др.
- ¹²⁶ Тереножкин А. И. О древнем гончарстве в Хорезме. — Известия Узбекского Филиала АН СССР, 1940, № 6, с. 54—64, табл. II, рис. 5.
- ¹²⁷ Наджафова Н. Указ. соч., рис. 12 и след.
- ¹²⁸ Кверфельд Э. К. Керамика Ближнего Востока. Л., 1947, с. 70.
- ¹²⁹ Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников..., с. 137.
- ¹³⁰ Вактурская Н. Н. Указ. соч., с. 322, рис. 36, 3.5.
- ¹³¹ Булатов Н. М. Классификация кашинной поливной керамики..., с. 99—101.
- ¹³² Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников..., с. 137.
- ¹³³ Там же, с. 126.
- ¹³⁴ Якобсон А. Л. Указ. соч., с. 190.
- ¹³⁵ Булатов Н. М. Классификация кашинной поливной керамики..., с. 1005; Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников..., с. 145, с. 111.
- ¹³⁶ Булатов Н. М. Классификация кашинной поливной керамики..., с. 100—101; Федо-

- ров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников..., с. 137, 144, рис. 110.
- ¹³⁷ Вактурская Н. Н. Указ. соч., рис. 29.1.
- ¹³⁸ Булатов Н. М. Классификация кашинной поливной керамики..., с. 110; Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников..., с. 137, 139, рис. 105.
- ¹³⁹ Вактурская Н. Н. Указ. соч., рис. 32, 6.
- ¹⁴⁰ Булатов Н. М. Классификация кашинной поливной керамики..., с. 101—102.
- ¹⁴¹ Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников..., с. 146.
- ¹⁴² Кверфельд Э. К. Указ. соч., с. 27.
- ¹⁴³ Сайко Э. В. Среднеазиатская глазурованная керамика XII—XV вв. Душанбе, 1969, с. 52.
- ¹⁴⁴ Там же, с. 28.
- ¹⁴⁵ Булатов Н. М. Классификация кашинной поливной керамики..., с. 102.
- ¹⁴⁶ Вактурская Н. Н. Указ. соч., с. 323—324, рис. 34, 1; 35.5.
- ¹⁴⁷ Булатов Н. М. Классификация кашинной поливной керамики..., с. 103.
- ¹⁴⁸ Кверфельд Э. К. Указ. соч., с. 63.
- ¹⁴⁹ Баллод Ф. В. Указ. соч., с. 39—40; табл. 7.6.
- ¹⁵⁰ Вактурская Н. Н. Указ. соч., с. 324.
- ¹⁵¹ Пугацenkova Г. А. Указ. соч., с. 197—200.
- ¹⁵² Гражданкина Н. С., Ртвеладзе Э. В. Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Маджара. — СА, 1971, № 1, с. 128, рис. 14.
- ¹⁵³ Наджаfoва Н. Указ. соч., рис. 12 и др.
- ¹⁵⁴ Вактурская Н. Н. Указ. соч., с. 323, рис. 34.1.
- ¹⁵⁵ Булатов Н. М. Классификация кашинной поливной керамики..., с. 104.
- ¹⁵⁶ Там же.
- ¹⁵⁷ Там же.
- ¹⁵⁸ Вактурская Н. Н. Указ. соч., с. 326.
- ¹⁵⁹ Булатов Н. М. Классификация кашинной поливной керамики..., с. 104.
- ¹⁶⁰ Там же.
- ¹⁶¹ Там же, с. 105.
- ¹⁶² Там же.
- ¹⁶³ Кверфельд Э. К. Указ. соч., с. 103.
- ¹⁶⁴ Булатов Н. М. Классификация кашинной поливной керамики..., с. 105.
- ¹⁶⁵ Кверфельд Э. К. Указ. соч., с. 103.
- ¹⁶⁶ Булатов Н. М. Классификация кашинной поливной керамики..., с. 108—109.
- ¹⁶⁷ Вактурская Н. Н. Указ. соч., с. 108.
- ¹⁶⁸ Булатов Н. М. Указ. соч., с. 108.
- ¹⁶⁹ Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников..., с. 128.
- ¹⁷⁰ Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер П. С., Мухамедиев А. Г. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959—1966 гг. — В кн.: Поволжье в средние века. — МИА, № 164, 1970, с. 110—112.
- ¹ Археологические исследования в Старом Орхее начаты в 1947 г. Г. Д. Смирновым. См.: Смирнов Г. Д. Археологические исследования Старого Орхее. — КСИИМК, 1954, вып. 56; он же. Из истории Старого Орхее. — Известия МФ АН СССР, 1960, № 4(70).
- ² Абсолютное большинство монетных находок из Старого Орхее (равно как и их аналоги) опубликованы и подробно описаны в соответствующих исследованиях и каталогах. Это обстоятельство освобождает автора от необходимости их дублирования. Незначительное же число находок, оставшихся пока еще не изданными, только количественно увеличивает состав уже известных в литературе находок, дополняя их общую картину отдельными разновидностями и вариантами, отнюдь не меняя качественного состава находок.
- ³ Полевой Л. Л. К истории денежного обращения в юго-западной Руси и Молдавии. — Известия МФ АН СССР, 1953, № 5(25), с. 85—93; он же. К топографии кладов и находок монет, обращавшихся на территории Молдавии в конце XIII—XV вв. — Известия МФ АН СССР, 1956, № 4(31), с. 91—103; он же. Нумизматические данные к истории молдавского средневекового города Старого Орхее. — КСИИМК, 1956, вып. 66, с. 78—82; он же. Монеты из раскопок Старого Орхее (1947—1956 гг.). — МИАЮЗ СССР и РНР. Кишинев, 1960, с. 317—352; он же. Археологические данные к истории Молдавии XIV в. — СА, 1965, № 3, с. 67; он же. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в. Кишинев, 1969, с. 29, 30, 204; он же. Монеты из раскопок 1968—1969 гг. — АИМ в 1968—1969 гг. [1]. Кишинев, 1972, с. 238—240; он же. Памятники золотоордынского времени XIV в. — АКМ, вып. 7. Кишинев, 1974, с. 38; он же. Днестровско-Карпатские земли в XII—XIII вв. и в период татаро-монгольского господства. — В кн.: История народного хозяйства Молдавской ССР (с древнейших времен до 1812 г.). Кишинев, 1976, с. 68; он же. Очерки исторической географии Молдавии XIII—XV вв. Кишинев, 1979, с. 142 и сл.
- ⁴ Янина С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946—1952 гг. (I). — МИА, № 42, 1954, с. 425—484; она же. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1953—1954 гг. (II). — МИА, 61, 1958, с. 392—423; она же. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1957 г. (III). — МИА, № 80,

- 1960, с. 210—223; *она же*. Общий обзор коллекции джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах 1946—1958 гг. (IV). — МИА, № 111, 1962, с. 153—178; *она же*. Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище в 1959—1962 гг. — В кн.: Поволжье в средние века. — МИА, № 164, 1970, с. 194—222; *она же*. Золотые анонимные монеты Хорезма 60—70 гг. XIV в. в собрании ГИМ. — НС ГИМ, ч. IV, вып. 3. М., 1971, с. 25—76; *она же*. «Новый город» (= Янги-Шехр = Шехр ал-Джедид) — монетный двор Золотой Орды и его местоположение. — НС ГИМ, ч. V, вып. 1 (ТГИМ, 49). М., 1977, с. 193—213.
- ⁵ Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет. — НЭ, I, 1960; *он же*. Находки джучидских монет — НЭ, IV, 1963; *он же*. Основные закономерности развития денежно-весовых норм в Золотой Орде. — АЕ за 1957 г., М., 1958; *он же*. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966; *он же*. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
- ⁶ Нудельман А. А. Монеты из раскопок и сборов 1971—1972 гг. — АИМ в 1972 г. Кишинев, 1974, с. 209—216, 219—220; *он же*. Монеты из раскопок и сборов 1972—1973 гг. — АИМ в 1973 г. Кишинев, 1974, с. 195—197; *он же*. Топография кладов и находок единичных монет. — АКМ, вып. 8. Кишинев, 1976, с. 139—140; Абызова Е. Н., Бырня П. П., Великанова М. С., Нудельман А. А. Исследования в Старом Орхее. — АО в 1976 г. М., 1977, с. 450—451; Абызова Е. Н., Бырня П. П., Нудельман А. А. Исследования в Старом Орхее. — АО в 1977 г. М., 1978, с. 464—465; *они же*. Работы Молдавской средневековой экспедиции. — АО в 1978 г. М., 1979, с. 484.
- ⁷ В разделе приводятся обобщенные данные о находках монет XIV в., обнаруженных в Старом Орхее с 1947 г. до начала полевого сезона 1981 г.
- ⁸ Число монет указано в круглых скобках.
- ⁹ Здесь и далее указан год хиджры.
- ¹⁰ Янина С. А. Джучидские монеты... (II), с. 393; *она же*. Джучидские монеты... (III), с. 210.
- ¹¹ Янина С. А. Джучидские монеты... (III), с. 211.
- ¹² Янина С. А. Джучидские монеты... (I), с. 434; *она же*. Джучидские монеты... (III), с. 211; Федоров-Давыдов Г. А. Клады..., с. 103.
- ¹³ Янина С. А. Джучидские монеты... (III), с. 211.
- ¹⁴ Федоров-Давыдов Г. А. Клады..., с. 95, 133:16, 19; 134:20, 23; 135:24, 28; 136:31/a, 35; 137:37, 43; 138:44, 46—47; 139:48—50; 55; 140:57—58, 60; 141:67; 142:69, 72, 74; 143:75—76, 77/a; 144:80—82; 145:85—89; 146:93, 95; 147:95/a—в, 96; 148:97—98; 160; 149:103; 150:108/a, 112—113; 151:117, 119—120; 152:122; 153:125/a, 128—129/a; 155:137 и сл., *он же*. Находки..., с. 167; табл. I, 214:52/a; 215:58/a, 75/a, 103/a, 112/a; 216:138; *он же*. Находки кладов золотоордынских монет. — Города Поволжья в средние века. М., 1974, с. 178:52/6-г, 95/в, 118/a; 179:171/в; *он же*. Досаевский клад золотоордынских монет. — Исследования по археологии Чувашии. Чебоксары, 1978, с. 30—56.
- ¹⁵ Федоров-Давыдов Г. А. Клады..., с. 168: 197; 169:201; 171:208; 173:218; 174:219.
- ¹⁶ Янина С. А. Монеты Золотой Орды..., с. 194, 197.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же, с. 197; Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй..., с. 79; *он же*. Курганы, идолы, монеты. М., 1968, с. 114—117. Егоров В. Л. Причины возникновения городов у монголов в XIII—XIV вв. — История СССР, 1969, № 4, с. 44—45; *он же*. Золотоордынский город (причины возникновения, историческая география, домостроительство). Автореф. канд. дис. М., 1973, с. 9; *он же*. География городов Золотой Орды. — СА, 1977, № 1, с. 115.
- ¹⁹ АЛОИА, ф. 1, 1904 г., д. 175, л. 1, 6—7; ОАК за 1904 г., 1907, с. 121, 153; Полевой Л. Л. К топографии..., с. 101 (находка № 29); Федоров-Давыдов Г. А. Клады..., с. 132 (находка 11); Нудельман А. А. К вопросу о составе денежного обращения в Молдавии в XIV—нач. XVI в. (По материалам кладов). — В кн.: Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975, с. 96 (находка 2).
- ²⁰ Nicu O., Simion G. Le grand trésor de monnaies et lingots de XIIIe et XIVe siècles, trouvé en Dobroudja septentrionale. — Revue des études sud-est européenne, 1964, vol. II, N 1/2, p. 217—228; Федоров-Давыдов Г. А. Находки кладов..., с. 177 (находка 13/с).
- ²¹ Федоров-Давыдов Г. А. Находки кладов..., с. 177 (находка 13/в); Полевой Л. Л. Очерки..., табл. 13 (подробную библиографию см.: Нудельман А. А. К вопросу..., с. 95 (№ 1), 121 (сн. 11)).
- ²² Федоров-Давыдов Г. А. Клады..., с. 132 (12—13/a); *он же*. Находки..., с. 212(586); *он же*. Кочевники..., с. 214, 215; Нудельман А. А. Топография..., с. 146(61), 147(62—63).
- ²³ Федоров-Давыдов Г. А. Находки..., с. 211(579—579/в), 212(587—589); Полевой Л. Л. Очерки..., табл. 13.

- ²⁴ Полевой Л. Л. Очерки..., с. 141, 142.
- ²⁵ Федоров-Давыдов Г. А. Клады..., с. 133(16, 18), 134(20, 22—23), 135(24, 27—29), 136(32, 35 и сл.), 155(136—137), 156(138), 157(141—142, 144—145 и сл.), 167(190), 169(200), 173(218 и сл.); *он же*. Находки кладов..., с. 178(52/б-г), 95/а, 95/в; 179(118/а, 171/а); *он же*. Досаевский клад..., с. 30—56; *он же*. Две заметки по золотоордынской нумизматике (Клад монет из Царевского городища). — В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978, с. 249—253; Полевой Л. Л. Нумизматические данные..., с. 80.
- ²⁶ Янина С. А. Общий обзор... (IV), с. 155; табл. 2; *она же*. Монеты Золотой Орды. — В кн.: Поволжье в средние века. М., 1970, с. 194, 196, табл. 2; *она же*. «Новый город»..., с. 208.
- ²⁷ Федоров-Давыдов Г. А. Находки..., с. 167 (табл. 2), 168, 170, 171; (см. также: Егоров В. Л., Федоров-Давыдов Г. А. Исследование мечети на Водянском городище. — В кн.: Средневековые памятники Поволжья, с. 164—167; Мухамадиев А. Г., Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки усадьбы на Царевском городище. — Вестник Московского университета, сер. «История», 1978, № 3, с. 101).
- ²⁸ Там же, с. 169 и сл.; Янина С. А. «Новый город»..., с. 208.
- ²⁹ Янина С. А. «Новый город»..., с. 208.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Смирнов Г. Д. Из истории Старого Орхее. — Известия МФ АН СССР, № 4(70), 1960, с. 80.
- ³² Полевой Л. Л. Нумизматические данные..., с. 80.
- ³³ Егоров В. Л. География городов..., с. 115, 116, 121.
- ³⁴ Федоров-Давыдов Г. А. Золотая Орда и монгольский Иран. — Вестник Московского университета, сер. «История», 1978, № 6, с. 36.
- ³⁵ Янина С. А. «Новый город»..., с. 208.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же, с. 204.
- ³⁸ Там же, с. 208. [см. также: Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй..., с. 147 (сн. 14)].
- ³⁹ Там же, с. 209.
- ⁴⁰ Там же, с. 208, 209.
- ⁴¹ Имеется в виду регулярная продукция монетного двора, а не различные экземпляры подражательного характера, изготовленные самодельным, «кустарным» способом местными ремесленниками.
- ⁴² Янина С. А. «Новый город»..., с. 209, 210.
- ⁴³ Полевой Л. Л. Очерки..., табл. 13(19).
- ⁴⁴ Нудельман А. А. Монеты из раскопок II сборов 1972—1973 гг. — АИМ в 1973 г., 1974, с. 199, 200.
- ⁴⁵ Нудельман А. А. Топография..., с. 133(150).
- ⁴⁶ Янина С. А. «Новый город»..., с. 195 (Каталог...).
- ⁴⁷ Нудельман А. А. К вопросу..., — КДЗ, 1975, с. 104 (г).
- ⁴⁸ Федоров-Давыдов Г. А. Клады... (см. Поднепровье); *он же*. Находки... (см. Поднепровье); Полевой Л. Л. Нумизматические данные..., с. 81.
- ⁴⁹ Ср.: Полевой Л. Л. Нумизматические данные..., с. 81.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Монета хранилась в собрании П. С. Концепольского.
- ⁵² Федоров-Давыдов Г. А. Две заметки..., с. 254.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Нудельман А. А. К вопросу..., с. 99.
- ⁵⁶ Затронутый вопрос будет изучен при рассмотрении монетного обращения в Старом Орхее в молдавский период.
- ⁵⁷ Нудельман А. А. К вопросу..., с. 98:9.
- ⁵⁸ Там же, с. 99(15).
- ⁵⁹ Там же, с. 99(16).
- ⁶⁰ Там же, с. 101(22).
- ⁶¹ Там же, с. 102:26.
- ⁶² Котляр М. Ф. Грошовий ринок Галицької Русі другої половини XIV — першої чверті XV ст. — Історичні джерела та їх використання, II. Київ, 1966, с. 181, 182, 183; *он же*. Грошовий обіг на території України доби феодалізму. Київ, 1971, с. 68 и сл.
- ⁶³ Штерн Э. Р. Раскопки в Аккермане летом 1912 г. Одесса, 1913, с. 10 [(ср.: Полевой Л. Л. К истории..., с. 90; *он же*. К топографии..., с. 94, 101 (№ 29); *он же*. Очерки..., табл. 15 (№ 25), рис. 8 (карта, врезка «А», № 25; Нудельман А. А. К вопросу..., с. 110 (и сн. 63)].
- ⁶⁴ Полевой Л. Л. К топографии..., — Известия МФ АН СССР, 1956, № 4(31), с. 94; *он же*. Нумизматические данные..., — КСИИМК, 1956, вып. 66, с. 81; Нудельман А. А. К вопросу..., — КДЗ, 1975, с. 110.
- ⁶⁵ Вопрос о времени окончательного отката золотоордынцев на Восток из Днестровско-Прутского региона, равно как и дальнейшие судьбы последнего (вплоть до его освоения Молдавским княжеством), пока не разработан. Л. Л. Полевой (Очерки..., с. 163) считает, что территория Днестровско-Прутского междуречья была оставлена монголами в 60—70-х гг. XIV в. Новейшие исследования П. Ф. Параски (Территориальное становление Молдавского феодального государства во второй половине XIV в. — В кн.: Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы (до середины XIX в.).

Кишинев, 1980, с. 81; *он же*. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. Автореф. канд. дис. Кишинев, 1980, с. 11) привели его к заключению, что после ухода монголов из этого региона последний перешел во владение к удельным литовским князьям Кориатовичам — Юргу, Александру и Константину, овладевшим Подольем от имени великого литовского князя Ольгерда после победы литовско-русского войска при Синих водах в 1362 г. над объединенными отрядами трех татарских беков — Кутлубуги, Хаджибея и Дмитрия. По мнению П. Ф. Параски, после этого поражения остатки монголо-татар сосредоточились, вероятно, в районе устья Дуная. Основываясь на анализе ряда документов

последней трети XIV—первой трети XV в., П. Ф. Параска пришел к выводу, что бывшие владения монголо-татар на юго-востоке Карпато-Днестровских земель (впоследствии ставшие подвластными литовским князьям), были включены в состав Молдавского княжества не ранее августа 1386 г. и не позднее начала мая 1387 г. Как указывает П. Ф. Параска, если титул воеводы Романа, именовавшего себя в документе от 30 марта 1392 г. впервые официально среди молдавских господарей самодержавным господином и владельцем Земли Молдавской «от планин до моря» не случаен, то не позднее указанной даты вся территория Днестровско-Прутского междуречья входила уже в состав Молдавского княжества.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ	Археографический ежегодник. М.
АИМ	Археологические исследования в Молдавии. Кишинев
АҚМ	Археологическая карта Молдавии. Кишинев
АЛОНА	Архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР
АО	Археологические открытия. М.
ВГМГ	Вестник Государственного исторического музея Грузии
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
ИАИБАН	Известия на Археологический Институт при Болгарской АН
ИГАИМК	Известия Государственной Академии истории материальной культуры СССР
Изв. МФ	Известия Молдавского филиала АН СССР. Кишинев
КДЗ	Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР АН СССР
МИАЭМ	Материалы и исследования по археологии и этнографии МССР
МИАЮЗ	Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской
СССР	Народной Республики. Кишинев, 1960
и РНР	
НС ГИМ	Нумизматический сборник Государственного исторического музея СССР
НЭ	Нумизматика и эпиграфика. М.
ОАК	Отчеты Археологической Комиссии. Труды Санкт-Петербургской библиотеки
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников. М.
ТГИМ	Труды Государственного исторического музея СССР
ТГИМ АН	Труды Государственного музея АН Армянской ССР
Арм ССР	
ТТГУ	Труды Ташкентского государственного исторического музея
ТХАЭ	Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР
ТСАЭ	Труды Семиреченской археологической экспедиции АН СССР
УЗСГУ	Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского
SDO	Sova A. V. Documente privitoare la târgul și ținutul Orheiului. Buc., 1944

Е. Н. АБЫЗОВА,
П. П. ВЫРНЯ,
А. А. НУДЕЛЬМАН

**ДРЕВНОСТИ
СТАРОГО
ОРХЕЯ**
Золотоордынский
период

*Утверждено к изданию
Редакционно-издательским
советом АН Молдавской ССР*

ИБ № 1510

Редактор *Г. Д. Кулябина*. Художник *В. М. Шишко*. Художественный редактор
И. А. Ростова. Технический редактор *Н. В. Попеску*. Корректоры *А. К. Дерманская*,
А. Я. Меламед

Сдано в набор 28.08.81. Подписано к печати 4.12.81. АБ07626. Формат 70×100¹/₁₆.
Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,06+
+0,325 вкл. Усл. кр.-отт. 24,42. Уч.-изд. л. 8,0+0,41 вкл. Тираж 2825. Заказ 544.
Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Штинца», 277028, Кишинев, ул. Академическая, 3.

Типография издательства «Штинца», 277004, Кишинев, ул. Берзарина, 8.